

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
_____ И.В. Евсева

« ____ » _____ 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О СНОВИДЕНИЯХ
(ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ
АСПЕКТЫ)**

Выпускник	Т.Д. Тараденко
Научный руководитель	д-р филол. наук, проф. О.В. Фельде
Нормоконтролер	Н.С. Севруженко

Красноярск 2021

РЕФЕРАТ

Тема бакалаврской работы – «Устные рассказы о сновидениях (типологический и коммуникативный аспекты)». Выпускная квалификационная работа представлена в объеме 147 страниц, включает в себя введение, 3 главы, заключение, список использованной литературы, состоящий из 67 источников, 5 из которых на иностранном языке, а также 2 приложения.

Ключевые слова: КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, КОММУНИКАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ, УСТНЫЙ ДИСКУРС, УСТНЫЙ РАССКАЗ, ВЕЩИЙ СОН, СОН-КОШМАР, ТИПОЛОГИЯ, ОБРАЗ СНА, ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА.

Цель: описать коммуникативные особенности устных рассказов о сновидениях.

Задачи: 1) сформировать эмпирическую базу исследований; подготовить хрестоматию рассказов о сновидениях (сны-кошмары и вещие сны); 2) рассмотреть особенности устного дискурса; 3) выявить жанровые особенности устного рассказа о сновидении; 4) представить типологию устных рассказов снов-кошмаров и вещих снов; 5) описать особенности коммуникативных сценариев устных рассказов о сновидении; 6) выявить языковые особенности экспликации устных рассказов о снах-кошмарах и о вещих снах.

Актуальность темы обусловлена обращенностью к решению дискуссионных проблем устной коммуникации, ее жанров и языковых особенностей. В работе затрагиваются фундаментальные проблемы «язык и эмоция», «язык и сознание», «язык и речь».

Основные выводы и результаты исследования:

1. Установлено, что устные рассказы о сновидениях отражают психическую деятельность человека, лежащую в основе речевой. Следовательно, они представляют лингвистическую ценность для антропоцентрического языкознания.

2. Доказано, что устный рассказ о сновидении обладает всеми признаками речевого жанра. Анализ научной литературы, посвященной исследованию устных рассказов о сновидении, показал, что необходимо более глубокое изучение данного жанра с позиции коммуникативной лингвистики.

3. Типология устных рассказов в сновидениях обнаруживает схожие и различные черты в зависимости от предмета сновидения: кошмар или вещий;

4. Установлено, что коммуникативные сценарии устных рассказов о сновидениях обладают определенной структурой, которая специфична для снов-кошмаров и вещих снов. Различия касаются кульминационной и заключительной части (коды).

5. В устном рассказе об увиденном сне информанты используют нарративную речевую стратегию, которая реализуется через тактику портретирования (сны-кошмары и вещие сны), а также тактику сопоставления (вещие сны);

6. Языковые особенности экспликации образов сна снов-кошмаров юношеской фокус-группы обнаруживает большее разнообразие. Маркирующими языковыми единицами устных рассказов о снах-кошмарах являются эмотивы и оценочная лексика, а для устных рассказов о вещих снах характерна лексика с темпоральной семантикой (темпоративы) и также оценочная лексика.

7. Образы сна эксплицируются перцептивной лексикой, колоративами, соматизмами, а также различными стилистическими средствами (эпитеты, аллюзия и т.п.).

Перспективой дальнейшего исследования является расширение эмпирической базы и анализ материала с точки зрения лингвоперсонологии, микросоциолингвистики и лингвистической эмотиологии.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О СНОВИДЕНИЯХ	7
1.1. Устный дискурс как объект лингвистического исследования	7
1.2. Устный рассказ о сновидении как речевой жанр	11
1.3. Психологические и лингвистические аспекты исследования сновидений	17
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	25
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ СНОВ-КОШМАРОВ	27
2.1. Коммуникативный сценарий в теоретическом аспекте	27
2.2. Типология устных рассказов о снах-кошмарах	30
2.3. Структурные элементы устных рассказов о снах-кошмарах	37
2.4. Языковые средства экспликации образов сна-кошмара	42
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	51
ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ ВЕЩИХ СНОВ	52
3.1. Устные рассказы о вещих снах как объект исследования в гуманитарных науках (философии, психологии, фольклористике, литературоведении и лингвистике)	52
3.2. Типология устных рассказов о вещих снах	60
3.3. Особенности коммуникативного сценария вещих снов	65
3.4. Языковые средства экспликации образов вещего сна	70
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	77
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	82
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Устные рассказы о снах-кошмарах	88
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Устные рассказы о вещих снах	126

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проводится с позиции коммуникативно-дискурсивной лингвистики.

Анализ устных рассказов в типологическом и коммуникативном аспектах входит в число актуальных задач русистики, поскольку позволяет не только выявить характерные черты межличностной коммуникации в той или иной лингвокультуре, но и охарактеризовать особенности психического мира личности, а также выявить каким образом это проявляется в языке речи. Одним из актуальных задач коммуникативно-когнитивной макропарадигмы является исследование коммуникативных сценариев текстов разных речевых жанров.

Актуальность исследования обращенностью к решению дискуссионных проблем устной коммуникации, ее жанров и языковых особенностей. В работе затрагиваются фундаментальные проблемы «язык и эмоция», «язык и сознание», «язык и речь».

Объектом данного исследования является устные рассказы о сновидениях (о снах-кошмарах и о вещих снах).

Предмет исследования – коммуникативные, типологические и языковые особенности устных рассказов о сновидениях.

Устные рассказы о сновидениях не раз становились объектом исследования фольклористов: Н.Ю. Трушкиной в работе «Рассказы о снах», 2002; И.С. Веселовой в «Прагматика устного рассказа», 2003; К.А. Богданова «Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры», 2009; литературоведов: А.М. Ремизова «Огонь вещей. Сны и предсонье», 1954; И.Б. Васильевой «Литературные сновидения с когнитивной точки зрения», 2014; психологов: К.Г. Юнга: «Воспоминания, сновидения, размышления», 1994, «Архетип и символ», 1991; И.В. Васильевой «Теоретические противоречия в определении феномена интуиции», 2015; философов: Аристотеля «О предсказаниях во сне», 2010 и Платона «Тимей», 1994; ученых в области

когнитивной лингвистики: Г.И. Берестнев в «Психология сновидений о будущем», 2016. Широко известен также труд коллектива ученых под руководством А.А. Кибрика «Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса», 2009, в котором основное внимание уделено вопросам акцентологии.

Учитывая высокую лингвистическую информативность таких текстов, следует признать актуальным составление электронных хрестоматий, корпусоидов, отражающих коммуникативные и языковые особенности.

Новизна исследования заключается в том, что с позиций коммуникативно-когнитивной парадигмы рассказы о сновидениях прежде не изучались.

Научная новизна исследования состоит в том, что с позиции коммуникативной лингвистики устные рассказы о сновидениях и их коммуникативные сценарии рассматриваются впервые.

Цель исследования – описать коммуникативные особенности устных рассказов о сновидениях.

Задачи работы:

- 1) сформировать эмпирическую базу исследований; подготовить хрестоматию рассказов о сновидениях (сны-кошмары и вещие сны);
- 2) рассмотреть особенности устного дискурса;
- 3) выявить жанровые особенности устного рассказа о сновидении;
- 4) представить типологию устных рассказов о снах-кошмарах и о вещих снах;
- 5) описать особенности коммуникативных сценариев устных рассказов о сновидении;
- 6) выявить языковые особенности экспликации устных рассказов о снах-кошмарах и о вещих снах.

Материалом исследования послужили:

1) 40 устных рассказов о снах-кошмарах от информантов (студентов ИФиЯК СФУ, ИТиСУ СФУ, ИИФиРЭ СФУ, ИНиГ СФУ, ИУБП СФУ, ИКИТ СФУ, СибГУ им. М.Ф. Решетнева, КрасГМУ) в возрасте 19–25 лет;

2) 30 устных рассказов о вещих снах жителей г. Красноярка, Богучанского и Большемуртынского районов Красноярского края. Эти рассказы объединяет то, что они собраны от женщин и мужчин в возрасте от 50 лет с начальным и средним специальным образованием – трансляторов традиционной лингвокультуры.

Методы сбора материала:

- 1) направленное нарративное интервью;
- 2) метод стенографирования звучащей речи.

Методы исследования:

- 1) методика нарративного анализа;
- 2) метод лингвистического описания;
- 3) метод интерпретативного анализа.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использовать данное исследование:

- 1) в учебном процессе при изучении таких дисциплин, как стилистика, введение в коммуникацию, общее языкознание;
- 2) на спецкурсах и спецсеминарах, посвященных устной русской речи;
- 3) в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов.

Теоретико-методологической базой послужили труды ученых в области коммуникативно-дискурсивной парадигмы лингвистики: Шмелева Т.В [1997]; Карасик В.И. [2000; 2004]; Борботько В.Г. [1981]; Болдырев Н.Н. [2001]; Шляхов В.И. [2008; 2013], Ван Дейк Т.А. [2000]; в области корпусной лингвистики: Кибрик А.А. и др. [2009]; в области нарратологии: Дж. Брунер [1977], У. Лабов [1987]; в области психологии сновидений: Фрейд З. [1989; 1991], Адлер А. [2002] и Юнг К.Г. [1991; 1994].

Апробация исследования: Результаты исследования были представлены на Международной научно-практической конференции

молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» в 2018 г. в г. Красноярск в секции «Языковое сознание и языковая картина мира»; на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019» в 2019 г. в г. Москва в подсекции «Теория дискурса и коммуникации» и «Ломоносов-2021» в 2021 г. в секции «Теория дискурса и коммуникации» (выступление проходило в дистанционном формате); на II Международном «Форуме языков и культур», Филологическая JUVENILIA в 2021 г. в г. Красноярск в секции «Актуальные проблемы лингвистики в работах молодых ученых».

Основная часть работы состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы (67 наименований) и двух приложений. Во введении обосновывается актуальность исследования, формулируются его цели, задачи, указываются источники эмпирического материала, методология, теоретико-методологическая база и практическая значимость работы. В первой главе представлены теоретические основы устного дискурса; составлен «паспорт» речевого жанра устный рассказ о сновидении; представлены психологические и лингвистические аспекты исследования сновидений. Вторая глава посвящена коммуникативному сценарию снов-кошмаров на материале юношеской фокус-группы: дается определение коммуникативного сценария, дается типология устных рассказов о снах-кошмарах, их коммуникативный сценарий и языковые средства экспликации образов сна. В третьей главе исследуются устные рассказы о вещих снах в таких гуманитарных науках, как философия, психология, фольклористика, лингвистика. Выявлены особенности коммуникативного сценария устных рассказов о вещих снах и их языковые особенности. В Заключении обобщаются результаты проведенного исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О СНОВИДЕНИЯХ

1.1. Устный дискурс как объект лингвистического исследования

Сам термин «дискурс» является общим для многих областей науки (психологии, философии, антропологии и др.). Следовательно, четкого и общепризнанного толкования данного термина не существует. По словам А.А. Кибрика: «<...> связанные нетривиальными отношениями различные понимания удачно удовлетворяют тем или иным понятийным потребностям, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке» [Кибрик, Паршин, 2001]. Одной из гуманитарных дисциплин, в котором большая роль отводится изучению дискурса, является лингвистика.

В современном языкознании дискурс понимается по-разному. Его различные толкования были отмечены Т.М. Николаевой в «Кратком словаре терминов лингвистики текста»: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева, 1978: 467].

В своей работе мы будем опираться на определение дискурса, предложенное В.В. Богдановым. Исследователь понимает текст и речь как две сущности дискурса: «термины речь и текст будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину дискурс» [Богданов, 1993: 5–6]. Под дискурсом понимается все то, что пишется и говорится, и таким образом он получает самое широко определение [Щерба, 1974: 29].

Необходимо отметить, опираясь на вышесказанное, что дискурс находится в ряду смежных понятий «язык – речь – дискурс – текст» и чаще

всего идет в противовес тексту, реже – языку. В.Г. Борботько считает, что дискурс – это текст, в состав которого входят следующие коммуникативные единицы языка: предложения и их объединения в более крупные единства. Они находятся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать дискурс как цельное образование [Борботько, 1981: 8]. Кроме того, исследователь уделяет внимание тексту как материалу. По его мнению, текст как материал языка не всегда является дискурсом, т.е. связной речью. Другими словами, дискурс есть текст, однако обратно неверно: не всякий текст представляет собой дискурс.

Под дискурсом понимается только устная речь, а под текстом – письменная форма [Hoey, 1983; Coulthard, 1977]. В.В. Богданов разрушает эту ограниченность, утверждая, что термины «речь» и «текст» – видовые по отношению к родовому термину «дискурс». Речь спонтанна, ненормативна, эллиптическая; диалогична, в то время как текст подготовлен, нормативен, развернут, монологичен или диалогичен. Он отличается от речи графической репрезентацией языкового материала [Богданов, 1993]. Таким образом, дискурс объединяет в себе признаки, свойственные и речи, и тексту.

Как естественное явление в области языкознания дискурс имеет свои типы и разновидности. На первый план выдвигается разграничение на устный и письменный. По словам Л.П. Прокошенковой и И.Б. Гецкиной, это противопоставление зависит от канала передачи информации: «при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный» [Прокошенкова, Гецкина, 2006: 4]. Это разграничение стало причиной различий в сфере наличия контакта между говорящим и адресатом: в письменном дискурсе такого контакта нет, а в устном – частотно. Оно выражается использованием местоимений первого и второго лица, невербальных средств; указанием на эмоции говорящего и адресата и т.д. В письменном же дискурсе наблюдается отстранение говорящего и адресата от описываемой информации в дискурсе, что отражается в употреблении

пассивного залога, безличных и неопределенных форм местоимений и глаголов.

С точки зрения социолингвистики выделяются два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом типе дискурса говорящий выступает как личность, во втором случае – как представитель определенного социального института. Персональный дискурс существует, с точки зрения В.И. Карасика, в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение [Карасик, 2004]. В рамках нашего исследования мы остановим внимание на лично-ориентированном типе.

Персональный дискурс представлен В.И. Карасиком как бытовое и бытийное общение. Специфика бытового общения, детально отраженная в исследованиях разговорной речи, «является естественным исходным типом дискурса, органически усваиваемым с детства» [Карасик, 2000: 5]. Участниками такого общения являются хорошо знакомые люди, находящиеся в неформальной обстановке. Обнаруживается частое использование невербальных средств, которые в некоторой степени преобладают над вербальными. Кроме того, бытовое общение характеризуется глубокой эллиптичностью; конкретизированным характером речи, прерывистостью и непоследовательностью ее логической точки зрения; эмоционально-оценочной информативностью и аффективностью и др. К лингвистическим признакам относятся большая активность не книжных средств языка (со стиливой окраской разговорности и фамильярности), также употребление внелитературных (просторечных) элементов на всех языковых уровнях и пр. Под бытовым дискурсом мы, вслед за М.Л. Макаровым, понимаем поток «слов» в «просоидическом пространстве» [Макаров, 2003: 109]. Как уже было сказано выше, он относится к лично-ориентированному типу, поскольку участники общения стремятся понять адресата как личность.

Как разновидность устного дискурса бытовой, по О.В. Ситосановой, характеризуется:

1) спонтанностью, неподготовленностью. В.Д. Девкин понимает спонтанность в бытовом дискурсе как отсутствие предварительного взвешивания слов коммуникантами, т.е. обдуманность и автоматизм речевого поведения [Девкин, 1978: 31];

2) общение возможно только при неофициальных отношениях между говорящими;

3) общение может реализоваться только при непосредственном участии говорящих, поскольку, обращаясь к партнеру по коммуникации, говорящий стремится получить или сообщить нужную информацию, или же побудить его к какому-либо действию. Это объясняет тот факт, что такое непосредственное обращение к адресату может быть совершено только в живой речи, в ее диалогической форме [Ситосанова, 2007: 44–45].

Как и любой коммуникативный акт, бытовой дискурс предполагает наличие двух фундаментальных ролей – говорящего и слушающего, между которыми происходит мена, в этом случае говорят о диалоге. Т.В. Матвеева отмечает: «Оба участника диалога полноценно активны во время его протекания (вне зависимости от объема вербальной партии и актуальной роли на каждом участке речевого общения): пока один находится в фазе говорения, другой осуществляет контроль за речью собеседника» [Матвеева, 2004: 152]. По словам Плотниковой: «Активному и искренне заинтересованному слушателю отводится важнейшая роль в создании кооперативной коммуникации. Он дает понять интерактанту диалога об успешности или неуспешности контакта, принятии или непринятии ближайшего высказывания собеседника или текущего дискурсивного процесса в целом» [Плотникова, 2007: 18].

Диалог понимается как всеобщая и необходимая форма существования языка, возникающая из необходимости выразить свои мысли, чувства, намерения, желания, волю [Ситосанова, 2007: 45]. Так как течением

бытового дискурса управляют личности, то они получают коммуникативные роли, действуя при этом как в общих, так и личных целях. Суть коммуникативной роли есть нечто иное, как соотношение адресант-адресат, реализуемое через дискурс как предметно-знаковое звено коммуникации, является исходной, базовой «клеточкой» диалогического общения [Сидоров, 1989].

Таким образом, бытовой дискурс, по О.Б. Сиротининой, представляет собой процесс живого невербального общения, реализуемого в неофициальных ситуациях при непосредственном участии говорящих общения, в котором прослеживается понятие спонтанности и непонятности для посторонних [Сиротинина, 1994: 122].

Таким образом, устный дискурс – одна из разновидностей дискурса, характеризующаяся звучащей формой существования и наличием контакта между говорящим и адресатом. К такому типу дискурса относится в первую очередь бытовой дискурс (персональный тип дискурса), отличающийся спонтанностью, неподготовленностью, неофициальными отношениями между говорящими. К разговорным темам такого вида дискурса относятся и рассказы об увиденных снах (кошмарах или вещих) между коммуникантами, находящимися в доверительных отношениях.

1.2. Устный рассказ о сновидении как речевой жанр

Исследование речевых жанров – одно из самых актуальных задач лингвистики, поскольку с изменением окружающего мира меняется и язык, который находит себя в новых сферах (например, интернет). Родоначальником теории речевых жанров является М.М. Бахтин, который понимал под ними широкий спектр разнородных письменных и устных тематически и ситуативно обусловленных «типов высказываний», которые охватывают все сферы «человеческой деятельности» и частично пересекаются с литературными жанрами, широко рассматриваемыми в

теории литературы: «Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [Бахтин, 1986: 250]. Эти типы высказываний отличаются друг от друга формально-синтагматически и функционально. Ученый разграничивал речевые жанры на первичные (простые), которые реализуются в процессе повседневного непринужденного общения, и вторичные (сложные), реализующиеся в сфере научного, делового общения, относящиеся к сфере художественной речи. По его мысли, первичные жанры заданы так же, как и определенные грамматические формы в языке. Использование языка в каждой области речевой деятельности осуществляется в форме единичных конкретных высказываний, характеризующихся определенным содержанием (темой), стилевыми особенностями и композиционным построением. Устойчивые типы таких высказываний, по мнению М.М. Бахтина, и есть жанры. О степени многообразия жанров речевой культуры М.М. Бахтин писал: «В самом деле, к речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога, и бытовой рассказ, и письмо, и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализированный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов, и разнообразный мир публицистических выступлений; но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений, и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [Там же: 250–252]. Среди этого большого перечня жанров мы отметили бытовой рассказ, который существует в звучащей устной форме. Другими словами, устный рассказ, который относится к первичным речевым жанрам и имеет в основе коммуникативную цель.

Другой из часто цитируемых работ о речевых жанрах является работа Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1997]. В данном исследовании выделяется четыре типа речевых жанров: информативные, цель которых – различные операции с информацией (ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение); императивные, вызывающие осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения; этикетные – осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума (извинения, благодарности, поздравления, соболезнования и т.д., вплоть до отречения от престола); оценочные, имеющие целью изменение самочувствия участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей» [Там же: 81–90].

Кроме того, в выше упомянутой работе Т.В. Шмелева предлагает «анкету» речевого жанра, которая содержит следующие параметры:

- 1) коммуникативная цель (четыре жанровых типа: информативные, императивные, этикетные и оценочные);
- 2) образ автора (необходимая информация о говорящем);
- 3) образ адресата (необходимая информация о собеседнике);
- 4) образ прошлого и образ будущего (зависимость от предыдущих и последующих эпизодов общения в условиях коммуникации);
- 5) тип событийного содержания (оказывает влияние на выбор того или иного речевого жанра);
- 6) языковое воплощение речевого жанра (этот параметр рассматривается как «спектр возможностей, лексических и грамматических ресурсов жанра») [Там же: 96].

«Паспорт» речевого жанра устного рассказа о сновидении (о сне-кошмаре или о вещем сне) по модели Т.В. Шмелевой будет строиться следующим образом.

Коммуникативная цель – информативная (поделиться увиденным сюжетом вещего сна) и интерпретативная. Отнесение к этому речевому жанру подтверждается наличием ключевых фраз (курсивом выделены примеры из собранных нами текстов): *Мне приснился сон* (Прил. А, текст №27, Красноярск, 2018), (Прил. Б, текст №16, Красноярск, 2020); *как будто Бог подсказывал* (Прил. Б, текст №8, Большая Мурта, 2020), *Ну, короче, шиза продолжается* (Прил. А, текст №38, Красноярск, 2020) и т.д.

Важное условие речевого общения – заинтересованность в общении и способность к созданию диалога между коммуникантами. Следующий жанрообразующий признак – **образ автора и образ адресата**. Автором устного рассказа о сновидении является сновидец / рассказчик (нарратор), который повествует об увиденном сне. Здесь важно учитывать такие постоянные признаки как возраст и место рождения. Адресатом этого рассказа является слушатель – собиратель, который целенаправленно расспрашивает рассказчика о сновидении. Особое значение имеет то, в каких отношениях находятся автор с адресатом – приятельские, родственные, дружеские и т.д. В условиях нашего исследования отношения между автором и адресатом характеризуются как отношения между информантом и собирателем, между знакомыми, друзьями и между родственниками.

Характеризуя жанр устного рассказа о сновидении, важно определить **образ прошлого и образ будущего**, поскольку каждый речевой жанр имеет определенное место в речевом общении. В образе прошлого Т.В. Шмелева различает жанры инициальные, что начинают общение, и реактивные, появляющиеся только после определенных жанров («ответ», «отказ», «согласие», «опровержение»). Рассматриваемый нами речевой жанр следует отнести к реактивным, поскольку рассказчик реагирует на просьбу собирателя рассказать о сне. Под образом будущего понимается дальнейшее развитие речевых событий. Это выражается в оценке увиденного сюжета сна: *Я вся мокрая проснулась, страшный какой-то сон* (Прил. Б, текст №4,

Красноярск, 2019), *Не хотелось бы такой сон увидеть ещё раз* (Прил. А, текст №6, Красноярск, 2018).

Следующий жанровый признак – **тип диктумного (событийного) содержания** [Там же: 95]. Целесообразно, с нашей точки зрения, рассматривать данный признак с двух сторон. С одной стороны, одно и то же содержание может выражаться различными жанрами. В своем рассказе о сновидении адресат не только делиться сюжетом сна (информативный жанр), но также может дать ему оценку самостоятельно (оценочный жанр): *страшный сон, странный сон* и т.д. С другой стороны, как отмечает И.И. Дорфман, есть целый перечень признаков, которые играют важную роль в отборе диктумной информации при формировании того или иного речевого жанра: отношение участников (включенность / невключенность в личную сферу автора или адресата); временная перспектива (осуществленность / неосуществленность); оценка диктумного события и др. [Дорфман, 2012: 10]. В устных рассказах о сновидениях данный признак выражается в событийных и логических пропозициях диктума (см. Главу 2 и Главу 3), которые представлены категориями авторизации, оценочности и т.д.

Последний признак – **языковое воплощение речевого жанра устного рассказа о сновидении** рассмотрен нами в Главе 2 (сон-кошмар) и Главе 3 (вещий сон). Анализ показал, что собранные там тексты характеризуются большим наличием оценочной лексики (*страшный* или *красивый*), темпоративами (*через две недели*), глагольной лексики (*иду, смотрю, бегу*), эмотивов (*страшнющий*) и пр.

Исследуя тексты устных рассказов, многие ученые обращали внимание на тексты, отличающиеся от общей массы повествовательных прозаических произведений, и пытались, исходя из содержания, каким-то образом группировать их.

Так, Э.Ю. Иванова выделяет три основные тематические группы устных рассказов: 1) исторические устные рассказы; 2) автобиографические устные рассказы; 3) новеллистические устные рассказы [Иванова, 2005: 47].

Ученый также отмечает: «для того, чтобы отнести устный рассказ к тому или иному виду, следует определить предмет повествования: событие ли это в жизни рассказчика, важное ли историческое событие или обычный бытовой случай, произошедший с каким-либо конкретным человеком» [Там же].

Устный рассказ с течением времени менял свое видовое значение. С.Ж. Бралина и Ю.В. Демьянова отмечают, что из прозаического произведения фольклора он стал преимущественно речевым жанром, отражающим многообразие речевой культуры современного общества. «Современный устный рассказ в большей степени повествование (нарратив), который должен быть рассказан, сообщен, передан в процессе речи, поэтому приоритетными становятся его информативная и коммуникативная функции. В этом случае разговорная речь приобретает иные функции – из способа передачи мысли речь становится способом ее существования, бытия – речевой повседневностью, устной вербальной культурой» [Бралина, Демьянова, 2011: 101].

Необходимо отметить, что устные рассказы не являются синонимом рассказу-воспоминанию. Л.В. Домановский, проанализировав пласт устных рассказов, посвященных Великой Отечественной войне, делает такой ввод: «устный рассказ – это самостоятельный жанр, имеющий свои художественные особенности, в пределах которого существуют разные виды». В качестве устных рассказов ученый выделяет повествования «о различных фактах и событиях, участником или очевидцем которых был сам рассказчик». По мнению автора, «несмотря на свой иногда совершенно очевидный мемуарный характер, устный рассказ подчинен определенному творческому замыслу, развивает и иллюстрирует одну какую-нибудь тему, его художественная функция состоит в правдивости деталей, фактической достоверности, строгом следовании событий» [Домановский, 1964: 194–195].

По имени современного исследователя жанра «устный рассказ» И.С. Веселовой, к современному устному рассказу можно отнести «случаи, смешные истории, семейные предания, байки о знакомых, рассказы о

необъяснимых происшествиях, пересказы и толкования снов, чудеса, слухи, толки и даже сплетни» [Веселова, 2003: 534].

Таким образом, устный рассказ о сновидении – это речевой жанр, который нуждается в более глубоком изучении с позиции лингвистики.

1.3. Психологические и лингвистические аспекты исследования сновидений

На протяжении всей истории человечества люди стремились проанализировать, интерпретировать и расшифровать сновидения. Являясь частью человеческого сознания, сновидения становились объектом исследования многих ученых разных научных сфер, подвергаясь толкованию, классификации, структуризации т.д.

Научное изучение сновидений относят к концу XIX – началу XX веков: в этот период активно начала развиваться психология, где исследователи отмечали определенную закономерность появления образов в сновидении и пытались их понять, истолковать. Считая, что большинство образов сновидений связано с бессознательным, ученые стали выдвигать разные теории, которые были значительно развиты и обобщены З. Фрейдом. Он считал, что сновидение – это «способ высвобождения неосуществленных желаний человека посредством его сознания без пробуждения физического тела» [Фрейд, 1989: 50–51], а также, что сновидение – это «королевская дорога в бессознательное» [Там же]. Он считал, что для выявления содержания бессознательного важно научиться толковать сновидения: «Толковать – значит найти скрытый смысл» [Там же].

На основе детального анализа десятков сновидений, соотнося их с событиями жизни человека, З. Фрейд выявил свою теорию сновидений. Ученый считал, что кроме явного сновидения существует бессознательное скрытое сновидение, которое проявляется в сознании в виде явного сновидения. Данное явление как часть бессознательного имеет главную

функцию – оберегать сон, в котором происходит галлюциногенное исполнение желаний человека. Фрейд сумел показать, что деятельность сновидения – это процессы: сгущения, передвижения (главное средство искажения сновидения), отбора, искажения, трансформации, перестановки, перемещения и других модификаций первоначального желания. «Передвижение и сгущение – два процесса, которым мы имеем полное основание приписать образование сновидения» [Фрейд, 1991: 255]. В контексте психоанализа Фрейд помогает пациенту толковать сновидения, чтобы содействовать раскрытию у него бессознательных мотивов.

С течением времени, работая над сюжетами сновидений, Фрейд менял свою точку зрения к данному явлению. Вначале его убеждение выглядело следующим образом: почти каждое сновидение может быть понято как способ удовлетворения неосуществленного желания и понять его можно только с помощью его конкретно метода. Но спустя несколько лет исследований он вносит корректировки, говоря, что сновидение может являться только попыткой исполнения желаний и нельзя понять сновидения с аффективными переживаниями (особенно чувство страха), которые разрушают основную функцию сновидения – попытку исполнения желаний.

Наряду с Фрейдом исследованием сновидений занимался А. Адлер. Для него сновидения имели иное значение. «Сновидение не является средством овладения будущей ситуацией, оно представляет собой просто сопутствующее явление, отражение сил, след и доказательство того, что тело и дух предприняли попытку предугадать, заранее предвосхитить ситуацию, чтобы личность спящего смогла справиться с предстоящим затруднительным положением» [Адлер, 2002: 188]. У Адлера сновидения являются частью более обширной программы управления человеком своей собственной жизнью, в то время как Фрейд рассматривал сновидения как проявление бессознательного.

Различия во взглядах Адлера и Фрейда проявляются и в изучении функций сновидений. У первого сновидения – инструмент для приказания

будущего, то Фрейд видит функцию снов в разрешении внутренней напряженности, которая ведет свое происхождение из прошлого и не осознается человеком. Кроме того, Фрейд подчеркивал: «Сновидение, по видимому, является промежуточным состоянием между сном и бодрствованием» [Фрейд, 1989: 53], в то время как Адлер пришел к выводу, что процесс описание сновидений – это стремление соотнести их скорее с мышлением и мотивацией, характерными для бодрствующего сознания, что не имеет ничего общего с представлениями Фрейда. «Сновидение, – писал А. Адлер, – подобно характеру, чувствам, аффекту, нервному симптому, аранжируется конечной целью сновидящего» [Адлер, 2002: 187].

Вслед за З. Фрейдом и А. Адлером анализировать и толковать сны начал швейцарский психиатр К.Г. Юнг. Он, следуя установке своего учителя Фрейда в нахождении скрытого смысла у сновидений, тщательно анализировал сны (не только пациентов, но и свои собственные), сопоставляя их сюжеты как с прошлыми событиями в жизни, так и с теми, которые произошли после увиденного сновидения. В его понимании понятие «сновидение» звучит следующим образом: «Сон – нормальное психическое явление, передающее бессознательные реакции или спонтанные импульсы сознанию» [Юнг, 1991: 20]. Юнг также добавляет, что: «Многие сны могут быть истолкованы с помощью самого сновидца, поскольку он может дать ассоциации к образам сна и их контекст, с помощью которых можно обозреть все аспекты сновидения» [Там же].

Именно с его аналитической психологией прослеживаются связи с лингвистикой. Во время процесса анализа сюжетов сновидений, К.Г. Юнг находил некое слово, которое является ключевым, и по отношению к нему выделял другое слово, имеющее фонетические сходства. Так, в одном из своих снов Юнг рассматривал слово Ливерпуль (Liverpool): «Ливерпуль (Liverpool) – это "бассейн жизни", "pool of life". "Liver" – печень, считавшаяся у древних средоточием жизни» [Юнг, 1994: 100].

Ключевое слово – символ сновидения, которому Юнг уделял особое внимание. Другой пример связан с увиденным психологом во сне «брокенским призраком»: «Вдруг я почувствовал, что кто-то идет за мной и, оглянувшись, увидел огромную черную фигуру. Она следовала за мной по пятам» [Юнг, 1994: 46]. В руках у Юнга был «маленький огонек, который в любую минуту мог погаснуть». Он цепляется за этот огонек как за свою жизнь, страшась потери этого света. На следующий день после увиденного сна Карл Густав Юнг пришел к следующему: «"брокенский призрак" – всего лишь моя собственная тень на облаке, созданная игрой света того огонька. Еще я осознал, что этот огонек – единственный свет, которым я обладал, – был моим сознанием, моим единственным сокровищем. И хоть в сравнении с силами тьмы огонь мал и слаб, все же это – свет, мой единственный свет» [Там же]. В данном сновидении огонек оказался символом источника смысла жизни, как нечто «освещающее» и «просвещающее, проясняющее, дающее понимание». Суть символов сновидений Карл Юнг трактует следующими словами: «Они выносят на поверхность нашу исходную природу – инстинкты и специфические мысли. К несчастью, они выражают свое содержание на языке природы, на языке, который нам непонятен и странен. Поэтому перед нами встает задача перевода этого языка в рациональные слова и понятия современной речи, освободившей себя от примитивного бремени – в особенности от мистического участия в описываемых вещах» [Юнг, 1991: 27].

Таким образом, в способах толкования сновидений у К.Г. Юнга прослеживаются общие взгляды с З. Фрейдом (в нахождении скрытых смыслов, особом отношении к образам сновидений, в понимании сновидения как процесса бессознательного) и А. Адлером (сновидение как сопутствующее явление будущего). Но в отличие от двух своих предшественников, он при анализе сновидений обращался к лингвистическому методу, а также К.Г. Юнг сформулировал положение, которое, по нашему мнению, отражает то, каким коммуникативным методом

должно создаваться собрание текстов: «А принципиально лишь то, что я обращаюсь к больному как человек к другому человеку» [Юнг, 1994: 68].

Сновидения продолжают оставаться актуальным объектом исследования и современных психологов. М.Г. Зорин, доказывая связь между сновидениями и самочувствием человеком, отмечает, что для подобного исследования в качестве эмпирического материала необходимы именно воспоминания о сновидениях в виде рассказа. Исследователь пишет: «Такие самоотчеты, как факты сознания выражают душевное состояние человека в различных его аспектах. В них проявляется внесознательное: и неосознанное, и бессознательное. И в этом плане для нас важно, что регистрация сновидений как фактов сознания в виде текстов позволяет иметь дело с объективно контролируемыми референтами субъективной реальности» [Зорин, 2007: 103]. Обращение психологии к текстам в виде рассказов о сновидениях демонстрирует связь лингвистики с нелингвистической наукой.

Сновидения находили свое отражение в фольклористике важнейшей науке о традиционной культуре. К.А. Богданов анализировал феномен сновидения и условной рефлексии в фольклорных жанрах в советской культуре. Он писал, что новая советская эпоха диктует новые сны, «должные продемонстрировать политическую благонадежность сновидцев» [Богданов, 2009: 229]. Исследователь говорит о «контроле» государства сновидений советских граждан посредством демонстрации наличия снов о Ленине или о Сталине: «К середине 1930-х годов «сны о Ленине» варьируются и отчасти вытесняются «снами о Сталине», характерно учащающимися к празднованиям «круглых» дат революции и рождения вождя. Таково, например, опубликованное в юбилейном 1939 году (шестидесятилетие Сталина) стихотворение В. Луговского «Сон» о маленькой девочке, засыпающей под охраной портретного Сталина и видящей его во сне *спящим и тоже видящим сны*» [Богданов, 2009: 230].

А.А. Лазарева, занимаясь фольклорным исследованием рассказов о сновидениях, в своем исследовании уделяет особое внимание эмоциям и

ощущениям сновидца. Под эмоциями А.А. Лазарева понимает «указание на любые внутренние переживания сновидца (например, радость, грусть, страх, тревога, стыд, досада, недоумение и др.), являющиеся реакцией на приснившийся сюжет» [Лазарева, 2018: 168]. Исследователь также выделяет виды сообщения сновидцем об эмоциях (в скобках далее указаны и выделены курсивом примеры из собранных нами рассказов):

1) буквальная форма (*Мне было страшно* (Прил. А, текст №5, Красноярск, 2018));

2) оценочные суждения (*Это ужасно* (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020));

3) описание эмоционального и физического состояния рассказчика в момент пробуждения (*Я вся мокрая проснулась* (Прил. Б, текст №4, Красноярск, 2019)) [Там же].

Кроме того, исследователь подчеркивает: «<...> исследуя рассказы о сновидениях, мы можем описать эмоции и ощущения только как элемент нарратива. Однако, анализируя тексты, мы способны делать некоторые заключения о внетекстовой действительности, связанной с памятью и опытом рассказчика» [Там же: 169]. Подобное отношение находит место и в нашем исследовании.

Наряду с психологией и фольклористикой, анализировать сновидения начали ученые некоторых отраслей лингвистики: этнолингвистики и корпусной лингвистики.

Этнолингвисты ориентировались на восприятие сна как состояния временной смерти и смерти как вечного сна, что часто встречается в культуре. Отношение ко сну как к «иному» миру сближает с фольклором. Оппозиция яви и сна трактуется в народной традиции в категориях жизни и смерти, «этого», земного и «иного», потустороннего, загробного мира; и именно сон является одним из главных каналов между миром живых и миром мертвых. Ученые уделяли внимание уже не только толкованию, но и языковому выражению сновидения через концепты.

С.М. Толстая, исследуя записи народных толкований снов и рассказов о снах, повествующих о потустороннем мире, пришла к выводу: «Иномирная природа сна проявляет себя в нескольких устойчивых сюжетах и мотивах, образующих особую область традиционных представлений о сновидениях и оформленных в виде клишированных текстов «снотолкований» и рассказов о снах» [Толстая, 2002: 199]. Ученым были выделены следующие типы текстов о сновидениях: 1) толкования снов, предвещающих смерть, 2) рассказы о явлении покойников во сне и 3) рассказы о так называемых обмираниях (летаргическом сне, во время которого спящий путешествует в загробном мире). По мнению С.М. Толстой, каждый тип «оказывается важным источником для реконструкции мифологических представлений как о сне и сновидениях, так и о смерти и потустороннем мире, о соответствии и взаимодействии мира живых и мира мертвых» [Там же]. Изучая сны, предсказывающие смерть, исследователь отмечает ключевые и частотные концепты, благодаря которым создается данный текст: «<...> следует отнести белый и черный цвета как универсальный знак траура» [Толстая, 2002: 200]. К данному ряду концептов С.М. Толстая относит также воду, землю и земляные работы, движение вниз и низкие места и т.д.

Среди ученых в области корпусной лингвистики, которые занимались исследованием сновидений, следует выделить работу группы ученых А.А. Кибрика и др. «Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного дискурса», где исследование посвящено лингвистическому анализу корпуса устных рассказов детей и подростков о своих сновидениях. Как пишут сами А.А. Кибрик и В.И. Подлеская: «Первоначальной целью работы было составление языковой структуры двух групп рассказов – принадлежащих детям с невротическими расстройствами и здоровым детям. Задача состояла в том, чтобы попытаться найти значимые различия между этими двумя группами, то есть обнаружить особенности рассказов детей-невротиков. Это задача в значительной степени была решена – был найден целый ряд различий в лексических выборах и семантической структуре рассказов из

двух групп» [Кибрик и др., 2009: 17]. Но постепенно приоритеты в задачах менялись. Поскольку предметом лингвистического исследования были выбраны устные рассказы, авторов все больше стала волновать структура устного дискурса, его отличия от письменного употребления языка (основного интереса лингвистов). Отдельное внимание требовали вопросы о графическом представлении устного дискурса.

Самим же рассказам о сновидениях детей с неврозами и здоровых детей посвящен отдельный раздел «Часть III. Опыт исследования корпуса «Рассказы о сновидениях» для междисциплинарных дискурсивных исследований» [Там же: 389]. Сам корпус содержит 129 рассказов о сновидениях, записанных в звуковом формате, сопоставительное исследование которых было проведено с точки зрения врача-психоневролога и с точки зрения лингвиста. В этой части содержатся исследования отличий сновидения здорового ребенка от сновидения ребенка-невротика: даются образцы «здорового» рассказа и рассказа «невротического», устанавливается длина каждого из них и риторическая структура, также обозначаются жанровые схемы рассказов о сновидениях и др. Избранный метод исследования – это корпусный, который является одним из центральных в лингвистических исследованиях. С точки зрения авторов, данный корпус «Рассказы о сновидениях» есть «ценный ресурс для различных исследований русского языка в его устной, то есть исходной, наиболее фундаментальной форме» [Там же: 18].

Таким образом, позиция сновидений с точки зрения разных наук (нелингвистических и лингвистических) проявляется по-разному. Объединяющим становится то, что сновидения способны раскрыть внутренний мир личности человека, что важно и для психологов, и для лингвистов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Анализ научной литературы показал, что дискурс имеет широкое понимание в лингвистике. Наименее изученным является личностно-ориентированный тип дискурса, который отличается разнообразием жанров, отражением в текстах личностных особенностей рассказчиков и ярким проявлением всех черт устной речи: спонтанностью, неподготовленностью, неофициальными отношениями между говорящими.

Используемый в качестве объекта нашего исследования устный рассказ о сновидении обладает признаками особого речевого жанра: информативная и интерпретативная коммуникативная цель; наличие образа автора (сновидец / рассказчик) и образа адресата (собиратель); образ прошлого (реактивный жанр) и образ будущего (оценка увиденного сюжета сна); тип событийного содержания (пропозиции диктума); языковое воплощение (перцептивы, колоративы, аллюзии и т.д.).

Проанализировав труды ученых, посвященных исследованию сновидений, из разных областей науки, – начиная с психоаналитических исследований З. Фрейда и заканчивая корпусной монографической книгой ученых о рассказах о сновидениях, – нами было установлено, что роль сновидений менялась. Являясь в самом начале предметом исследования психологов и психотерапевтов в качестве психического явления, которое галлюциногенно исполняет неосуществленные желания человека посредством его сознания или пытается предугадать будущую ситуацию спящего, сновидения становились частью исследований, казалось бы, на первый взгляд, совсем непсихологических наук – фольклористики и лингвистики, которая, помимо толкования снов, интересовалась структурой самих рассказов о сновидениях, исследуя их в форме устного рассказа. Постепенно языковеды ставили перед собой задачу выявить особенности лексики, определить частоту встречаемости определенных концептов, отдельных риторических отношений и др., учитывая при этом особенности

сознания, психики человека, рассказывающего свой сон; особенности универсальных стереотипов культур. Именно так в изучение рассказов о сновидениях может быть привлечен такой раздел языкознания – помимо когнитивной лингвистики и психолингвистики, – как коммуникативная лингвистика, рассматривающая в качестве единицы коммуникативные речевые акты, коммуникативная значимость структурных элементов которых проявляется в тексте устного рассказа о сновидении.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ СНОВ-КОШМАРОВ

2.1. Коммуникативный сценарий в теоретическом аспекте

Понятие коммуникативного сценария было заимствовано в лингвистику из когнитивной психологии, которая занимается изучением познавательных процессов человеческой психики. Сценарии речевого взаимодействия отличается от классического понимания «сценария» тем, что зарождается, используется и интерпретируется, отсюда их связь с психологией, психолингвистикой и когнитивной лингвистикой. Когда же лингвистика начала заниматься изучением проблем функционирования предложения в речи, стало понятно, что без привлечения вышеупомянутых смежных наук нельзя ответить на важнейший вопрос: как собеседники понимают друг друга, если в словах передается далеко не полная информация? Существуют такие фигуры речи (ирония, намек, насмешка и пр.), не поддающиеся дешифровке с использованием только данными словарных значений этих слов и грамматического устройства языка. Слушатель играет не менее важную роль в общении, как и говорящий. Понимание общения возможно только при их совместной работе. Особы правила, тактики передачи смыслов – это те инструменты, которые позволяют донести некие смыслы до слушателя, который, в свою очередь, пользуется этими же правилами и тактиками для того, чтобы понять своего партнера по коммуникации. Если бы этого не было, то ни о каком взаимопонимании не могло бы быть и речи. И данные тактики, правила передачи смыслов реализуются в коммуникативном сценарии, где ключевой момент есть типизация событий.

Как уже было отмечено, сценариями начали заниматься ученые в области когнитивной лингвистики. Так, Р. Шенк вместе с Р. Абельсоном сформулировали теорию «сценариев» и ее позднейшую модификацию –

динамическую теорию памяти. Они предположили, что люди создают схемы или, как они их называли, сценарии, для переживания типичных событий. В их интерпретации сценарий представляет собой цепочку действий, которая описывает часто встречающиеся ситуации. В этой последовательности действий используется принцип каузальной связи, т.е. результатом каждого действия являются условия, при которых может произойти следующее действие [Шенк, Абельсон, 1976].

Позднее феномен сценария стал проникать в область лингвистических наук, в частности когнитивной лингвистики. Представление о сценарной организации общения восходит к изучению о фреймах, рекуррентности и воспроизводимости в коммуникации. Так, М. Минский о сценарии говорит следующее: «Сценарий можно трактовать как когнитивную структуру динамического характера, представляющую событие и предполагающую последовательную смену его этапов, эпизодов. Являясь относительно устойчивыми, обобщенными структурами опытного знания, когнитивные структуры вообще, и сценарии в частности, позволяют моделировать деятельность субъектов, порядок развития событий, их содержание и внутреннюю связь» [Минский, 1979: 151].

Н.Н. Болдырев, следуя учению о фреймах, рассматривал феномен сценария как часть структурированных концептов. Ученый дает следующее определение: «Сценарии, или скрипты – это динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов» [Болдырев, 2001: 37].

Сценарии в коммуникации представляют собой коммуникативную компетентность, которая включает в себя знание того, что и как правильно говорить, исходя из ситуации, участников, их ролей и намерений. Так, сценариями речевого взаимодействия, или коммуникативными сценариями, занимался В.И. Шляхов. Он понимает коммуникативный сценарий как структуру для динамического представления знаний о типизированной ситуации. Отмечено также, что «сценарии – это, с одной стороны, свернутые

когнитивные модели (схемы), хранящиеся в долговременной памяти, с другой стороны – это словесная материализация этих моделей собеседниками» [Шляхов, 2008: 27–28]. В случае, когда партнер по коммуникации понимает, что ничего нового не происходит в процессе общения, то он начинает себя вести привычным и даже предсказуемым образом. Например, опытный врач знает, как начать диалог с пациентом, как взаимодействовать с ним, как представлять информацию в зависимости от его подготовленности и т.д. Другими словами, эти сценарии созданы с целью сэкономить интеллектуальные ресурсы человека – ему не нужно каждый раз придумывать что-то новое, когда он попадет в социальную среду общающихся людей, где приходится вести себя определенным образом. В.И. Шляхов объясняет это тем, что правила правильного и неправильного речевого поведения позволяют слушателю прогнозировать речевые события в рамках того или иного сценария, где важным компонентом является сюжет, объединяющий речевые действия в сценарное целое [Там же]. Человек сам по себе, как известно, – существо непредсказуемое, и его коммуникативные намерения «всегда множественны и противоречивы, и иногда не совсем понятны даже самому говорящему» [Гаспаров, 1996: 10]. Все это и создает великое множество различных сценариев, где он разыгрывает большое количество ролей.

Под коммуникативным сценарием Л.Р. Дускаева понимает речевую последовательность, «создание которой детерминировано той или иной интенциональностью (индивидуальным авторским замыслом), определяемой нами как иерархия дескриптивных, модальных и коммуникативных интенций» [Дускаева, Коняева, 2015: 16]. В другой своей работе Л.Р. Дускаева отмечает, что коммуникативный сценарий позволяет предсказывать все необходимые элементы и порождает соответствующие ожидания у человека. В.В. Васильева и Л.Р. Дускаева считают, что структура сценария имеет «строго упорядоченное строение, отражая структуру каждого типового события. Структурными элементами сценария являются фреймы (сцены),

которые связаны посредством причинных или случайных связей» [Васильева, Дускаева, 2016: 396].

Таким образом, коммуникативный сценарий – когнитивная структура динамического характера, предполагающая последовательную смену его этапов, эпизодов, что дает возможность предсказать дальнейшее развитие события.

2.2. Типология устных рассказов о снах-кошмарах

Каждый сон, каждое сновидение, каждый рассказ (устный или письменный) можно распределить по определенным качествам и составить их общую типологию, как это делали другие исследователи сновидений, на которых мы ссылаемся в своей работе (С.М. Толстая, Н.Ю. Трушкина, К.Г. Юнг и др.). Проанализировав 40 единиц устного расшифрованного текста рассказов о снах-кошмарах юношеской фокус-группы, мы систематизировали собранный нами материал по следующим критериям:

1. По возрастному периоду жизни рассказчика это сны юношеские – все 40 (100%) записанных рассказов о снах-кошмарах.

Сновидения в самой полной мере отражают основные возрастные новообразования и переходные рубежи, а также особенности различного периода жизни человеческой личности. Молодежь (юноши и девушки) – это особая социально-возрастная группа людей, которые находятся на моменте перехода от беззаботного детства к ответственной взрослой жизни. Это – периферия ребенка и взрослого, где детские сны характеризуются фрагментарностью, яркостью и необычностью сюжета, а взрослые – более связанным повествованием, минимальным количеством цветов и реальным сюжетом. Сны юношеской фокус-группы, рассказы которых были взяты для исследования, – это смешение двух этих типов сновидения, они характеризуются повышенной эмоциональностью и сложным сюжетом, как например, антиутопическая Россия (*Я находилась как бы в нашем городе, в*

нашем микрорайоне, но наш город, да и в принципе вся наша страна мы... Это была как бы антиутопия. То есть наша страна стала жить в тоталитарном режиме. Вновь (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020)); но некоторые из них не содержат большого объема, с небольшим использованием описания. Например, сон о падении:

Мне приснилось, что я падаю. Очень долго падала и причем в пустоту, при этом не могла проснуться. И вот после этого меня преследовало ощущение, что я падаю: иду – падаю, лежу – падаю, сижу – падаю (Прил. А, текст №3, Красноярск, 2018).

2. По сложности и протяженности сюжетного исполнения все записанные тексты подразделяются на:

а) элементарные, лапидарные (фрагментарные) – количество: 60%;

б) континуальные, сложные (длинные) – количество: 40%.

Необходимо отметить, что длинная протяженность сюжетного исполнения не всегда означает большую смысловую нагрузку и большое количество смен действий и пространства, также и наоборот – не все фрагментарные сны отличаются минимальным смысловым объемом сюжета. Например, длинный сон о том, как рассказчик оказался в стране Оз:

Однажды мне приснился сон, в котором я, вот, знаешь, я была там маленькой и шла по дороге из желтого кирпича словно в стране Оз <...>. Я была одна совсем. <...> И неожиданно передо мной появилось какое-то существо. Оно, знаешь, было похоже на маленького чертика <...>. <...> И я помню, что, когда этот чертёнок побежал на меня, я подпрыгнула на месте и проснулась (Прил. А, текст №5, Красноярск, 2018).

Еще один пример о пожаре в ТРЦ:

Я помню, что я пришла туда после тренировки и пошла типа в японский ресторан. Я там сидела получается. <...> передают, что из-за очень-очень сильных осадков во всём городе отключилась электроэнергия, что... в городе паника. <...> И... начинается паника в ТРЦ. <...> И каким-

то образом мне удалось выбраться из этого ТРЦ. И я просто сломя голову побежала домой (Прил. А, текст №16, Красноярск, 2020).

И с другой стороны – длинный сон с объемным сюжетом и смысловой нагруженностью одного рассказчика:

В общем, я в меде. Приехала Аня, мы с ней чё-то разговаривали в машине, потом мне или звонят, или зовут, что нужно срочно идти. Я оставляю Аню в машине и ухожу. <...> Меня приводит какой-то мой знакомый в актовъй зал в меде и говорит:

— Тебе нужно спеть ну ту эту песню, ты ей сильно поддержишь меня.

<...> В общем, я куда-то пошел. Пришел обратно, концерт уже начался, я жду своей очереди. И тут понимаю, что я забыл про Аню, возвращаюсь к машине. Её там уже не было. Бегу обратно на концерт, а он уже почти закончился. <...> Я возвращаюсь к машине, Ани нет. Приехал домой, я стою на коленях в зале рядом с балконом... Слева от меня стоит мужчина, который стоял за мной на концерте. Он берёт пистолет, я думаю, что он выстрелит в меня, но выстрелил он себе в висок и упал на новый диван в зале. <...> Заходит мама, у неё округляются глаза, она не понимает ничего. Мы ложимся на пол и рыдаем. Позвонили в полицию, они так и не приехали до конца сна. Мы начали какое-то своё расследование, даже что-то выяснили, уже не помню. Потом я думаю, что нужно извиниться перед Аней, что я её так кинул. Мы встретились, а она плачет и говорит:

— Я тебе так благодарна.

Я такой:

— За что?

Оказывается, когда я куда-то ушел из актового зала, то я пошел в туалет, в кабинке которого сидела Аня и хотела утопиться, потому что кабинка была герметичная. Я выволил её оттуда. Но почему-то всего этого не помнил.

В итоге это ничем не закончилось, и я проснулся в поту (Прил. А, текст №38, Красноярск, 2020).

Другой похожий пример:

Я в деревне. <...> Я провожу время с семьей на этом фестивале, потом резко перемещаюсь. <...> Вот, я беру пульт управления радио-, эм, - машинкой, которая на бензине, и участвую в каких-то там гонках. Побеждаю, возвращаюсь, и уже, ну, резко наступила ночь. И на этих, на этой площади началась, м-м-м, начались какие-то боевые действия, то есть пришла армия с танками там, с вооруженными людьми, всех начали стрелять. <...> Отходим через леса, через поля на всякие, через, ну, небольшие кустарники. <...> Отошли, смотрим все еще на эти действия издали, вот, а-а-а, потом резко вокруг нас появляются палатки, трейлера, ну, вот, как на фестивале собираются люди: в палатках живут там. <...> И, короче, мы потом уходим в какой-то кустарник, и-и-и, начинаем есть, ну, я начинаю есть его (Прил. А, текст №21, Красноярск, 2018).

Аналогичная ситуация оппозиций с фрагментарными снами. Два примера коротких, но нагруженных сюжета:

Какой-то всратый сон был. Короче, снится мне, что мы приезжаем ночью в какой-то тёмный лес с такими искажёнными деревьями. Там стоит, э-э-э-э, дом. Э-э-э-э, там... Ну, я захожу, там моя каповская тусовка. Все там играют в какие-то настолки, вся фигня. И чё-то... потом кто-то кричит типа:

— Смотрите в окно!

И там, знаешь, как типа дементоры из Гарри Поттера на какой-то там, я не знаю, на такой же дементорской лошади летают по небу. И всё, мы начинаем все шкериться, прятаться под кровати, кто-то бежит к машине, уезжает. Я больше ничего не помню. А нет, помню. Потом меня кидает.... А я? А я побежала на гору через... На Бадалык. Короче, из этого леса я сразу перенеслась в Северный, просто там черезЖД пути перебежала в... на этот холм. Потом меня кидает в какой-то глубокий

бассейн без воды. Было очень страшно и непонятно (Прил. А, текст №24, Красноярск, 2020),

Я уже этот сон сильно не помню, если честно... Там было типа Великой Отечественной войны. Что была я, моя мама. И нас фашисты держали в каком-то заброшенном доме, в комнате, в которую время от времени подавали газ ядовитый, но не сразу смертельный. Вроде даже как и радиацию тоже. И вот нас там держали год точно, пока нас не освободили. Это было ужасно, потому что я помню, что все мы были грязные, нам было больно, есть хотелось. И ещё я помню, что потом мы, когда война уже закончилась, мы приезжали к этому месту типа как экскурсией, и вот женщина показывала на этот дом, где нас держали, рассказывала всё про нас. А я помню, что стояла и плакала, потому что... А! Потому что моя мама тогда там погибла (Прил. А, текст №40, Красноярск, 2021).

И два примера полностью фрагментарных снов:

А ещё часто снятся сражения на мечах, вот там и умирал в основном от удара в горло, обычно происходит это в местности похожей на летающие острова из «Аватара». Я дерусь с человеком, очень похожим на меня, но как бы гнилым всем что ли, как будто это тот же я, но вот как будто в могиле неделю полежал, ну, и если проигрываю и умираю, то мне рубят горло, и я падаю вниз и просыпаюсь (Прил. А, текст №33, Красноярск, 2018),

Мне четыре раза приснилось, что я выхожу на балкон в своей комнате, слышу грохот, а там летит огромный самолет на уровне моего дома. И он, короче, он залетает за дом и врезается в дом, следующий за моим (Прил. А, текст №37, Красноярск, 2020).

Исходя из этого можно сделать вывод, что такие специфические сны отличаются большим или меньшим количеством деталей, описаний и пр.

3. По гендерным (половым) отличиям:

а) женские (количество: 67,5%);

б) мужские (количество: 32,5%).

При анализе материала нами было замечено, что в рассказах девушек о снах-кошмарах использовано больше колоративной лексики: *Он сам был как белый* (Прил. А, текст №7, Красноярск, 2018), эмотивов: *Я внутри начинаю плакать* (Прил. А, текст №2, Красноярск, 2018). В их рассказах содержится больше детальных описаний: *<...> но неожиданно передо мной появился маленький мальчик. Ему на вид было лет семь или восемь. Я чётко помню, что у него были пухлые щёчки такие и светлые, ну, блондинистые волосы, хотя они были почти белые* (Прил. А, текст №7, Красноярск, 2018).

4. По содержанию:

а) фантастический сон-кошмар (информанты часто сравнивают такой сон-кошмар с сюжетом фильма ужасов, где пугающим образом сна может стать, например, какой-нибудь монстр) – количество: 62,5%.

Пример рассказа о сне-кошмаре, где фигурировал монстр:

Вот представь то, что, например, там один дом. Это просто была какая-то тёмная такая штуковина, я не знаю... Наподобие венома, наверное. Ну, только это было не в виде симбиоза, а как мышца человеческая. И самое главное, что мне там запомнилось, – это то, что там одна комната. То есть это всё тот же монстр, он, короче, был абсолютно прозрачный. Ну, вот только там были немного видны его как бы сосуды (Прил. А, текст №34, Красноярск, 2018).

Другой пример, где рассказчику приснился хоррор-квест, ставший реальностью:

<...> Я была с какой-то компанией людей. Нас завели в дом, где мы должны были проходить типа хоррор-квеста. <...> И тут я захожу со всеми в какую-то комнату, и одна девка начинает превращаться в этого убийцу. <...> Я слышу, что она бежит за мной и моей подругой. Мы спускаемся в подвал. <...> А в этом подвале стояли большие шкафы с одеждой. Ну, мы с подругой быстро в них и залезли. Я смотрю через щёлку, что убийца здесь. <...> Вот, и она протягивает руку, и вот эта её рука

пря́м в па́ре сантима́тров от ме́ня бы́ла. Но она́ ме́ня не заде́ла. Проры́чала там что-то и уи́шла. Вот (Прил. А, текст №39, Красноярск, 2021).

б) реальный сон-кошмар – количество: 37,5%.

Например, сон о пьянстве родного человека:

<...> Мне приснилось, что мой отец, он снова начал пить. И-и-и, это было... Мы с ним находились в парке, и он лежал на снегу, вот, в этом, вот, пьяном состоянии. Я на него смотрю. И, вот, знаешь, я испытываю вот это, вот, чувство, которое я с детства не люблю. Вот это, вот, чувство... Я не знаю, как его объяснить словами, но это чувство, которое у меня всегда возникало, когда я вижу своего отца пьяного, и понимаю, что мне нужно позвонить своей матери и сообщить ей об этом, что, вот, отец дома и что он пьяный. Писец, мне так страшно было (Прил. А, текст №19, Красноярск, 2020).

Или об убийстве:

Я стою возле балкона и вижу, как эта самая бабушка берёт нож и, вот, самосознательно вонзает его себе в грудь, прямо, вот, где сердце. Как само собой разумеющееся, что ли. Все начинают кричать, и я тоже. И резко просыпаюсь (Прил. А, текст №9, Красноярск, 2018).

5. По эмотивной составляющей

а) сон-кошмар с передачей эмоций рассказчика (количество: 52,5%);

б) сон-кошмар без передачи эмоций рассказчика (количество: 47,5%).

Такой тип кошмарного сновидения характеризуется практически полным отсутствием эмотивов, передающих эмоциональное состояние рассказчика. О том, что сон испугал рассказчика, мы можем судить только по оценочной лексике самого сюжета сна: *страшный сон, страшно и непонятно* и т.д.

Важно отметить, что при повествовании сюжета сна-кошмара информанты могут сказать причину увиденной пугающей картины во сне: *Но этот сон был от того, что я фильм о зомби посмотрела перед сном, и он меня сильно впечатлил* (Прил. А, текст №13, Красноярск, 2018), *А до этого сна я очень сильно поругалась со своим младшим братом* (Прил. А, текст №7,

Красноярск, 2018). Это дает основание полагать, что в формировании сна-кошмара немалую роль играет чувственная включенность, глубина и длительность дневных эмоциональных переживаний и впечатлений индивидуума.

Таким образом, типология устных рассказов о снах-кошмарах содержит пять критериев систематизации с несколькими примерами исключений по сложности и протяженности сюжетного исполнения, поскольку сон-кошмар (как и любой другой сон) – феномен глубоко индивидуальный.

2.3. Структурные элементы устных рассказов о снах-кошмарах

В своем исследовании коммуникативного сценария мы берем за основу структуру нарратива, предложенную У. Лабовым [Labov, 1987, P. 219–247]. Устные рассказы о снах-кошмарах содержат следующие этапы: зачин – завязка – осложнение действия / кульминация – разрешение ситуации – возврат к настоящему времени (кода).

В **зачине** рассказчик ориентирует слушателя относительно времени, места, ситуации, участников событий:

а) указание на факт сна-кошмара в прошлом: *Был такой сон* (Прил. А, текст №7, Красноярск, 2018), *Вот мне приснилось однажды* (Прил. А, текст №12, Красноярск, 2018);

б) указание на то, когда случился сон-кошмар: *В детстве мне приснилось* (Прил. А, текст №1, Красноярск, 2018), *Последний кошмар, он снился мне совсем недавно* (Прил. А, текст №16, Красноярск, 2020);

в) указание на частотность или единовременность сна-кошмара: *Первый знаю, оно с самого детства тянется, не знаю, с какого времени* (Прил. А, текст №20, Красноярск, 2020), *Однажды мне приснился сон* (Прил. А, текст №5, Красноярск, 2018), *Мне четыре раза приснилось* (Прил. А, текст №37, Красноярск, 2020);

г) указание на содержание сна-кошмара: *А ещё был такой сон тоже с зомби-тематикой* (Прил. А, текст №13, Красноярск, 2018), *Ещё один сон был. Он был... Он был связан с предательством* (Прил. А, текст №17, Красноярск, 2020);

д) желание поделиться рассказом об интересном сне: *Мне приснился сон. Сорри за голос, но я все еще не могу отойти* (Прил. А, текст №27, Красноярск, 2018), *Пи...ц. Сейчас такая дичь снилась. Это просто епанумба* (Прил. А, текст №28, Красноярск, 2018).

Характерны также парадоксальные зачины:

а) сообщение о пробуждении во сне (в дальнейшем события происходят как бы в реальности): *Я проснулся и понял несколько фактов* (Прил. А, текст №31, Красноярск, 2018), *Я понимала, что я вроде и проснулась, а вроде нет* (Прил. А, текст №6, Красноярск, 2018);

б) сообщение о причине увиденного далее страшного сюжета во сне / о жизненной ситуации, которая связана со сном-кошмаром: *Я его увидела в ту ночь, когда я закончила читать роман Кафки «Процесс»* (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020).

Следующим элементом рассказа о сне-кошмаре является **завязка**, в которой рассказчик описывает место, где он оказался, условия, живых существ, окружавших его и т.д. Акцентируется внимание на одиночестве «Я» рассказчика.

Завязки:

а) указание на место действия (это может быть фантастическое место или вполне реальное): *Вот, знаешь, я была там маленькой и шла по дороге из жёлтого кирпича словно в стране Оз, знаешь* (Прил. А, текст №5, Красноярск, 2018), *Я находилась в аэропорту* (Прил. А, текст №18, Красноярск, 2020), *Это было на горе на какой-то* (Прил. А, текст №12, Красноярск, 2018).

б) указание на появление образа сна: *И неожиданно передо мной появилось какое-то существо* (Прил. А, текст №5, Красноярск, 2018),

неожиданно передо мной появился маленький мальчик (Прил. А, текст №7, Красноярск, 2018).

Далее рассказчик останавливает внимание на персонажах сна-кошмара, которые выступают в роли двигателей сюжета. Нарративная речевая стратегия ярко проявляет себя в тактике детализации повествования (портретирования).

Ими могут быть:

а) «Я» (сам рассказчик видит себя со стороны) или незнакомцы: *И здесь я уже всё вижу стороны, как я выхожу из автобуса (Прил. А, текст №12, Красноярск, 2018), я хожу с какой-то группой людей небольшой (Прил. А, текст №29, Красноярск, 2018);*

б) мифические существа (призраки, черт, живые мертвецы): *И я чётко помню их лица. Они были просто ужасны: у них были маленькие вытянутые глаза, острые носы, а губы были вырезаны, ну, то есть. У них были прорезаны щеки и вырезаны губы в виде такой длинной улыбки до ушей в прямом смысле... И я могла, вот, видеть полностью их челюсть с зубами (Прил. А, текст №13, Красноярск, 2018);*

в) люди, представляющие во сне угрозу для рассказчика (убийца, маньяк): *был в городе, ну, один убийца (Прил. А, текст №35, Красноярск, 2018), одна девка начинает превращаться в этого убийцу (Прил. А, текст №39, Красноярск, 2021), Я, вот, лежу на этом столе, и подходит какой-то чувак, <...> и он, ну, промелькает лезвие какое-то, и я начинаю бояться прям до жутки (Прил. А, текст №2, Красноярск, 2018);*

г) пугающее животное: *И просто из неоткуда начали появляться эти чёрные пантеры (Прил. А, текст №, Красноярск, 20);*

д) звуки: *Это не было, вот, знаешь, каким-то помещением, это было, вот, просто место без потолка и пола. Были страшные звуки, злобный смех (Прил. А, текст №10, Красноярск, 2018).*

Далее следует основная часть рассказа, которую мы обозначили как **Осложнение действия / Кульминация**. Объединение данных элементов

обусловлено тем, что при анализе нами было замечено: большинство наших информантов имеют сюжеты о снах-кошмарах, в которых любое осложнение действия – появление нового персонажа сна, резкая смена обстановки и др. – является и кульминацией.

Выделяются следующие виды:

а) появление мифических существ: *И там, знаешь, как типа дементоры на какой-то там, я не знаю, на такой же дементорской лошади летают по небу* (Прил. А, текст №24, Красноярск, 2020); *просто была какая-то тёмная такая штуковина, я не знаю, наподобие венома, наверное* (Прил. А, текст №34, Красноярск, 2018);

б) угроза для жизни: *Как будто бы террористический акт начал проходить* (Прил. А, текст №18, Красноярск, 2020), *И там стоит машина, машина для пыток* (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020), *стоит бабка за забором, <...> Чё-то она начинает меня догонять* (Прил. А, текст №25, Красноярск, 2020);

в) психологическое давление: *мой отец, он снова начал пить* (Прил. А, текст №19, Красноярск, 2020), *на меня орали, на меня злились. На меня там... подножки там подставляли* (Прил. А, текст №17, Красноярск, 2020);

г) смерть: *Он берёт пистолет, я думаю, что он выстрелит в меня, но выстрелил он себе в висок и упал на новый диван в зале* (Прил. А, текст №38, Красноярск, 2020).

Следующим этапом является **разрешение ситуации**, которая в свою очередь может являться и кульминацией. Это объясняется тем, что, достигнув наивысшей точки напряжения, сновидец, начиная испытывать поток различных эмоций, просыпается;

а) сообщение о том, что рассказчик проснулся от сильных эмоций (называется причина): *Я проснулась даже от того, что начала плакать* (Прил. А, текст №2, Красноярск, 2018), *Они идут на нас прям, качаются, и от страха я просыпаюсь* (Прил. А, текст №12, Красноярск, 2018), *я проснулся в поту* (Прил. А, текст №38, Красноярск, 2020);

б) сообщение о том, что сон закончился: *Вот так вот* (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020), *на этом сон у меня закончился* (Прил. А, текст №35, Красноярск, 2018);

в) сообщение о том, что рассказчик проснулся от внешних факторов: *Сон кончился из-за того, что мне грёбанный Сбер в четыре утра стикер отправил* (Прил. А, текст №28, Красноярск, 2018).

Возврат к настоящему времени (кода) проявляется в случаях, когда рассказчик высказывает свое отношение к собственному сну:

Просто страшный и запутанный бред (Прил. А, текст №11, Красноярск, 2020),

Это было прям очень жутко (Прил. А, текст №9, Красноярск, 2018),

Это было очень страшно (Прил. А, текст №14, Красноярск, 2018).

Может предполагать / отрицать причину такого сна:

Ну, короче, шиза продолжается (Прил. А, текст №38, Красноярск, 2020),

Видимо, в жизни хрень происходит, вот и сны идиотские снятся (Прил. А, текст №25, Красноярск, 2020),

кошмарный сон и кошмарный (Прил. А, текст №3, Красноярск, 2018),

Особо значения не придаю. Ну, крыша, может, поехала, а может хз что (Прил. А, текст №36, Красноярск, 2020),

Мне кажется, что они становятся каким-то итогом (Прил. А, текст №28, Красноярск, 2018),

Хз, обычно это отражение моих переживаний типа (Прил. А, текст №29, Красноярск, 2018).

Или говорит о своем состоянии во время пробуждения:

Естественно, я просыпаюсь, и вот, у меня этим топотом стучит сердце. Такое тун-тун-тун-тун. Как-то так (Прил. А, текст №20, Красноярск, 2020),

Я потом проснулась и даже понять сначала не могла, где я вообще (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020),

Аж поворачиваться потом, ну, когда я проснулась и попыталась опять заснуть ... лечь лицом к стене было страшно, потому что было ощущение, что кто-то смотрит (Прил. А, текст №39, Красноярск, 2021).

Выявлены также случаи, когда рассказчик высказывает свое желание больше не увидеть подобный страшный сюжет:

Не хотелось бы такой сон увидеть ещё раз (Прил. А, текст №6, Красноярск, 2018),

Надеюсь, что больше мне такого не приснится (Прил. А, текст №11, Красноярск, 2020).

Присутствуют также пример, где рассказчик, вспомнив какой-то момент или деталь (важный для него), делает дополнение:

Забыл упомянуть, что во время поисков отца на этажах одна девушка поранилась (Прил. А, текст №31, Красноярск, 2018),

Ну, и маленькое уточнение. То есть, а когда я подходил к могилам, то есть я смотрел, кто там лежит, то есть, ну, именно смотрел на плитах; там фотографии были везде, а-а-а-а, черно-белые, знаешь такие, вот, щас делают хорошие такие плиты. Типа глянцевые типа, как бы, да, м-м-м, отражающие. И там, вот, как бы фотография прям, ну, не наклеена прям там, вот, в самой плите. И, вот, там, вот, были постоянно вот эти вот чёрно-белые люди, и у всех вот такая вот фигня была с глазом (Прил. А, текст №29, Красноярск, 2018).

Таким образом, коммуникативный сценарий устных рассказов о снах-кошмарах содержит пять элементов.

2.4. Языковые средства экспликации образов сна-кошмара

Практически каждый текст из собранного нами материала содержит в себе некие образы, которые являются во сне-кошмаре в виде различных живых существ: человек, мифическое существо и т.д.

При анализе было замечено: чем необычней для рассказчика представляет собой персонаж сна-кошмара, тем больше в языковом плане автор акцентирует внимание на его внешности, действиях. Ср. описание внешности человека и мифического существа от одного информанта: *а вокруг меня стояли двое мужчин в чёрном и в очках тёмных* (Прил. А, текст №8, Красноярск, 2018) и *Оно, знаешь, было похоже на маленького чёртика, что ли, но его движения были похожи на движения обезьяны, но морда у него была страшная капец. И язык он высовывал постоянно как змея как-то, а лап у него было восемь, как у паука* (Прил. А, текст №5, Красноярск, 2018). Похожее описание внешности может быть дано и человеческому образу в зависимости от его роли в сюжете. Ср.: *Меня приводит какой-то мой знакомый в актовый зал* (Прил. А, текст №38, Красноярск, 2020) (обычное упоминание присутствия человеческого образа во сне) и *неожиданно передо мной появился маленький мальчик. Ему на вид было лет семь или восемь. Я чётко помню, что у него были пухлые щёчки такие и светлые, ну, блондинистые волосы, хотя они были почти белые. Он сам был как белый* (Прил. А, текст №7, Красноярск, 2018) (детальное описание внешности образа ребенка).

В некоторых случаях рассказчик придает особое значение увиденному персонажу сна-кошмара, акцентируя внимание не только на его внешности, но и на сказанных словах или фразах, которые были произнесены самим персонажем или имели кое-то отношение к нему: *Отец меня обнимает, я начинаю рыдать. Он спрашивает, видела ли я это. Ну, я киваю. Потом говорит: — Пойдём посмотрим, что с твоей комнатой* (Прил. А, текст №36, Красноярск, 2020). Еще пример, в котором информанту приснилась смерть ее родной сестры: *Они плачут, и тут говорит ведущий, что моя маленькая сестра погибла от какой-то болезни что ли. А она у меня только тогда родилась, ну, сестра маленькая, и вот этот сон мне приснился. Ну, про болезнь ты ее в курсе. Короче, все это очень странно и необычно как-то* (Прил. А, текст №1, Красноярск, 2018). Следует отметить, что прямая речь

при описании образов сна-кошмара присутствует в рассказах только тех информантов, которые увидели свои сны относительно недавно:

Я кричу ему: — Так почему мы не бежим?

И говорит задание: — Вы должны нарвать этот хлеб на кусочки руками (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020).

В случаях со старыми запомнившимися снами-кошмарами или неуверенностью в достоверной передаче чужих слов рассказчик чаще всего пользуется косвенной речью: *они мне говорят, что я должна покачаться на качелях* (Прил. А, текст №8, Красноярск, 2018), *Но он резко перебивает меня и говорит, что из-за того, что я сделал, сюда сейчас приедут* (Прил. А, текст №28, Красноярск, 2018).

На этапе зачина рассказчик использует лексику с темпоральной семантикой для ориентации времени увиденного сна-кошмара: *В детстве, Недавно, Сегодня, Сейчас*. Применяется тактика привлечения внимания слушателя; оценочная лексика, в том числе жаргонные слова и выражения, обценная лексика:

П...ец, сейчас такая дичь снилась,

бл...ой поляны,

Я, бл...ть, чуть не померла от страха,

Какой-то всратый сон был.

Делая акцент на «Я» рассказчика в завязке, информанты дают описание месту и действию сна-кошмара через топонимы реальных государственных объектов Красноярска: *На Бадалык, просто дорога по Карла Маркса, ТРЦ <...> это было как «Планета», Северный*; лексика с простым местом: *поляны, дом, комната*. Нередко рассказчики прибегают к кинематографичной, книжной или геймерской аллюзиям для более точной передачи места, образа, сюжета сна-кошмара: *дементоры из Гарри Поттера, роман Кафки «Процесс», Короче, это было типа фильма «Хэллоун: Возвращение»* (Прил. А, текст №39, Красноярск, 2021), *Машину для пыток <...> Самую натуральную, которую Кафка описывал в одном из своих*

рассказов, она очень сильно лицом похожа на героиню компьютерной игры, а-а-а-а, про Алису в Стране чудес, «Alice: Madness Returns» (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020).

Рассказчик придерживается нарративной речевой стратегии, повествуя о событиях сна, при этом большая роль отводится глагольной лексики. В частности глаголы:

а) говорения: *сказал, говорит, кричу;*

б) мысли: *думаю;*

в) модальные: *я должна.*

Особое место выделяется глаголам движения:

а) полет: *летают по небу;*

б) падение: *Он падает, Я падаю;*

в) перемещения: *Это было с девушкой, то есть я с ней гулял (Прил. А, текст №34, Красноярск, 2018), Но когда я гуляла со своим младшим братом по городу (Прил. А, текст №14, Красноярск, 2018).*

И глаголам действий:

я начинаю рыдать,

моя учительница подарила мне эту игрушку,

она плачет.

И глаголам активных действий и движений:

я её задушила,

я дерусь с человеком,

меня ударили по затылку,

*со злости одного **вырубил** – того, которого я знаю, – а второго, которого не знаю, я потом удушающим приёмом **задушил** и потом ещё **шею ему свернул** (Прил. А, текст №30, Красноярск, 2018),*

Я оставил его и побежал,

*она берёт и просто **перерезает горло** вот этой своей одной помощнице (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020).*

Но также встречаются примеры перцептивов:

Чувствую, как от пота холоднееет спина (Прил. А, текст №27, Красноярск, 2018),

я слышу резкий звук,

смотрю на него.

Вспоминая увиденный сюжет (недавно или очень давно), рассказчики используют заполнители пауз или слова паразиты (*ну, короче, э-э-э, м-м-м*), союзы / частицы неопределенности (*как бы, типа, что ли*), а также синтаксические синонимы (*доков, голосовуху, натолки*).

Наряду с действиями нарратор говорит и о состоянии «Я» сна-кошмара:

Я уже на грани потери сознания (Прил. А, текст №27, Красноярск, 2018);

Мы оба стоим в растерянности (Прил. А, текст №28, Красноярск, 2018);

Мне было страшно, и я понимала, что мне нужно бежать (Прил. А, текст №5, Красноярск, 2018);

Я лежу на кровати, как вокруг начинает всё гореть, я лежу и не могу пошевелиться... У меня обгорает тело, вижу, как кожа обгорает и слезает. Потом мясо прогорает до костей (Прил. А, текст №32, Красноярск, 2018).

В кульминационной части рассказа выделяются фрагменты описательного характера. Информантам важно передать пугающий образ сна и места, в котором они оказались, а также передать свое состояние, эмоции. Рассказчики используют:

а) оценочную лексику: *противное и пугающее чувство, страшные звуки;*

б) колоративную лексику: *в красную клетку, жёлто-розовых на холодные синие, больнично-белое;*

в) эмотивы: *сука, блин, епанумба, страшная капец, просто жесть;*

г) нецензурные слова (мат): *пи...ц, бл...кой, бл...ть;*

д) жаргонные слова и выражения: *шкериться, яйцами постукивал;*

е) специфические / индивидуальные словообразования: *самосознательно, индивидун, мишка-переросток-человеколюдоед, страшнящий.*

В речи рассказчика используется большое количество соматизмов при описании образов сна-кошмара, которые помогают передать детальных портрет (используется речевая стратегия детализации повествования: портретирование). При этом используются качественное и эмотивное прилагательные:

*Они были просто ужасны: у них были маленькие **вытянутые глаза, острые носы, а губы были вырезаны, ну, то есть. У них были прорезаны щёки и вырезаны губы в виде такой длинной улыбки до ушей в прямом смысле, и я могла, вот, видеть полностью их челюсть с зубами*** (Прил. А, текст №13, Красноярск, 2018).

*Это просто была какая-то **тёмная** такая штуковина, я не знаю... Наподобие венома, наверное. Ну, только это было не в виде симбиоза, а как **мышца человеческая**. <...> То есть это всё тот же монстр, он, короче, был **абсолютно прозрачный**. Ну, вот только там были немного видны его как бы **сосуды**.* (Прил. А, текст №34, Красноярск, 2018).

При описании места, где оказался рассказчик во сне, условий и т.д., сновидец на морфологическом уровне использует неопределенно-личные местоимения, подчеркивая, что действие происходит в незнакомом месте: *в каком-то в зале, на берегу какого-то маленького пруда, как будто заброшенное какое-то здание*. Вдобавок используется оценочная лексика: *Мы идём по коридорам, наверх, там по всем этим тёмным коридорам, и там точно всё такое же **больнично-белое, всё потрескавшееся, пошарпанное, всё поломанное**, как будто заброшенное какое-то здание*. (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020).

Синтаксис устных рассказов о снах-кошмарах отличается использованием всех типов придаточных: *Мы отправляемся изучать другие*

места, где он мог бы быть (Прил. А, текст №31, Красноярск, 2018), *Он как был как будто... Вот, понимаешь, есть, вот, грим какой-то вот такой для фильмов, когда делают так, чтобы типа одного глаза как бы не было, налепляют вот эту вот херню* (Прил. А, текст №29, Красноярск, 2018), *И ещё я помню, что потом мы, когда война уже закончилась, мы приезжали к этому месту типа как экскурсией* (Прил. А, текст №40, Красноярск, 2021). В зависимости от доминирующей цели рассказчика (дать более детальное повествование, описание образов сна или лаконично пересказать то, что когда-то увидел) будет преобладать один из типов.

Квалификационные категории модуса:

а) авторизация: *Мне приснилось,*

Ещё у меня был сон,

Мои сны... Мои страшные сны;

б) оценочность: *ужасные, странные.*

В актуализационных категориях отмечается смешение времен: прошедшего и настоящего. Рассказчики, повествуя об увиденном сюжете сна-кошмара, используют либо прошедшее время, как бы подчеркивая, что действия происходили в прошлом, либо настоящее, чтобы, по нашему мнению, собиратель / слушатель лучше представил себе их необычный сон: *Я думал – Я думаю.*

Социальные категории: устный рассказ о сне-кошмаре ориентирован на бытовую разговор, то есть отношения между говорящим и слушающим, как мы уже отмечали, находятся в рамках «знакомый / родственник / друг».

Событийные пропозиции диктума:

а) существования: *Я стою в этом тёмной коридоре* (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020), *там великое переселение* (Прил. А, текст №31, Красноярск, 2018);

б) состояния: *Я час нахожусь в каком-то трансе* (Прил. А, текст №38, Красноярск, 2020), *а телом ощущаю это противное и пугающее чувство*

(Прил. А, текст №8, Красноярск, 2018), *Я стою на коленях к зале перед балконом* (Прил. А, текст №38, Красноярск, 2020);

в) движения: *я за ней иду* (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020), *Мы идём по коридорам* (Прил. А, текст №, Красноярск, 20), *я спускаюсь* (Прил. А, текст №, Красноярск, 20);

г) действия: *Все начинают кричать, и я тоже* (Прил. А, текст №9, Красноярск, 2018), *Вскрикиваю так сдавленно* (Прил. А, текст №36, Красноярск, 2020);

д) восприятия: *я шла и слышала, как эта кровь, она хлюпает у меня под ногами* (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020), *я слышала, как голоса говорят, что я ужасна, глупа* (Прил. А, текст №4, Красноярск, 2018), *я смотрел, кто там лежит* (Прил. А, текст №29, Красноярск, 2018).

Логические диктумные пропозиции:

а) «анкетная» характеристика: *ей лет двадцать пять-двадцать шесть где-то* (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020);

б) качественная характеристика: *Они были просто ужасны* (Прил. А, текст №13, Красноярск, 2018), *страшные звуки, злобный смех* (Прил. А, текст №10, Красноярск, 2018), *там стояли эти могильные плиты повсюду, и все чёрные были* (Прил. А, текст №29, Красноярск, 2018);

в) таксономическая: *органы правопорядка, которые проверяли, как-то сканируя тебя одним только взглядом, на то, верующий ты или нет. <...> И они ходили вот в такой специальной форме по всему нашему городу, патрулировали все районы* (Прил. А, текст №15, Красноярск, 2020);

г) каузальная идентификация: *А! Вот почему показалось, что супергеройская война, потому что к нам пришли супергерои* (Прил. А, текст №23, Красноярск, 2020), *А я помню, что стояла и плакала, потому что... А! Потому что моя мама тогда там погибла* (Прил. А, текст №40, Красноярск, 2021), *Ну, так как я люблю это делать, в детстве у меня иногда были такие сны, что появлялся какой-то страшный-страшный топот* (Прил. А, текст №20, Красноярск, 2020).

Языковые особенности устных рассказов о снах-кошмарах отличаются большим разнообразием; они имеют прямую связь с эмоциональным фоном рассказчика: чем сильнее потрясло увиденное во сне-кошмаре, тем более сложно в плане лексики, морфологии и синтаксисе будет создаваться устный текст.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Проанализировав труды ученых в области изучения сценариев, мы пришли к выводу, что коммуникативный сценарий – это научный феномен, требующий изучения, т.к. составление данных текстов в полной мере отражает коммуникативные особенности той или иной ситуации коммуникации, показывает типичные схемы, позволяет выявить определенные тактики русской коммуникации.

Устные монологические рассказы о снах-кошмарах обладают определенной структурой и систематизируются по разным критериям. Составленная нами типология показывает, что к одному критерию могут относиться два совершенно разных текста в зависимости от точки зрения рассмотрения того или иного устного рассказа (например, небольшой по объему текст может оказаться многоуровневым в плане содержания).

Коммуникативный сценарий включает несколько элементов, для каждого из которых характерны свои приемы и особенности реализации.

Языковая структура экспликации образов сна-кошмара разнообразна. Самым частотным оказались эмотивы, передающие эмоциональное состояние рассказчика. Необходимо также отметить, что чем ближе увиденный сон находится к моменту его повествования, тем разнообразнее языковой уровень. В случаях фрагментарного запоминания наблюдается учащение использования слов-паразитов, неопределенно-личных местоимений и т.д., в то время как недавно увиденный сон имеет более плавную структуру, более детальное описание и др. Более того, в экспликации образов играет гендерный признак: в рассказах девушек описания более детальны, что наблюдается в использовании колоративной и оценочной лексики, соматизмов, эмотивов и т.д.

ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ ВЕЩИХ СНОВ

3.1. Устные рассказы о вещих снах как объект исследования в гуманитарных науках (философии, психологии, фольклористике, литературоведении и лингвистике)

Вещие сны становились объектом исследования разных наук. В первую очередь необычной способностью сновидений предугадывать будущие события из жизни человека заинтересовались античные философы. Сновидения, что предсказывают будущее, рассматривались и философами. Аристотель в своем трактате «О предсказаниях во сне» называет вещим сном такой, который «сбывается»: его содержание связано с реальными событиями, наступающими после пробуждения. Другими словами, вещий сон показывает будущее, позволяет о нем узнать до того, как увиденное произойдет в реальной жизни. Однако философ отмечает, что найти рациональное объяснение феномену невозможно, но и верить на слово также не является правильным: «Что касается предсказаний, которые делаются во сне (точнее, по сновидениям), то надо признать, что одинаково не просто и отвергать их существование, и поверить в них. С одной стороны, конечно, все люди – по крайней мере, большинство – думают, что сны что-то значат, и в это приходится верить так же, как и всему, что основано на опыте, так что нет ничего невероятного, что в некоторых случаях возможно предсказывать по сновидениям (ибо заключен же в них какой-то смысл). А отсюда и обо всех снах, которые нам снятся, можно подумать то же самое, что они что-то значат. Однако поскольку не имеется никакого разумного объяснения, почему это происходит, то сильно и недоверие» [Аристотель, 2010: 169]. Аристотель пишет о божественном характере вещих снов: «В самом деле, нелепо получается (не говоря о прочих несообразностях), что если [сны] посылает бог, то он посылает их не самым хорошим и благоразумным, а кому придется. Если же отрицать бога как причину вещих снов, никакое другое

объяснение не кажется основательным, ибо принято думать, что требуется разумение, превосходящее человеческое, чтобы объяснить, почему некоторые могут предвидеть, что произошло у Геркулесовых Столпов или на берегах Борисфена» [Там же].

Кроме Аристотеля, о вещих сновидениях высказывался и Платон в трактате «Тимей». Согласно ему, возделеющая душа получает дар прорицания от богов в виде компенсации за то, что была удалена от мышления, и награды за свою умеренность. В диалоге говорится, что та часть души, не связанная с рассудком и мышлением, помещена в брюшной полости, в печени: «<...> обитающая в области печени часть души должна стать просветленной и радостной, ночью же вести себя спокойно, предаваясь пророческим снам, коль скоро она уже непричастна рассудку и мышлению» [Платон, 1994: 477]. Можно утверждать, что таким образом бог посылает провидческие сны (и болезни).

Попытки понять странную природу снов, предвосхищающих будущие события, предпринимала аналитическая психология К.Г. Юнга, о котором мы уже упоминали в предыдущих главах. Наравне с обычными сюжетами, увиденными во сне, К. Юнг выделял и особую группу сновидений, в которых воспроизводятся последующие события действительности: «Подобные сны, в противоположность обычным, говорят о намерении бессознательного передать спящему ощущение абсолютной реальности происходящего, причем при повторении это ощущение усиливается. Источником может быть, с одной стороны, физическое потрясение, с другой архетипические образы» [Юнг, 1994: 114].

Термин «архетипические образы» был выведен еще до К.Г. Юнга. З. Фрейд, анализируя сны с повышенной эмоциональной окраской, обнаружил, что личных ассоциаций оказывается недостаточно для удовлетворительного толкования. В таких случаях принимается во внимание тот факт, что часто наблюдаемые в снах элементы могут оказаться вовсе не индивидуальными и не выводимыми из личного опыта сновидца. Эти элементы Фрейд назвал

«архаическими остатками» – ментальными формами, чье присутствие невозможно объяснить, прибегая только к собственной жизни индивида, необходимо учитывать фактор первобытных врожденных и унаследованных источников человеческого разума [Фрейд; цит. по: Юнг, 1991: 20]. Такие остатки Юнг и назвал «архетипами». «Архетип же – писал он, – является тенденцией к образованию таких представлений мотива, – представлении, которые могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом своей базовой схемы. Существует, например, множество представлений о враждебном существе, но сам по себе мотив всегда остается неизменным» [Там же: 21]. Ученый отмечал, что толковать сновидения необходимо и «Многие сны могут быть истолкованы с помощью самого сновидца, поскольку он может дать ассоциации к образам сна и их контекст, с помощью которых можно обозреть все аспекты сновидения» [Там же: 20].

В процессе нахождения смысла увиденного сюжета в пророческом сне Юнг выделял особый образ сна, трактуя его как символа-предвестника будущего во сне. Юнг фиксирует сон, который был увиден им трижды: «<...> в разгар лета вдруг наступает арктический холод и вся земля покрывается льдом <...> Этот сон я видел в апреле и мае, и в последний раз – в июне 1914 года <...> Все это время меня преследовало ожидание надвигающейся катастрофы: я знал, что такого рода сны и видения посланы судьбой. Мое тогдашнее состояние, мои страхи заставили увидеть нечто фатальное в том, что сейчас я должен говорить о значении бессознательного. Первого августа разразилась мировая война» [Юнг, 1994: 89]. Символами в данном сне выступают образы холода и, которые сам К.Г. Юнг связывает с начавшейся войной – той, что уничтожает жизнь.

Психолог И.В. Васильева при исследовании интуиционных феноменов отмечает необъяснимость случаев проявления вещей снов или «дальновидение», «предвидение», которым она дает следующие определения: вещие сны и дальновидение – «знание о событиях, происходящих на значительном удалении от человека и принципиально

недоступных его органам чувств»; предвидение – «знание о будущих, еще не совершившихся событиях» [Васильева, 2015: 28]. Исследователь отмечает: «В традиционном понимании источник этой информации принципиально удален и не доступен восприятию, зачастую отсутствует причинная связь таких событий с настоящими или наблюдаются чрезвычайные символические совпадения явлений психической жизни и физической реальности» [Там же]. Кроме того, И.В. Васильева говорит о том, что традиционно в психологических науках их относят к паранормальным феноменам, изучение которых с точки зрения науки, как известно, весьма затруднительно.

Снотолковательная традиция вещего сюжета обнаруживает себя и в фольклористике. Так, Н.Ю. Трушкина во время своей фольклорной экспедиции записывала рассказы о снах исполнителей, принадлежащих к разным возрастам, профессиональным и этническим группам и проживающих в разных городах и селах. Рассказы о снах записывались в ситуации искусственно спровоцированного разговора о снах. Исполнителя просили рассказать не только о просто запомнившемся сновидении или кошмаре, но и о пророческом сне [Трушкина, 2002: 143–144]. Все записанные рассказы Н.Ю. Трушкина разделила на два типа, представляющих оппозицию вещий сон / не вещий сон.

Тип «вещие сны» составляют устойчивые тематические группы сновидений, предвещающие смерть, болезнь, замужество. При этом исследователь отмечает, что сны, «наделенные отрицательной семантикой (к смерти, к болезни, к несчастью), как правило, являются неожиданными для сновидца. Сны, сулящие благополучную жизнь, замужество, богатство – т.е. наделенные положительной семантикой и потому находящиеся как бы на другом полюсе, – как правило, спровоцированы ситуацией гадания» [Там же: 144]. Другими словами, человек способен самостоятельно предугадывать только отрицательные вещие сны, тогда как положительные вещие сны возможны при постороннем вмешательстве (гадание). По мнению автора, рассказы о вещих снах обладают устойчивой структурой. Так, первой частью

текста обычно является описание ситуации, предшествующей сновидению. Затем следует описание самого сновидения. Третьей частью, которая, по замечанию Н.Ю. Трушкиной, реализуется не во всех текстах, является первичное толкование сна. «Обязательной частью становится описание тех событий, которые, по мнению информатора, были предсказаны сном. В некоторых случаях исполнитель может дать расшифровку символических значений образов сновидения (представить личный сонник)» [Там же].

Другой исследователь И.С. Веселова, изучая вещие сюжеты снов, определила две структурные части рассказов о «сбывшихся снах», которые связаны между собой причинно-следственной связью: рассказ о сновидении и рассказ о событиях реальной жизни, что были отражены в сновидении с помощью образов. И.С. Веселова, материалом для исследования которой послужили 65 устных городских рассказов, выявила следующие группы событий по сюжету, являющиеся так называемыми «сюжетными ядрами»: 1) болезнь (увечья, изменения характера, внешности к худшему, физические недостатки) / исцеление; 2) смерть / выживание; 3) катастрофы, войны / победа; 4) разрушение (стихийные бедствия) / строительство; 5) недостача / находка; 6) беременность; 7) имянаречение. «События, входившие в эти группы, характеризуются неконтролируемостью человеческой волей (болезни, аварии, катастрофы), наличием ситуации повышенной определенности (отсутствие денег, беременность). Неопределенность, отсутствие имени или значения также выделяют объект из ряда ординарных» [Веселова, 2003: 172–173].

Вещие сны привлекали исследователей из литературоведения. Они анализировали предсказывающие будущее сюжеты на материалах художественных текстов и давали им толкования для более глубокого понимания смысла произведения. Исследуя сны русской словесности, А.М. Ремизов указал, что значение сна есть литературный прием, который раскрывает не только внутреннего мира героя, но и подчеркивает связь художественного произведения одного автора с уже существующими или

написанными позже книгами других творцов литературы: «Редкое произведение русской литературы обходится без сна. И это говорит за кругозор и память. В снах не только сегодняшнее – обрывки дневных впечатлений, недосказанное и недодуманное; в снах и вчерашнее – засевшие неизгладимо события жизни и самое важное: кровь, уводящая в пражизнь; но в снах и завтрашнее, что в непрерывном безначальном потоке жизни отмечается как будущее и что открыто через чутье зверям, а человеку предчувствием; в снах дается и познание, и сознание, и провидение; жизнь, изображаемая со снами, разворачивается в века и до веку» [Ремизов, 1954: 129]. Разобрав детально сюжеты снов-предвестников героев Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского, Ремизов пришел к выводу, что вещие сны демонстрируют внутренний мир героя, «предсказывают» развития сюжета.

Кроме проекции будущего развития сюжета произведения и расширения характера персонажа, пророческие сновидения выполняют ряд других функций. И.Б. Васильева отмечает, что вещий сон определяет собой специфику композиции произведения; имеет связь с событиями, особо значимыми в художественном пространстве текста: «Эти события могут принадлежать к одной из двух сфер – духовной (интеллектуальной) жизни героя или изображаемой объективной реальности. В первом случае сновидение свидетельствует о внутреннем росте героя, его преобразовании, переходе в новое качество или раскрывает его духовную исключительность. При этом герой может сделать некие выводы о самом себе <...> Если же события сновидений принадлежат сфере описываемой не о себе, герой (а с ним и читатель) узнает нечто уже не о себе, а о внешнем по отношению к нему мире» [Васильева, 2014: 103–104]. Вещие сны воплощаются в тексте через особые знаковые средства: «Их образы несут содержания, отличные от непосредственно представляемых, и фактически становятся символами» [Там же: 104].

Постепенно вещие сны подвергаются анализу и со стороны лингвистов. Г.И. Берестнев, опираясь на теорию бессознательного вышеупомянутого

нами К.Г. Юнга, определяет следующие психологические особенности пророческих сновидений: 1) интуитивное ощущение у сновидца, что сон – знак будущего; 2) наличие у сновидца собственного их «словаря»; 3) относительная дистанцированность во времени и событий, которые сновидения знаменуют; 4) отражающая базовую позицию человека в жизни их семантика; 5) родовая особенность. Специалист в области когнитивной лингвистики уделяет особое внимание тому, как сознание сновидца, что увидел вещий сон, отражается на его языке. Обращаясь к психологии человека, исследователь ясно дает понять, что без включения в анализ бессознательных особенностей человеческого мозга, невозможно дать полное толкование сюжету рассказанного сна [Берестнев, 2016].

В другой своей работе Г.И. Берестнев в соавторстве с А.А. Цветковой предпринял попытку создать портрет сновидца, видящего «пророческие» сны. Опросив 43 человека и составив корпус из примерно 150 рассказов, исследователи пришли к выводу, что гендерный признак не играет никакой роли: пророческие сны могут видеть как женщины, так и мужчины с практически одинаковой частотностью. Подобное относится и к возрастной категории, однако исследователи отмечают: «<...> сновидец – это зрелый человек со сложившимся отношением к миру и его событиям» [Берестнев, Цветкова, 2013: 15]. Семантика пророческих сновидений относится к событиям будущего посредством положительной или отрицательной оценки увиденного сюжета сна (частотной является «плохая» оценка). Осознание большой роли пророческого сна находит свои расхождения. Исследователи пишут, что понимание природы пророческого сна приходит сновидцу только уже после того, как это самое «предсказание» сбылось: «В идеальной же ситуации он оказывается одинаково подготовленным и к хорошему, и к плохому» [Берестнев, Цветкова, 2013: 16].

На протяжении многих лет исследований ученые стали признавать за рассказами о вещих снах право самостоятельного жанра. Так, М.Л. Лурье

впервые представил композицию рассказа о вещем сне, содержащую следующие элементы:

- 1) описание ситуации из жизни, что предшествовала сну;
- 2) обрисовка бытовых обстоятельств засыпания;
- 3) пересказ сновидения;
- 4) предаваемые значения увиденному сюжету сна после;
- 5) момент проявления вещего сюжета в жизни;
- 6) если сон изначально не трактовался как вещий или вовсе забылся, то воспоминание о реакции удивления вовремя осознания истинной природы увиденного ранее сюжета во сне;

7) утверждение, что вещие сны существуют и на них нужно обращать внимание [Лурье, 2002: 29].

М.Л. Лурье отмечает, что данная схема носит характер предварительный. Другими словами, какие-то ее элементы могут отсутствовать, а их порядок может меняться местами [Там же: 30].

Подобную композицию вещего сна выявила Е.Ю. Живица. Но, в отличие от М.Л. Лурье, она выделяет элементы, которые, по ее словам, характерны для всех аналогичных текстов (обозначение того, кому приснился вещий сон; пересказ сюжета; воспоминания об исполнении сна) и «подвижных»:

- 1) указание на случай из жизни, связанный с будущим сновидением;
- 2) первая реакция на увиденное сновидение;
- 3) время исполнения предсказанного во сне;
- 4) упоминание о людях, которым сновидец рассказывал данный пророческий сюжет;
- 5) предварительное толкование;
- 6) высказывание отношения к своим снам;
- 7) утверждение, что вещие сны существуют и на них нужно обращать внимание [Живица, 2004: 35–36].

Таким образом, устные рассказы о вещих снах являлись объектом исследования философии, психологии, фольклористики, литературоведения и лингвистики, где предметом исследования становились различные аспекты их изучения: природа, толкование, функции в художественном тексте, композиция.

3.2. Типология устных рассказов о вещих снах

Типология устных рассказов вещих выглядит следующим образом:

1. По возрастному периоду жизни человека это сны людей пожилого возраста – все 30 (100%) записанных рассказов о вещих снах. Наш выбор данной возрастной категории обусловлен тем, что эти люди имеют большой жизненный опыт, который находит свое отражение в их вещих снах. В своем исследовании мы ориентировались на информантов, переживших личные трагедии, потрясения и пр.

Например, смерть дочери:

Сон перед дочкой моей, перед её смертью. Вижу такой сон. Вроде бы в нашем, это... Театре опере и балета. Вот, эти, вот, мраморные, вот, лестницы, когда поднимаешься туда, вот. Я, вот, по этим мраморные лестницы с одной стороны на ступеньки и с другой ставлю корзины с цветами. Расставляю. Ну, в общем, расставляю цветы, а муж, её отец, мне помогает, а я отгоняю. А его живого уже не было, ты представляешь? А я отгоняю, не даю ему помогать мне. И вот уже двадцать пять лет я ставлю цветы, вожу в корзинах, понимаешь? На могилу дочери (Прил. Б, текст №5, Красноярск, 2019).

Или смерть отчима:

Ну-у-у-у. В общем, как-то... Снится мне сон: как будто я захожу в какую-то комнату, а там, короче... Ну! Э-э-э-э, гроб стоит. И вокруг этого гроба... Ну... Народ стоит как будто. Провожают. А я не могу подойти и

посмотреть, кто лежит в гробу. И-и-и-и... Вот такие дела, короче. И прабабка моя, царство ей Небесное, подходит ко мне и говорит:

— Иди, Коля, ставь свечку в церковь.

Ну, я-то чё. Не придавал этому значения. Ну, через две недели у меня умер отчим. Такие дела (Прил. Б, текст №11, Красноярск, 2019).

2. По сложности и протяженности сюжетного исполнения все записанные тексты подразделяются на:

а) элементарные, фрагментарные (количество: 86,7%);

б) длинные, развернутые (количество: 13,3%).

В отличие от устных рассказов о снах-кошмарах юношеской фокус-группы, тексты о вещих снах идентифицируются только как длинные или как элементарные. По нашему мнению, это объясняется тем, что взрослая фокус-группа не обладает такой экспрессивностью, как молодежь: она рассказывает более лаконично и с большим количеством пауз, что помогают информантам лучше подобрать слова и составить предложение, а не выдавать информацию сплошным «поток» мыслей.

Фрагментарный вещий сон о смерти мужа и детей:

Сон такой: поляну я вижу. Вот. И, знаешь, всё красивое такое. Очень похоже, вот, на ту, что у нас за деревней с прудом. И вижу я детей своих и мужа. Ой, гуляют, те младшенькие веселятся, с Витькой бегают. И сынок-то мой, Ваня. Подходит ко мне и говорит:

— Мама, мы пойдём. С папкой.

Я говорю:

— Куда же вы пойдёте. Домой давайте, поздно уже.

— Нет, – говорит, – мы пойдём. А ты здесь останься. Мы скоро придём.

А там мостик был на тот берег. И, вот, муж мой, покойный уже, берёт Ваню за руку, а он – маленьких других двух детей. И, вот, они начинают переходить мостик этот в том порядке, как я их всех похоронила (Прил. Б, текст №8, Большая Мурта, 2020)

Развернутый сон, где персонаж вещего сна просит прощения:

Тогда ещё молодая была и жили мы в однокомнатной квартире. У нас была соседка, бабушка уже такая в возрасте. И в общем, это было, я ещё жила с первым мужем тогда со своим. Ну, в общем, это был шейсят первый год, кризис как раз. И, вот, увидела такой сон: она умерла и где-то, уже, наверное, лет десять прошло, она у меня просила прощения. Ты представляешь? Мы тогда на третьем этаже, и я поднимаюсь к себе на третий этаж, а она жила... Ну, рядом квартиры у нас были в хрущёвке. И я поднимаюсь и смотрю, она сидит под нашей дверью, голова вот так опущена, солома постелена под ней. Ну, а я, значит, думаю... И, ну, вроде как спит. И я сейчас думаю: «Тихонечко так ключ вставляю, чтобы её не беспокоить, и войду в квартиру». И только, вроде, ключ стала вставлять, и она меня за руку так РАЗ! – схватила. А у неё... Не было зубов. Вроде бы у неё два зуба, она касается руки и:

— Маша, ты меня прости, ты меня прости.

Я вся мокрая проснулась, страшный какой-то сон (Прил. Б, текст №4, Красноярск, 2019).

3. По гендерным (половым) отличиям:

а) женские (количество: 96,7%);

б) мужские (количество: 3,3%).

Единичный случай мужского вещего сна, составивший 3,3%, – не показатель того, что мы опрашивали информантов только женского пола. Во время сбора материала мы столкнулись с проблемой, что мужчины не соглашались на беседу-интервью на подобную тему или же говорят, что им данный вид снов никогда не снился.

4. По символу:

а) животное (например, собака как символ возвращения мужа):

Когда, вот, от первого мужа я уехала. Прошло время, и он мне пишет: «Я еду к тебе». А перед этим известием я вижу сон. Вот, представляете:

иду я по улице, и бежит **собака**. И на меня. Ластится, и лапу. Это... Потом я рассказываю сестре:

— Сон такой приснился.

Она говорит:

— Ну, Вася, наверное, за тобой приедет.

И, вот, и правда пишет он мне (Прил. Б, текст №14, Красноярск, 2020);

б) предмет (например, цветы в стеклянных банках как символ смерти дочери):

Есть ещё один, вспомнился. Тоже перед смертью доченьки. Она мне снилась. И вот вижу сон: вроде бы мы приехали к ней в гости. Вот. А дом частный. И, вроде бы, вот, веранда такая небольшая, и у стенки, значит, стоит стол вот такой вот. Она по ту сторону стола, а я – по эту сторону стола. И, значит, э-э-э-э, на стене такие наделаны полки, и на полках стоят банки с салониной, как я делаю. И в каждой банке цветы, вот, неживые (Прил. Б, текст №6, Красноярск, 2019);

в) процесс (например, выпадение зубов как символ нехорошего предвестия):

Ох... Что же там такое было... А! Есть у меня одна такая штука. Мне, вот, когда зубы снятся. И они... Вот... Они выпадают у меня. Это, вот, обычно, что-то нехорошее потом случается (Прил. Б, текст №1, Лесосибирск, 2019);

г) человек (например, супруг как предсказание скорой его смерти):

Вот, с уходом мужа. Ну, болел он у меня, конечно. Только я не ожидала, что вот так вот. Думала, что он проживет месяца ещё три-четыре. Вижу во сне я, как вроде он, вот, стоит. Я говорю:

— Ну, чё? Садись.

Он говорит:

— Да нет. Я уже пошёл.

И всё. Говорит:

— Я, вот, пойду туда.

И уходит. И, вот, летом девятнадцатого он ушёл из жизни (Прил. Б, текст №15, Красноярск, 2020);

д) покойник (например, как символ неудачного второго брака):

*Когда я собралась **второй раз замуж**, я без конца видела своего покойного мужа. Во сне. <...> он ведь, наверное, **меня предупреждал, чтобы я замуж не выходила*** (Прил. Б, текст №18, Красноярск, 2020).

5. По характеру сюжета:

а) положительные (количество: 43,3%);

б) отрицательные (количество: 50%);

в) нейтральные (количество: 6,6%).

Вещие сны подразделяются на сын положительного, отрицательного и нейтрального характера. Вещие сны положительного характера повествуют о событиях, которые предсказывали счастливые вести (свадьба, премия, удача у родного человека и т.д.). Отрицательную характеристику имеют сюжеты снов о несчастливых предзнаменованиях (смерть, болезнь, утрата и т.д.). Нейтральный характер имеет сюжет вещего сна, где дается перечисление примет во сне, ведущих к тому или иному событию в жизни в будущем (см. Прил. Б, текст №17, Красноярск, 2020); информант соотносит события с фактами из своей жизни, но не выражает положительной или отрицательной оценки (здоровая рыба во сне – родится крепкий и здоровый ребенок; больная рыба – больной ребенок). Подобный характер носит и текст №19 (Прил. Б, Красноярск, 2020), где информант также соотносит события и увиденное во сне, отмечая их высокую частотность и восприятие как нормы (покойник – перемена погоды; человек – встреча с ним).

Выявленные типы устных рассказов о вещих снах позволяют рассматривать тексты исходя из разных критериев (гендерный, символический, возрастной и т.д.).

3.3. Особенности коммуникативного сценария вещих снов

Как и в случае с коммуникативным сценарием устных рассказов о снах-кошмарах, мы в своем исследовании коммуникативного сценария устных рассказов о вещих снах берем за основу структуру нарратива, предложенную У. Лабовым [Labov, 1987: P. 219–247].

Анализ элементов коммуникативного сценария устных рассказов о вещих снах показал, что в них выделяются следующие этапы: **зачин – завязка – кульминация – разрешение ситуации / возврат к настоящему времени (кода) – советы.**

В **зачине** рассказчик ориентирует слушателя относительно времени, места, ситуации.

— указание на событие, которое было «предсказано» во сне: *Сон перед дочкой моей, перед её смертью* (Прил. Б, текст №5, Красноярск, 2019), *Сон. Он мне приснился незадолго до смерти моего мужа* (Прил. Б, текст №16, Красноярск, 2020);

— указание на то, когда случился вещий сон: *Когда мне, вот, было родить Сашку* (Прил. Б, текст №17, Красноярск, 2020), *Знаете, мне один сон ещё по молодости* (Прил. Б, текст №13, Красноярск, 2020), *А когда, вот, дочери моей не стало* (Прил. Б, текст №9, Красноярск, 2019);

— указание на частотность или единовременность вещего сна: *Сяйчас-то уже давно-о-о-о ничего не снится. Я не помню, не запоминается* (Прил. Б, текст №2, Большая Мурта, 2019), *Мне уже совсем ничего не снится* (Прил. Б, текст №3, Красноярск, 2019);

— указание на факт вещего сна: *Снится мне сон* (Прил. Б, текст №27, Красноярск, 2020), *Вижу сон* (Прил. Б, текст №14, Красноярск, 2020).

Чаще всего идет указание на событие, которое было «предсказано» во сне. Оно ориентирует слушателя относительно сюжета вещего сна, рассказанного далее. Используется тактика привлечения внимания слушателя.

Следующим элементом рассказа о вещем сне является **завязка**:

— описание места действия во сне: <...> *как будто я захожу в какую-то комнату, а там, короче... Ну! Э-э-э-э, гроб стоит. И вокруг этого гроба... Ну... Народ стоит как будто. Провожают* (Прил. Б, текст №11, Красноярск, 2019), *И вот снится мне, что я поехала на кладбище к дочке и мужу её. Я прям, вот так вот, к небу встала, руки подняла* (Прил. Б, текст №9, Красноярск, 2019);

— появление образа вещего сна (чаще всего являемого как символ будущего): <...> *приходит дед домой и приносит ошейник Фильки. А он весь порванный какой-то, грязный* (Прил. Б, текст №24, Большая Мурта, 2020), *Травы нет, цветов нет. Голая земля и прям, вот... Чёрная-чёрная* (Прил. Б, текст №12, Лесосибирск, 2020), *По ту сторону высокий парень стоит. По другую сторону – поплнее, тоже парень* (Прил. Б, текст №13, Красноярск, 2020).

Рассказчик акцентирует внимание на персонаже вещего сна. Он дает описание внешности, совершаемым им действий, передает сказанные им слова и т.д. Нарративная речевая стратегия реализуется через тактику портретирования.

— «Я» (сам рассказчик видит себя со стороны): *А я себя представляю вот такой... золотой как статуеточкой* (Прил. Б, текст №27, Красноярск, 2020);

— животное: *Рыба в сетях у меня была или в руках была. Вся серебрится такая, знаешь, здоровая* (Прил. Б, текст №17, Красноярск, 2020);

— предмет: *И вдруг у меня с шеи падает крестик. Крестик падает... между этими жордочками* (Прил. Б, текст №16, Красноярск, 2020);

— процесс: *картошку копала* (Прил. Б, текст №21, Красноярск, 2020);

— человек: *И тут я поворачиваюсь, и он сзади стоит, Вовка-то. Я плачу, и он стоит плачет* (Прил. Б, текст №9, Красноярск, 2019), *И вижу я детей своих и мужа* (Прил. Б, текст №8, Большая Мурта, 2020);

— покойник / дух (например, умерший родственник): *И мама моя там тоже. И потягивает мне булочку. И ещё она так одета так, о-о-ой. <...> И*

оказалось, что это правда: говорят, когда **покойник** тебе что-то даёт, то удача будет (Прил. Б, текст №25, Красноярск, 2020).

Далее следует основная часть рассказа, которую мы обозначили как **Кульминация**. В этот момент дается описание тому, что именно, по мнению рассказчика, является «предсказанием» будущих событий. На данном этапе рассказчик проявляет нарративную речевую стратегию через тактику сопоставления:

И раз, знаешь. Цыплёнок маленький, такой, выходит. Жёлтенький. И один живой (Прил. Б, текст №2, Большая Мурта, 2019),

И прабабка моя, царство ей Небесное, подходит ко мне и говорит: — Иди, Коля, ставь свечку в церковь (Прил. Б, текст №11, Красноярск, 2019),

И вижу я, как начинают цветы расти на ней. Вот... Не было, не было. И бац! Растут. Красивые такие. Разноцветные всякие (Прил. Б, текст №12, Лесосибирск, 2020),

<...> дыра была в подполье. И я так наклоняюсь в эту, в дыру-то, и говорю: — О, господи. Чё вода-то какая-то тёмная? (Прил. Б, текст №23, Красноярск, 2020),

Я наклоняюсь, а он дальше уходит. Так он в болото, и утонул этот крестик (Прил. Б, текст №16, Красноярск, 2020),

<...> она меня за руку так РАЗ! – схватила. А у неё... Не было зубов. Вроде бы у неё два зуба, она касается руки и: — Маша, ты меня прости, ты меня прости (Прил. Б, текст №4, Красноярск, 2019).

Завершающими этапами является **разрешения ситуации / возврат к настоящему времени (кода)**, которые мы в рамках нашей работы решили объединить в один структурный элемент коммуникативного сценария. Это объясняется тем, что большинство наших информантов завершают свои рассказы на соотносении сюжета с произошедшими событиями после. Здесь рассказчик использует тактику сопоставления:

А потом. Через. Месяц, что ли. У меня у брата, ну, дядь Володи, знаешь, у него сын с дочкой его в аварию попали. Машинную, ну,

столкнулись. Сын, как ты знаешь, разбился, а дочка живая осталась (Прил. Б, текст №2, Большая Мурта, 2019),

И вот потом я познакомилась с парнем молодым из другого института, медицинского. И вот, тридцать три года уже в браке, два ребёнка и внуки уже взрослые (Прил. Б, текст №3, Красноярск, 2019),

И вот уже двадцать пять лет я ставлю цветы, возжу в корзинах, понимаешь? На могилу дочери (Прил. Б, текст №5, Красноярск, 2019),

И говорит мне: «Мы попали в аварию». Стал объяснять, что попали в аварию, отец в больнице: ноги ему переломало (Прил. Б, текст №10, Красноярск, 2019),

Ну, через две недели у меня умер отчим (Прил. Б, текст №11, Красноярск, 2019),

И я выздоровела. Вот, не знаю, хоть верь, а хоть нет (Прил. Б, текст №12, Лесосибирск, 2020),

<...> сруб – это к смерти. И когда я приехала в больницу, и мне сказали: — У вас ещё оставалось. Вы бы пожили года бы четыре-пять, ну, не больше. Если бы не обратили бы вовремя на себя внимание (Прил. Б, текст №20, Красноярск, 2020),

Ну, и, пропал потом Филька, а потом узнали, что убили в лесу и... Господи... Растерзали собаки другие (Прил. Б, текст №24, Большая Мурта, 2020),

<...> видеть ребёнка маленького – это к неожиданным новостям. И, представляешь, я потом узнаю через неделю, что Маринка поступила. На заочку правда, но поступила (Прил. Б, текст №29, Лесосибирск, 2020).

Важно отметить, что для большей понятности соотнесения символа сна и последующего события, связанного с ним, нам необходимо было задавать дополнительные вопросы информантам, уточнять какие-либо детали: *Вы считаете, что эта собака была вашим будущим во сне?* (Прил. Б, текст №3, Красноярск, 2019), *То есть вам этот сон снился до самой свадьбы? Или перед предложением?* (Прил. Б, текст №7, Красноярск, 2019), *А, вот, вы*

сказали, что ленточка была голубая. Ну, которую голубь привязывал. Может, это тоже что-то значило? (Прил. Б, текст №7, Красноярск, 2019).

Последний этап **советы** присутствует не во всех рассказах о вещих снах. Он проявляется в случаях, когда рассказчик анализирует свой сюжет, дает, можно сказать, рекомендации слушателю, делает выводы или дает оценку вещему сну:

Представляешь? Вот, до сих пор этот сон вспоминаю (Прил. Б, текст №4, Красноярск, 2019),

Вот, предупреждал меня Бог как будто (Прил. Б, текст №6, Красноярск, 2019),

Ну, я-то чё. Не придавал этому значения (Прил. Б, текст №11, Красноярск, 2019),

Я очень редко вижу сны. Я их вообще не запоминаю, а этот прям запомнился (Прил. Б, текст №16, Красноярск, 2020),

Я вся мокрая проснулась, страшный какой-то сон (Прил. Б, текст №4, Красноярск, 2019),

Это, вот, он мне, вот, что-то всё равно подсказывал (Прил. Б, текст №17, Красноярск, 2020),

Надо к таким вещам всё-таки прислушиваться (Прил. Б, текст №18, Красноярск, 2020),

Ну, потом, видим-видим сны, а потом что-то происходит, и начинаешь думать: «Ага, а ведь правда. Было же ведь, ведь наталкивало же меня». <...> Надо прислушаться. Видимо, это всё на подсознании (Прил. Б, текст №20, Красноярск, 2020),

Оно не то, что мне подсказало, что я увидела, и вот, кто-то умрёт. Всё равно не постелишь где соломы. Видать, судьба такая. Видимо, что-то мне подсказывало. Потом начинаешь сопоставлять это всё. <...> Мне кажется, что всё равно что-то есть (Прил. Б, текст №21, Красноярск, 2020).

Таким образом, коммуникативный сценарий устного рассказа о вещем сне состоит из нескольких элементов, каждый из которых обладает своими особенностями. Важной отличительной чертой является активное участие не только рассказчика, но слушателя, что задает уточняющие вопросы для полноты картины вещего сна.

3.4. Языковые средства экспликации образов вещего сна

Анализ показал, что устные рассказы о вещих снах характеризуются следующими лексическими, морфологическими и синтаксическими особенностями.

Ключевыми являются лексемы *сон, спать, увидеть, помнить*. Частотная лексема *представляете* для привлечения внимания слушателя и выражения собственного удивления:

И, вот, представляете

Представляешь?

Ты представляешь?

Кроме того, нами были выявлены наиболее частотные выражения для завершения рассказа: *Такие дела, Вот так*.

Используется лексика со значением места при описании картины сна: *квартиры, веранда, кладбище, поляна*.

При описании деталей образов сна, информанты используют деминутивы и уменьшительно-ласкательные формы слов: *на спинках, шторочка, статуточка*. В речи употребляется колоративная лексика: *беленькие, голубенькие, жёлтенький, чёрная, серебрится, разноцветные*. Наряду с колоративами, в речи информантов встречается и оценочная лексика: *нехорошее, плохая, красивые*. Частотны междометия, которые передают эмоции рассказчика: *Ох, Ух, Ой*.

Большая роль отводится лексике с темпоральной семантикой (на этапах зачина и разрешение ситуации / возврат к настоящему времени (кода)),

которая указывает на связь увиденного сюжета вещего сна с реальными событиями из жизни рассказчика: *через две недели, потом, через месяц, перед её смертью, по молодости, когда.*

Рассказывая о вещем сне, информанты часто используют заполнители пауз: *И-и-и-и-и, А-а-а-а, Во-о-о-о-т* и т.д.

Эмотивный фон был представлен только эмоциями удивления, страха через оценочную лексику (*страшный какой-то сон* (Прил. Б, текст №4, Красноярск, 2019)), злости (*разозлилась* (Прил. Б, текст №26, Красноярск, 2020)). Удивление (самое частотное) выражалось уже упомянутым эмотивом *представляете / представляешь.*

На морфологическом уровне рассказчик использует неопределенно-личные местоимения, подчеркивая, что действие происходит в незнакомом месте. Это может быть вполне реальный объект: *как будто я захожу в какую-то комнату* (Прил. Б, текст №11, Красноярск, 2019), *я иду по какому-то настилу, проложенному через болото* (Прил. Б, текст №16, Красноярск, 2020).

Действия субъекта редко связаны с физическими действиями или движениями. Перцептивы типа: *смотреть, слышать*, – они частотны в таких рассказах.

— восприятия: *А в самом доме слышу* (Прил. Б, текст №6, Красноярск, 2019), *и смотрю, она сидит под нашей дверью* (Прил. Б, текст №4, Красноярск, 2019);

— состояния: *стою я около колодца* (Прил. Б, текст №25, Красноярск, 2020), *они у меня мёртвые лежат. На спинках* (Прил. Б, текст №2, Большая Мурта, 2019);

— говорения: *я говорю.*

Но все же встречаются примеры глаголов физических движений и действий: *ставят сруб* (Прил. Б, текст №20, Красноярск, 2020), *Она мне подаёт её* (Прил. Б, текст №25, Красноярск, 2020), *начинают цветы расти*

(Прил. Б, текст №12, Лесосибирск, 2020), *схватила* (Прил. Б, текст №4, Красноярск, 2019).

Отметим, что все действия и события происходят в «каком-то пространстве», но вне времени. В рассказах нет указания на время действия субъектов вещего сна. Мы не знаем, в каком именно промежутке времени происходит действие (днем или ночью), а о времени года можем только судить по общей «картинке» (зеленые деревья).

В процессе анализа устных рассказов о вещих снах от информантов пожилого возраста нами было замечено, что рассказчики не говорят о состоянии «Я» вещего сна: что ему было или страшно, или весело и т.д. Они могут упомянуть лишь о собственных действиях во сне (*Ну, в общем, расставляю цветы* (Прил. Б, текст №5, Красноярск, 2019), *поляну я вижу* (Прил. Б, текст №8, Большая Мурта, 2020), *И я так наклоняюсь* (Прил. Б, текст №23, Красноярск, 2020)), но никакой информации о внутреннем состоянии во сне не дается.

Синтаксис устных рассказов о вещем сне характеризуется использованием придаточных времени: *Когда мне, вот, было родить Сашку, я всё время ловила рыбу. Если я ловлю рыбу – это значит, я забеременела* (Прил. Б, текст №17, Красноярск, 2020), *Ой, знаешь, Танечка, когда мне было тридцать семь* (Прил. Б, текст №27, Красноярск, 2020). Часто встречается парцелляция: *Этим. Аппендицитом* (Прил. Б, текст №1, Лесосибирск, 2019), *А потом. Через. Месяц, что ли* (Прил. Б, текст №2, Большая Мурта, 2019) и пр.

Квалификационные категории модуса:

— авторизация: *мне снится, что звонят в дверь* (Прил. Б, текст №10, Красноярск, 2019), *Тут я видела сон* (Прил. Б, текст №23, Красноярск, 2020), *Я говорю: — Ну, я просто пришла как бы попроведовать, скажем, родных* (Прил. Б, текст №22, Красноярск, 2020);

— персуазивность для выражения уверенности или сомнения рассказчика в том, что увиденный им сюжет сна является вещим: *Уж не*

знаю, вещей ли это сон (Прил. Б, текст №2, Большая Мурта, 2019), Мне кажется, что всё равно что-то есть (Прил. Б, текст №21, Красноярск, 2020), Но всё равно я считаю, что тот сон прям показал мне, что, вот, придёт твой папа и вылечит меня (Прил. Б, текст №12, Лесосибирск, 2020);

— оценочность: *И красивый-красивый такой* (Прил. Б, текст №29, Лесосибирск, 2020), *что-то нехорошее*.

В актуализационных категориях отмечается смешение времен: прошедшего и настоящего. Рассказчики, повествуя об увиденном сюжете вещего сна, используют либо прошедшее время, как бы подчеркивая, что действия происходили в прошлом, либо настоящее, чтобы, по нашему мнению, собиратель / слушатель лучше представил себе их необычный сон: *Я шла – Я иду*.

Социальные категории: устный рассказ о вещем сне ориентирован на бытовой разговор, то есть отношения между говорящим и слушающим, как мы уже отмечали, находятся в рамках «знакомый / родственник / друг».

Событийные пропозиции диктума:

— существования: *А я стою так вот* (Прил. Б, текст №6, Красноярск, 2019), *на пригорке* (Прил. Б, текст №22, Красноярск, 2020);

— состояния: *И у меня было такое состояние, что, знаешь, вроде как я не приду домой* (Прил. Б, текст №23, Красноярск, 2020), *чувствую, что что-то, и некомфортно было* (Прил. Б, текст №22, Красноярск, 2020);

— движения: *собака прибежала* (Прил. Б, текст №3, Красноярск, 2019), *И прабабка моя, царство ей Небесное, подходит ко мне* (Прил. Б, текст №11, Красноярск, 2019);

— действия: *Я ей и говорю: — Ты чей? Потерялся? Давай отсюда домой* (Прил. Б, текст №3, Красноярск, 2019); *она у меня просила прощения* (Прил. Б, текст №4, Красноярск, 2019);

— восприятия: *И смотрю на него. <...> только на ошейник этот смотрит* (Прил. Б, текст №24, Большая Мурта, 2020), *и смотрю*.

Логические пропозиции диктума:

— качественная характеристика: *очень красивый* (Прил. Б, текст №7, Красноярск, 2019), *По другую сторону – поплнее, тоже парень* (Прил. Б, текст №13, Красноярск, 2020);

— отождествления: *А **потом** я поехала в Недокуру работать. И там встречаю парня высокого. И, вот, мы с ним... Выхожу за него замуж. И мы с ним пятьдесят лет* (Прил. Б, текст №13, Красноярск, 2020), *И вот **потом** я познакомилась с парнем молодым из другого института, медицинского. И вот, тридцать три года уже в браке, два ребёнка и внуки уже взрослые* (Прил. Б, текст №3, Красноярск, 2019).

Таким образом, языковые особенности устных рассказов о вещих снах направлены на передачу образа-символа вещего сна, который, в свою очередь, имел предсказательный характер, что доказывает рассказчик путем приведения фактов из собственной жизни, связанные с вещим сном.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Устные рассказы о вещих снах рассматриваются с позиции разных наук. Проанализировав точки зрения философов, психологов, фольклористов, литературоведов и лингвистов, мы пришли к выводу, что рассказ о вещем сне – это результат действия языка и сознания, языка и языковой личности. Философы рассматривали вещий сон как божественный дар предсказания будущего. Психологи видели в таком необычном виде сновидения роль бессознательного через архетипы, и только благодаря К.Г. Юнгу данная наука стала уделять внимание и толкованию вещих снов, которое в первую очередь было важно фольклористике. Именно ее традиция исследовала природу образов вещих снов, что предсказывали будущее сновидцу. Изучающее художественные тексты (важнейший элемент традиционной культуры) литературоведение понимало вещий сон как литературный прием, помогающий понять глубокий смысл произведения и внутренний мир литературного героя. Лингвистика начала предпринимать попытки закрепить за устным рассказом о вещем сне статус самостоятельного жанра, у которого есть своя композиция и лингвистические особенности, а более узкие области этой науки (когнитивная лингвистика, психолингвистика) говорят о том, что изучение рассказов о вещих снах – это метод, позволяющий затрагивать проблемы современной когнитивной науки: связь языка и сознания, бессознательного, эмоций и т.д.

Устный рассказ о вещем сне представляет собой повествование об увиденном в сновидении, который рассказчик интерпретирует как предзнаменование чего-либо. Эти рассказы характеризуются наличием оценочной лексики и лексики с темпоральной семантикой. Они выполняют ряд коммуникативных функций: донесения информации, самопрезентации, желания рассказчика произвести впечатление и т.д. Все они направлены на слушателя, который посредством реплик дает ответную реакцию на содержание рассказа, прерывая, направляя, восхищаясь и т.д. Кроме того,

языковая сторона устных рассказов о вещих снах имеет прямую связь с возрастной категорией рассказчиков.

Отдельного внимания заслуживают эмотивы. Всего было выявлено шесть эмотивов: *представляешь / представляете* для выражения удивления (8 раз); *я вся мокрая проснулась, страшный какой-то сон* для выражения страха посредством оценочной лексики; *разозлилась* для выражения злости.

Типология устных рассказов о вещем обнаруживает следующие категории: гендер, содержание, характер сюжета, протяженность, символ.

Коммуникативный сценарий включает несколько элементов, для каждого из которых характерны свои приемы и особенности реализации: зачин – завязка – кульминация – разрешение ситуации / возврат к настоящему времени (кода) – советы. Нарративная речевая стратегия реализует себя через тактики портретирования и сопоставления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коммуникативно-прагматическая парадигма современной лингвистики на первый план выдвигает речевую и психическую деятельность человека. Исследование данных феноменов отвечает актуальным задачам антропоцентрического языкознания.

В ходе исследования установлено, что устные рассказы о сновидениях отражают психическую деятельность человека, лежащую в основе речевой. Установлено, что устный дискурс – это личностно-ориентированный тип дискурса, а одним из вариантов его проявления является бытовой дискурс, отличающийся неподготовленностью, спонтанностью, неофициальными отношениями между говорящими и др. В текстах такого типа дискурса проявляются личные особенности актантов. Важным является наличие не только говорящего, но и слушающего, который, несмотря на минимальное словесное участие, также является активным участником, выражая свои эмоции, мнение посредством невербальных знаков, эмотивов и т.д., чем способствует изменению вектора развития общения в ту или иную сторону. Роли говорящего и слушающего могут меняться на протяжении всей коммуникации.

Анализ научной литературы, посвященной исследованию устных рассказов о сновидении, показал, что необходимо более глубокое изучение данного жанра с позиции коммуникативной лингвистики.

Методами направленного нарративного интервью и стенографирования звучащей речи были записаны на диктофон рассказы о различных сновидениях. Информантами стали лица обоих полов от 19 до 82 лет. Количество расшифровок устных рассказов о сновидениях, записанных на аудиоаппаратуру в 2018–2021 гг., составило 40 единиц устных рассказов снов-кошмаров, вещих снов – 30 единиц; в сумме – 70 единиц текста. Процесс сбора устных рассказов о сновидениях – это коммуникативный метод, поскольку информант (особенно находящийся с собирателем в

отношениях «знакомый»), рассказывая вещей сон или сон-кошмар, открывает своему слушателю бессознательно свой внутренний мир через коммуникацию. Происходит выстраивание между говорящим и слушающим доверительных отношений человека к человеку, а не информанта и собирателя. В процессе исследования собранного эмпирического материала доказано, что устный рассказ о сновидении обладает всеми признаками речевого жанра. Выявлены следующие жанровые признаки устных рассказов о сновидении: информативная и интерпретативная коммуникативная цель; наличие образа автора (сновидец / рассказчик) и образа адресата (собиратель); образ прошлого (реактивный жанр) и образ будущего (оценка увиденного сюжета сна); тип событийного содержания (событийные и логические пропозиции диктума); языковое воплощение (эмотивы, колоративы, оценочная лексика и др.).

Типология устных рассказов о снах-кошмарах и о вещих снах обнаруживает схожие и различные черты в зависимости от предмета сновидения: кошмар или вещей. Данные тексты объединяются в группы по следующим критериям:

- 1) по возрастной категории рассказчика (юношеские рассказы и рассказы пожилых людей);
- 2) по сложности и протяженности сюжетного исполнения (фрагментарные и длинные);
- 3) по гендерным отличиям (женские и мужские).

Кроме того, типологический анализ снов-кошмаров позволил выявить особые группы рассказов по содержанию (фантастические и реалистические) и по эмотивной составляющей (наличие или отсутствие эмотивов для передачи эмоций рассказчика). В ходе типологического анализа рассказов о вещих снах были установлены группы рассказов по символу (животное, человек, покойник и др.) и по характеру сюжета сна (положительные, отрицательные и нейтральные). В группе рассказов о снах-кошмарах доминируют рассказы с эмотивной составляющей (наличием эмотивов),

поскольку во сне рассказчик стремится передать страх или злость, шок или ужас, которые он испытывал во сне. В группе рассказов о вещих снах преобладают сны символического характера; рассказчики образы сна трактуют как символы, предсказывающие будущие события.

При анализе устных рассказов о сновидениях, записанных от информантов разного возраста, было установлено, что их коммуникативные сценарии отличаются. Коммуникативный сценарий снов-кошмаров, записанных от молодых людей, включает следующие этапы: зачин – завязка – осложнение действия / кульминация – разрешение ситуации – возврат к настоящему времени (кода). Коммуникативный сценарий вещих снов, записанных от пожилых людей, выглядит следующим образом: зачин – завязка – кульминация – разрешение ситуации / возврат к настоящему времени (кода) – советы. Установлено, что отступления от типичных коммуникативных сценариев наблюдаются лишь у единичных рассказчиков, что обусловлено свойством человеческой памяти забывать детали сна, а также другими экстралингвистическими причинами.

Таким образом, устные рассказы о сновидениях по особенностям их коммуникативных сценариев представляют собой нарративные тексты, которые характеризуются интенциональностью (неотделимостью событий от нарративного сознания: субъективного источника наррации), а также фрактальностью (конфигурацией эпизодов или участков текста, которые характеризуются единством места, времени и состава действующих актантов). Между эпизодами могут быть так называемые разломы. Базовой речевой стратегией устных рассказов о сновидениях является нарративная стратегия, которая реализуется в тактиках портретирования (сон-кошмар и вещий сон) и сопоставления (вещий сон).

На языковом уровне у снов-кошмаров отмечается большее разнообразие. По нашему мнению, это связано именно с возрастной категорией: юноши и девушки более эмоциональны, экспрессивны и активны, чем люди пожилого возраста. В ходе исследования эмпирического

материала выявлено в рассказах о снах-кошмарах наличие большого числа глаголов движения (бежать, идти, убегать, летать и т.п.), а в рассказах о вещих снах –

перцептивных глаголов со значением зрения и слуха (услышать, увидеть, посмотреть).

Дифференцированные признаки языковой стороны устных рассказов о сновидениях обнаруживает себя и в частотных языковых единицах эмотивного словаря. В текстах устных рассказов о снах-кошмарах наблюдается больше количество эмотивов, в том числе жаргонного происхождения (типа *капец*, *жесть* и т.п.). Маркирующими языковыми единицами устных рассказов о снах-кошмарах являются оценочная лексика и соматизмы, а для устных рассказов о вещих снах характерна лексика с темпоральной семантикой (темпоративы) и также оценочная лексика. Когда информант рассказывает страшный сон, он стремится поделиться не только самим сюжетом, но и испытываемыми эмоциями как во сне, так и после него. Сновидцу важно, *что* именно он чувствовал (страх, шок, волнение, паника и т.д.), *кто* или *что* его испугало. Информант, повествующий о вещем сне, хочет доказать и показать, что то, что он увидел во сне, имело предсказательный характер, а после и вовсе сбылось в его жизни. Рассказчику важно подчеркнуть, *когда*, *где*, *каким образом* и *при каких обстоятельствах* произошло то, о чем он рассказывает. Объединяющей частотной языковой единицей выступила оценочная лексика, т.к. информантам обеих фокус-групп (юношеской и пожилой) было важно передать образ, который напугал или предсказал будущее во сне; описать место, в котором они оказались; дать оценку того, что они увидели во сне и дать этому интерпретацию. «Богатство» использования языковых средств зависит от ораторских способностей рассказчика и времени, которое прошло с момента сновидения. Чем больше это время, тем менее ярким является рассказ с языковой точки зрения.

Важно отметить, что на этапе сбора материала устные рассказы о вещих снах пожилой фокус-группы и устные рассказы о снах-кошмарах юношеской фокус-группы также разнятся. У информантов вещих снов собирателю было необходимо задавать наводящие или уточняющие вопросы, когда с информантами-молодежью к такому способу приходилось прибегать крайне редко.

Коммуникативный сценарий устных рассказов о сновидениях – научный феномен, который может получить развитие в сфере психолингвистики, прагмалингвистики и коммуникативной лингвистики. «Сценарий» сновидений при всей его кажущейся странности реализуется в образах, которые позволяют заглянуть во внутренний мир человека, а анализ его языковых особенностей помогает лучше понимать природу человека, связь сознания, психики и языка.

Сон-кошмар или вещий сон – это, по нашему мнению, самые «острые» и самые интересные сюжеты, так как именно они вызывают у сновидца больше всего эмоций, а значит лучше и дольше остаются в памяти. Зачастую они связаны с чем-то личным, которое осознается в большинстве случаев только спустя какое-то время. Благодаря таким устным текстам можно только на этапе рассказывания составить коммуникативный «портрет» человека, заостря внимание на лингвистических, психологических и когнитивных аспектах.

Перспективой дальнейшего исследования является расширение эмпирической базы и анализ материала с точки зрения лингвоперсонологии, микросоциолингвистики и лингвистической эмотиологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. С. 180–193.
2. Аристотель. О предсказаниях во сне // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков / пер. и прим. М.А. Солоповой; общ. ред. М.С. Петровой. М.: Кругъ, 2010. С. 169–175.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 424 с.
4. Берестнев Г.И., Цветкова А.А. Портрет сновидца: к проблеме языка как знаковой системе сновидений // Слово.ру: Балтийский акцент. Серия: Язык: пульс времени. 2013. Т.4. Вып. 4. С. 7–16.
5. Берестнев Г.И. Психология сновидений о будущем // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. Языкознание. 2016. Вып. 1. С. 5–11.
6. Беркаш Г.В. Логико-грамматическая природа вопроса и ее реализация в вопросно-ответных структурах английской диалогической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 14.01.2021. М., 1969. С. 9–11.
7. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. 67 с.
8. Богданов К.А. Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 6–368.
9. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 123 с.
10. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. 113 с.
11. Бралина С.Ж., Демьянова Ю.В. Жанровая природа современного устного рассказа // Вестник КарГУ. Серия: Филология. 2011. Т.2. Вып. 62. С. 97–102.

12. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
13. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
14. Васильева В.В., Дускаева Л.Р. Коммуникативный сценарий призыва в массмедийном поликодовом тексте: проявления экстремистского высказывания // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т.12. Вып. 3. С. 395–407.
15. Васильева И.Б. Литературные сновидения с когнитивной точки зрения // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. Лингвистика сновидений. 2014. Вып. 8. С. 103–104.
16. Васильева И.В. Теоретические противоречия в определении феномена интуиции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т.4. Вып. 1. С. 27–29.
17. Веселова И.С. Прагматика устного рассказа // Современный городской фольклор / под ред. А. Ф. Белоусова, И. С. Веселовой, С. Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 234–244.
18. Виноградов В.В. Стилистика, теория поэтической речи. Поэтика. М.: Наука, 1963. 255 с.
19. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
20. Девкин В.Д. Прагматика слов. М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1978. С. 3–12.
21. Домановский Л.В. Устные рассказы // Русский фольклор Великой Отечественной войны / отв. ред. В. Е. Гусев. М.; Л.: Наука, 1964. С. 194–239.
22. Дорфман И.И. «Паспорт» речевого жанра приветствия/прощания (по модели Т.В. Шмелевой) // Научная мысль Кавказа. 2012. Т.1. Вып. 69. С. 1–12.

23. Дускаева Л.Р., Коняева Ю.М. «Звездная персона» в арт-журналистике: стилистико-речевая репрезентация коммуникативного сценария // Филология и человек. 2015. Вып. 1. С. 15–24.
24. Живица Е.Ю. Устная народная снотолковательная традиция (на материале рассказов о снах): дис. ... канд. филол. наук: 21.09.2020. М., 2004. 147 с.
25. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 278 с.
26. Зорин М.Г. Взаимосвязь сновидений и самочувствия человека: теоретические и методологические аспекты исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т.17. Вып. 43, ч.2. С. 101–104.
27. Иванова Э.Ю. Марийские устные рассказы: типология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук: 21.01.2020. Йошкар-Ола, 2005. 196 с.
28. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5–19.
29. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров / отв. ред. Н.Н. Трошина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.
30. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
31. Кибрик А.А., Паршин П. Дискурс [Электронный ресурс]. Онлайн энциклопедия [Кругосвет](http://www.krugosvet.ru), 2001. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html (дата обращения: 30.09.2020).
32. Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): дис. ... канд. филол. наук: 10.09.2020. М., 1999. 655 с.

33. Кэмерон Д. Разговорный дискурс. Интерпретации и практики / пер. с англ. Х.: изд-во «Гуманитарный Центр» / Вовк Ю.С. Харьков, 2015. 316 с.
34. Лазарева А.А. Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы: дис. ... канд. филол. наук: 25.10.2021. М., 2018. 335 с.
35. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
36. Лурье М.Л. Вещие сны и их толкование (На материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения в народной культуре / Сост. О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2002. С. 26–43.
37. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
38. Матвеева Т.В. Управление собеседником в диалогическом речевом общении // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. С. 152–165.
39. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 152 с.
40. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики. М.: Прогресс, 1978. 480 с.
41. Пиевская И.М. О типологии дискурса в рамках современной парадигмы языкознания // Территория науки. Серия: Образование. 2007. Т.1. С. 107–111.
42. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с.
43. Плотникова А.В. Дискурсивный диалогический повтор как средство реализации коммуникативных тактик слушающего. Саратов, 2007. С. 18.
44. Прокошенкова Л.П., Гецкина И.Б. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Вып. 4. С. 451–456.

45. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрик, В. И. Подлесская [и др.]. М.: Языки славянской культуры, 2009. 736 с.
46. Ремизов А.М. Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж: Оплешник, 1954. С. 129.
47. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 182 с.
48. Сидоров Е.В. Личностный аспект речевой коммуникации текста. Калинин: КГУ, 1989. С. 16–25.
49. Сиротинина О.Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – текст – культуры / под ред. О.Б. Сиротининой. Екатеринбург: Ин-т разв. релион. образ., 1994. С. 105–124.
50. Ситосанова О.В. Семантика и прагматика слов-аргументаторов в бытовом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 25.03.2020. Иркутск, 2007. 158 с.
51. Стрифон К.-У. Работа со сновидениями / пер. с англ. А.С. Ригин. М.: Издательство Трансперсонального Института, 1997. 192 с.
52. Толстая С.М. Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре / сост. О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2002. С. 198–219.
53. Трушкина Н.Ю. Рассказы о снах // Сны и видения в народной культуре / сост. О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2002. С. 143–170.
54. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике / сост. И.М. Кобозева, В.З. Демьянков, Б.Ю. Городецкий. М.: Наука, 1986. С. 363–373.
55. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.
56. Фрейд З. Толкование сновидений. Ереван: Камар, 1991. 448 с.
57. Шенк Р., Абельсон Р. Сценарии, планы, знание // Труды VI международной объединенной конференции по искусственному интеллекту. Т.6. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 208–220.

58. Шляхов В.И. Сценарии, стратегии и тактики русского речевого взаимодействия // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: язык и специальность. 2008. Вып. 1. С. 26–31.
59. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. статей / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
60. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
61. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 7–29.
62. Юнг К.Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. Киев: Air Land, 1994. 408 с.
63. Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis. London: Longman, 1977. 195 p.
64. Goodwin C. Conversational Organization: Interaction between Speakers and Hearers / C. Goodwin. New York, 1981. 374 p.
65. Goulthard M. An Intoduction to Discourse Analysis / M. Goulthard. London: Longman, 1977. 195 p.
66. Hoey M. The place of clause relational analysis in linguistic description // English Language Research Journal. Vol.4, 1983/4. P. 1–32.
67. Labov W. Speech actions and reactions in personal narrative // Analyzing discourse: Text and talk / ed. by D. Tannen. Washington: Georgetown University Press, 1987. P. 219–247.

Устные рассказы о снах-кошмарах

1

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

В детстве мне приснилось, будто я на каком-то телешоу. И я сижу в зрительном зале, а на сцене стоит мой отчим в свадебном платье и держит в руках коробку черную, похожую на маленький гробик. Тут заходит мама в костюме, который, ну, мужской. Они плачут, и тут говорит ведущий, что моя маленькая сестра погибла, от какой-то болезни, что ли. А она у меня только тогда родилась, ну, сестра маленькая, и вот этот сон мне приснился. Ну, про болезнь ты её в курсе. Короче, все это очень странно и необычно как-то.

Информант: Беликова Анастасия Ивановна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

2

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Я вспомнила детский сон такой страшный. Кошмар был просто жуть. Короче, я лежу на каком-то столе, типа того. Ну знаешь, такой стол типа как хирургический. Я, вот, лежу на этом столе, и подходит какой-то чувак в коричневых штанах, потому что я вижу только его штаны, хотя голова вроде свободна. Вижу его штаны коричневые, и он, ну, промелькает лезвие какое-то, и я начинаю бояться прям до жути. Я внутри начинаю плакать. Я проснулась даже от того, что начала плакать. Я ничего не чувствовала, но начала плакать из-за этого: из-за того, что я стала бояться. Вот.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Информант: Беликова Анастасия Ивановна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

3

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Мне приснилось, что я падаю. Очень долго падала и причём в пустоту, при этом не могла проснуться. И вот после этого меня преследовало ощущение, что я падаю: иду – падаю, лежу – падаю, сижу – падаю.

Собиратель: А ты интерпретируешь как-то свой такой сон?

Да нет, кошмарный сон и кошмарный.

Информант: Быковская Евгения Максимовна, род. в 1999 г. в г. Норильске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

4

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Приснилось, что я стою посередине города, а вокруг разруха и никого нет. И такое чувство, что это все сделала я. Единственное, что я слышала, как голоса говорят, что я ужасна, глупа. В общем, вылезли все слабости. Но вдруг появился Андрей и встал передо мной как гора, как будто защищал, и вокруг стало все расцветать, все построилось заново, и как будто вся разруха превратилась в рай.

Собиратель: Прямо спаситель твой во сне.

Ага, так он же в жизни меня от моих родителей защищает... Видимо, и во сне тоже.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Информант: Быковская Евгения Максимовна, род. в 1999 г. в г. Норильске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

5

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Однажды мне приснился сон, в котором я, вот, знаешь, я была там маленькой и шла по дороге из жёлтого кирпича словно в стране Оз, знаешь, но со мной не было ни Дровосека, ни, там, Соломенной Шляпы, ни Трусливого Льва. Я была одна совсем. И помню, что точно солнце скрывалось за горизонтом, а мне нужно было срочно найти кого-нибудь, так как я очень сильно боялась темноты. И неожиданно передо мной появилось какое-то существо. Оно, знаешь, было похоже на маленького чёртика, что ли, но его движения были похожи движения обезьяны, но морда у него была страшная капец. И язык он... высовывал постоянно как змея как-то, а лап у него было восемь, как у паука. И-и-и-и, и он настолько сильно меня испугал, что я телом... чувствовала дрожь, знаешь. Мне было страшно, и я понимала, что мне нужно бежать, но как бы некуда. И я помню, что, вот, когда этот чертёнок побежал на меня, я подпрыгнула на месте и проснулась. Через там несколько минут я заснула вновь и вернулась в тот же сон: я была на той же жёлтой дороге, вот только чертёнка этого уже не было. Я опять подпрыгнула и опять проснулась. Звучит странно, но реально так и было... И так я сделала еще один раз, после чего заснула, но уже без сна типа. И после этого я много где могла заставлять себя вернуться в сон, вот, и выйти из него. Я могла ощущать своё
была и в другом месте, во сне. Как это называется-то?.. Блин. А! Осознанные сны, вот! Только я контролировать сюжет не могу, а так да, есть такое.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Информант: Дмитриева Алина Вячеславовна, род. в 1997 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

6

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

В другой раз мне приснилось, что я во сне заставляла себя проснуться. Ну, то есть я снова чувствовала своё тело, но не могла заставить его двигаться. Я понимала, что я вроде и проснулась, а вроде нет. И я помню, что я словно кричала себе во сне, чтобы проснуться, но тело не двигалось вообще, ну, никак. Я даже не слышала и не чувствовала своего дыхания. То есть я во сне понимала, что это всё – сон, и мне нужно из него выйти. Не хотелось бы такой сон увидеть ещё раз.

Информант: Воронцова Дарья Сергеевна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

7

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Был такой сон, где я сижу на берегу какого-то маленького пруда, а вокруг маленький лесок, и стояла глубокая ночь, была полная луна, которая, вот, отражалась на водной глади. Это было очень красиво, так завораживающе, что ли. И я сидела на траве и что-то то ли рисовала, то ли что-то писала, не помню. И, вот, неожиданно передо мной появился маленький мальчик. Ему на вид было лет семь или восемь. Я чётко помню,

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

что у него были пухлые щёчки такие и светлые, ну, блондинистые волосы, хотя они были почти белые. Он сам был как белый. Он возник словно из, вот, вот, ниоткуда и смотрел на меня и молчал. Он вдруг, знаешь, протягивает ко мне руки, и я хочу взять его за них, но как только моя рука, ну, прикасается к нему, она проходит сквозь него. Я смотрю на него и вижу, что он начинает плакать, тянутся ко мне, а потом стал просто исчезать. Ну, бледнеет как картинка на экране. А он плачет и тянется ко мне, и тихо-тихо сказал:

— Помоги мне.

И я проснулась. А до этого сна я очень сильно поругалась со своим младшим братом, и он на него похож, кстати, когда он был младше.

Информант: Сурикова Василина Витальевна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

8

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Вообще мне очень часто снятся сны с падением. Прямо очень часто. Но один я помню четко. Мне было тогда лет двенадцать или тринадцать. И я помню, что стояла на крыше самого высокого здания в мире. Для меня он казался тогда очень высоким. Похож очень на Эмпайр-Стейт-Билдинг в Нью-Йорке. Был очень сильный ветер, а вокруг меня стояли двое мужчин в чёрном и в очках тёмных, и они мне говорят, что я должна покачаться на качелях, которые стоят на самой верхушке этого здания, иначе они убьют маму. Потом я резко оказываюсь на этой самой верхушке, где стоят эти самые качели. И я сажусь и начинаю качаться на них. А под ногами пропасть: там гудят машины, крыши других зданий. И я срываюсь и лечу вниз, а телом

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

ощущаю это противное и пугающее чувство падения. И за несколько секунд до столкновения с землей я резко просыпаюсь. И этот сон такие сны с падением именно с качелей у меня был раза два или три. Но я часто падаю во сне.

Информант: Дмитриева Алина Вячеславовна, род. в 1997 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

9

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Еще у меня был сон, где мы сидим вместе с моими родителями и бабушкой в каком-то в зале. Я стою возле балкона и вижу, как эта самая бабушка берёт нож и, вот, самосознательно вонзает его себе в грудь, прям, вот, где сердце. Как само собой разумеющееся, что ли. Все начинают кричать, и я тоже. И резко просыпаюсь. Вообще мне часто может сниться чья-то смерть. И смерть незнакомых мне людей. Я помню их внешность, помню все детали. Так мне приснилось, как один какой-то молодой парень повесился в старой заброшенной... кирпичном здании. Здание пустое было. Ну, там тихо было. Я помню, что у него были длинные тёмные волосы. И он там был повешенный. Это было прям очень жутко.

Информант: Дмитриева Алина Вячеславовна, род. в 1997 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

10

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Бывало иногда такое, что мне несколько ночей снились очень страшные сны. Я не помню их детально, но помню, что там, куда я каждый раз попадала во сне, было очень страшно и темно. Это не было, вот, знаешь, каким-то помещением, это было, вот, просто место без потолка и пола. Были страшные звуки, злобный смех, словно правда Сатана смеётся. Вот ничего не было вокруг, но это был сон. И только звуки, шёпоты чьи-то жуткие. Я просыпалась посреди ночи вся напуганная, мне казалось, что я всё ещё там. Я боялась ложиться спать, даже не спала специально, потому что просто было страшно вновь там находиться. Жесть, конечно.

Информант: Кежен Ирина Михайловна, род. в 1997 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

11

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Ля, мне сегодня такой сон приснился. Короче, он начинается с того, что какой-то молодой человек ищет свою невесту, которая по его данным находится в театре. Он приходит в этот театр, видит представление, постановка какой-то книги. Ну, скорее всего, такое придумать мог какой-нибудь французский писатель, я не знаю. Я лишь помню, что там на кровати в виде такой статуи лежит старый мужик. У него идет диалог со змеей. Ну, типа Волдеморт. В прислуге у него ходит один мужчина.

Дальше идет обрыв сна. Этот молодой человек считает, что его невеста играет именно эту змею. Он дожидается окончания представления. Поджидает у чёрного входа. Выходит женщина, которая, скорее всего, режиссёр представления, и тот мужик, играющий прислугу. И, это... Молодой человек начинает всё объяснять. Там женщина смеётся, говорит,

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

что у той девушки-змеи уже есть жених. А-а-а! В этот момент эта девушка выходит с парнем как в доказательство. Потом вновь обрыв. Я вижу деревню как у моей бабушки. Короче, вся труппа уехала туда отдыхать. На этот дом. И тот юноша был вместе с ним. Оказывается, что он – незаконнорожденный сын того старика, что лежал на кровати в виде статуи. Об этом выяснила та девушка, которая играла змею. Старик чувствует отцовство. А он, если шо, богатый, но признавать его не собирается, так как доков нет. Короче, и девушка, что играет змею, решает помочь юноше это всё выяснить и раскопать. Всё. Просто страшный и запутанный бред. Надеюсь, что больше мне такого не приснится.

Собиратель: А почему ты считаешь этот сон кошмарным? Ну, тут же нет стандартных зомби, маньяков там и так далее, как у многих бывает.

Ну, как бы сказать. Я не люблю, когда запутанно всё. Типа... боюсь бреда и неразберихи, что ли? Я просто помню, что мне было страшно во сне, потому что я ни хрена не понимала, что происходит вообще. Плюс это всё ещё и жутко выглядело.

Информант: Кралик Кристина Фёдоровна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

12

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Вот мне приснилось однажды, что я поехала куда-то на автобусе. Сам путь я не помню, но помню место назначения. Это было на горе на какой-то, ну, знаешь, вид был, примерно, как с горы, где стоит часовня Параскевы Пятницы, только если бы это находилось на окраине города. Вот. И если пройти несколько метров от остановки, то там было здание. Оно было очень красивым, почти всё из стекла, ну, типичные американские дома богачей,

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

знаешь. И вот, то ли это было место моей учебы, типа универа, либо же это была больница. Не уверена, но скорее всего первое. Так вот. Я находилась там какое-то время, но не помню, что делала там, помню только, что вечером я вновь стояла на этой остановке и ждала там свой автобус, чтобы уже поехать домой. Вокруг меня стояли одни парни, но их было немного. Я всех не помню, но помню одного, но и то смутно как-то: у него были черные волосы и шарф на лице в красную клетку. И всё это я вижу своими глазами.

Потом резко я оказываюсь вновь на этой остановке, но уже глубокой ночью, я точно помню, что там стоял один высокий столб с фонарём. И здесь я уже всё вижу со стороны: как я выхожу из автобуса вместе с какой-то группой парней. Нас всего четверо было, а может пятеро, но девушка была одна, я. И мы точно приехали с какой-то целью сюда, что-то найти и так далее.

Потом резко я опять начинаю всё видеть своими собственными глазами: я вижу, как мы подходим к этому зданию, в котором мы были сегодня днём. Мы то ли хотели что-то проверить там, или нас позвали сюда, но мы не от балды приехали. И там, вот, тоже был один единственный фонарный столб. И вдруг я вижу, как из этого здания начинает выходить толпа людей, в основном они все были в каких-то грязных халатах. И они идут к нам, и я слышу эти противные звуки, которые они издают, и понимаю, что это чёртовы зомби. Они идут на нас прям, качаются, и от страха я просыпаюсь.

Информант: Егудина Анастасия Михайловна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

А еще был такой сон тоже с зомби-тематикой, где я была в городе, в котором наступил зомби-апокалипсис. И я стою посреди толпы этих ходячих мертвецов. И я чётко помню их лица. Они были просто ужасны: у них были маленькие вытянутые глаза, острые носы, а губы были вырезаны, ну, то есть. У них были прорезаны щёки и вырезаны губы в виде такой длинной улыбки до ушей в прямом смысле... И я могла, вот, видеть полностью их челюсть с зубами. Это было настолько ужасно, и неожиданно один на меня нападает, и в момент, вот, укуса я резко просыпаюсь. Но этот сон был от того, что я фильм о зомби посмотрела перед сном, и он меня сильно впечатлил.

Информант: Егудина Анастасия Михайловна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

14

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Сон был очень страшным. Мне кажется, что это самый страшный сон, который я когда-либо видела. Там была война, и... знаешь, как вторая мировая. И фашисты были. Я помню, что они говорили на немецком.

Началось всё с того, что по телевизору очень много говорили о том, что начинается война, но я как-то воспринимала её, ну, типа всё это постановка, и типа ничего до нас не дойдёт.

Но когда я гуляла со своим младшим братом по городу. Я на... даже помню, что это было на улице Урванцева. И тогда на нас напали. Я помню, что схватили нас и еще несколько человек. Они были с оружием и в военной форме. И было очень страшно. Прямо реально страшно. И помню, что нас завели нас в угол и приставили к стенке. Я помню, что я очень много плакала. Прямо очень много. Прямо не переставая. А-а-а-а. Я помню, что они

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

сказали нам повернуться лицом, но я не могла. Я поняла, что они в нас будут стрелять. Я очень сильно плакала, но не поворачивалась, потому что лучше уж они меня убьют выстрелом в спину, чем я буду на них смотреть. А они мне орали, чтобы я повернулась. А! Я помню, что мой брат стоял недалеко. Там еще среди нас был парень блондин, которого я и в жизни знаю. Его Саша зовут. И потом наступил момент, когда они выстрелили. Две пули точно в меня попали. И дальше там всё в ультразвуке, и перед глазами всё плыть стало. Я упала и помню, что видела, как все вокруг начали бежать. У меня так перед глазами плыло.

Через некоторое время я начинаю медленно просыпаться, и размыто вижу какие-то надписи на английском. А надо мной стоит Саша и держит на руках моего брата. Я начинаю так... тихо шептать имя моего брата, а Саша меня спрашивает:

— Ты помнишь его как сон или как человека?

Я сказала, что как человека, и в этот момент я поняла, что жива. Что меня залатали. Потом я оказываюсь на кухне, где сидит моя тётя и с кем-то разговаривает. Я просто к ней бегу, падаю на колени и начинаю сильно плакать. После этого я резко просыпаюсь и понимаю, что плачу наяву. Это было очень страшно. Я очень боюсь войны, вот. И она мне часто очень снится в кошмарах.

Информант: Шарапова Екатерина Дмитриевна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

15

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Был такой у меня кошмар. Я его увидела в ту ночь, когда я закончила читать роман Кафки «Процесс». И вот, видимо, он так сильно повлиял на моё сознание, на мою впечатлительность, что вот такое... такой кошмар мне приснился, наверное, один из самых худших просто за всю мою жизнь. Эм... Я находилась как бы в нашем городе, в нашем микрорайоне, но наш город, да и в принципе вся наша страна мы... Это была как бы антиутопия. То есть наша страна стала жить в тоталитарном режиме. Вновь. И этот тоталитаризм он проявлялся в том, что появились такие органы правопорядка, которые проверяли, как-то сканируя тебя одним только взглядом, на то, верующий ты или нет. И они это реально делали посредством только одного взгляда на тебя. И, вот, видели вот это. И они ходили вот в такой специальной форме по всему нашему городу, патрулировали все районы. И я шла... получается в магазин. Это была пасмурная, я помню, погода, всё такое серое было. Я шла получается по дороге, и мимо меня идёт сотрудник этого... не знаю, вероисповедательного правопорядка. Он смотрит на меня, а-а-а, потом к нему подходит такой же его коллега. И они начинают идти ко мне, причём так чётко и прямо ко мне, я прекрасно начинаю понимать, зачем они за мной идут. А всем в нашей стране было известно, что тех, кого ловят, их куда-то отводят, и после этого их никто никогда не видит. Либо их убивают, либо они там в тюрьме сидят пожизненно. Я начинаю убежать, и я даже успеваю... удаётся мне убежать к себе домой, и они меня всё равно ловят.

Вот... Меня приводят в какое-то здание... Я не знаю, как оно выглядит снаружи, у меня сон переносится прям, когда я нахожусь внутри. Меня отдают какой-то девушке. Наверное, чуть старше, чем я, то есть ей лет двадцать пять-двадцать шесть где-то. А-а-а-а, она меня отводит, я за ней иду. Отводит она меня в подвал. Всё ниже и ниже по такой винтовой поломанной немного лестнице каменной спускаемся. Всё вокруг такое... И меня приводят в подвальное такое помещение. А-а-а, всё там такое больнично-белое, всё такое болезненное как, вот, в плане... И там стоит машина, машина для

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

пытках. Самую натуральную, которую Кафка описывал в одном из своих рассказов... А-а-а-а, где один человек описывал казнь и вот эту машину для убийств как своего котёнка любимого. Вот. Ну, она там с шипами, то есть ты там двенадцать часов умираешь под ней. А вот это, вот, девушка, надзирательница, которая меня вела, она очень сильно лицом похожа на героиню компьютерной игры, а-а-а-а, про Алису в Стране чудес, «Alice: Madness Returns». Вот, на неё очень, на Алису эту похожа. А-а-а-а-а, и она мне... Она меня садит на стул, я понимаю, что сейчас будет мне капец. И вдруг она поворачивается и говорит... м-м-м-м, и говорит, что всё отменяется, идите наверх и ждите меня там в коридоре. Я выхожу, а как бы сон остаётся на... Ну, вот, моё видение сна остаётся как бы в этом подвальном помещении, то есть я вижу эту надзирательницу, назовём её условно Алисой. И она вдруг, когда я ушла, она зовёт, э-э-э, каких-то своих трёх помощниц, которые даже внешне на неё похожи. Одна из них что-то ей говорит, и вдруг эта Алиса... она берёт и просто перерезает горло вот этой своей одной помощнице. Кровь на неё прям брызгает, всё её лицо, та падает замертво. И Алиса говорит, что я сейчас умоюсь, переоденусь, потому что одежда запачкана, и типа выйду к заключённой.

И всё, опять переносится на меня. Я стою в этом тёмной коридоре, со мной стоит ещё две девушки, видимо, такие же... провинившиеся как и я. Выходит вот эта Алиса уже вся такая чистая, всё нормально, как будто ничего и не было. И ведёт нас. Мы идём за ней. Мы идём по коридорам, наверх, там по всем этим тёмным коридорам, и там точно всё такое же больнично-белое, всё потрескавшееся, пошарпанное, всё поломанное, как будто заброшенное какое-то здание. И... Э-э-э-э, там было очень много крови, эта кровь, она была на потолке, она была на стенах, она была на полу. То есть я до сих пор помню, как я шла и слышала, как эта кровь, она хлопает у меня под ногами.

Вот мы идём, и нас заводят в какой-то кабинет. Кабинет выглядит как

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

обычный школьный класс. Э-э-э, за партами там сидят... Ну, там парты в три ряда, и за партами сидят девушки, все в больничных халатах, и все они как на одно лицо выглядят. Вот реально одно лицо, одно лицо, они все похожи, как будто их, вот, скопировали и вставили. А-а-а, нас сажают. Меня сажают, кстати, за парту, предпоследнюю парту третьего ряда, за которой я сидела постоянно в школе, ну, чаще всего я за ней сидела. Э-э-э, нас сажают, и заходит в этот кабинет учительница, ну, понятно, видно, что она – учительница. И нам раздают по ломтю чёрного хлеба. Каждому ученику, ученице точнее. И говорит задание:

— Вы должны нарвать этот хлеб на кусочки руками.

Ну, пальцами. Вот, что у нас есть сколько-то там времени, вы должны за это время управиться. И все по команде начинают это делать. Я это делаю, делаю, делаю. Как бы сию, понять ничего не могу, но делаю. Эта учительница, она ходит между партами, между рядами, так наблюдает за тем, кто и как чё делает. И когда очередь доходит до меня, она такая смотрит и говорит:

— Хорошо.

Вот, одно, вот, это слово она говорит. «Хорошо». И всё, и уходит. Потом через какое-то время она командует и всё заканчивается. То есть чтобы все прекратили работу. Все прекращают, начинают проверять. Она ходит, проверяет, ставит оценки. Я сию, немного такая успокоившаяся. Она же сказала, что у меня всё хорошо, значит, у меня всё хорошо. Доходит до меня, смотрит на меня, и говорит, что я не сдала, что у меня плохо, что, вот, это – незачёт. Ну, у меня шок. Я начинаю возмущаться и говорю:

— Как так?! Почему плохо? А что именно вам не понравилось? Вы же сказали, что у меня всё хорошо. А почему вы в самом начале урока не объяснили, как это правильно делать? Ведь я же не знаю, я тут первый раз.

Ну, начинаю задавать адекватные вопросы. И просто мне говорят:

— Вставай.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Я встаю из-за этой парты, и вот Алиса, она отводит меня в сторону. Меня ставят. И эта Алиса, она протягивает руку и выстреливает мне в лоб. Вот так вот. Это ужасно. Я потом проснулась и даже понять сначала не могла, где я вообще.

Информант: Кралик Кристина Фёдоровна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

16

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Последний кошмар, он снился мне совсем недавно. Я находилась в каком-то ТРЦ. Ну, скорее всего, это было как «Планета». Это было... какая-то... лето. Было какое-то дождливое лето. Я помню, что я пришла туда после тренировки и пошла типа в японский ресторан. Я там сидела получается. И там по телевидению новости передавали, что очень сильные осадки будут выпадать, что лучше типа вам всем отправиться домой. Что, вот, типа штормового предупреждения такого. Мы это всё не слушаем. Все сидят, люди развлекаются и дальше. И просто в какой-то момент выключается свет во всём ТРЦ. Выключается свет, пропадает сигнал, и... Как-то так, не знаю каким макаром, передают, что из-за очень-очень сильных осадков во всём городе отключилась электроэнергия, что... в городе паника.

И... начинается паника в ТРЦ. Все начинают убегать, начинается жёсткая толкучка, начинают все бежать. Я там быстро хватаю сумку, свой телефон, бегу тоже... к выходу, выходы заблокированы. Нас почему-то не выпускали. То есть нам не разрешали выйти... То ли вроде невозможно было, то ли нас не выпускали. И помню, там люди бежали к чёрным выходам, а они почему-то были закрыты. И вот мы начали все бегать, как-то

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

бегать. Реально начиналась просто давка. Это было очень страшно. Я помню, что я отправляла голосовое сообщение в беседу к своим друзьям. И в нём я говорила, что, блин, ребята, тут, скорее всего, будет такая штука, что... А! Там пожар ещё начался из-за сильных осадков, там была вода, и начался пожар в ТРЦ. И я помню, что я отправляла голосовуху своим друзьям, что, ребята, что я тут, скорее всего, ну, ... что я всё тут помираю, потому что выйти невозможно, всё заблокировано, нас не выпускают, пожар идёт. И просто люди начинают выламывать стёкла, выбивать стёкла, начинают выламывать двери.

И каким-то образом мне удалось выбраться из этого ТРЦ. И я просто сломя голову побежала домой, там есть такая дорога к моему дому, которая такая будто бы обходная. То есть она не идёт вдоль всей проезжей там части, она идёт как бы в обход около объездной дороги. И вот я бегу. Вообще всё темно, нифига не видно. И там такой закат был, вот, грозовые тучи когда закат, и солнце там пробивается ближе к горизонту. Вот такой был закат. То есть вот жёлтый вперемешку с синими, тёмными цветами. И я, вот, просто бегу домой быстрее, домой.

Информант: Кралик Кристина Фёдоровна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

17

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Ещё один сон был. Он был... Он был связан с предательством. У меня как бы есть момент из жизни, что меня предала моя учительница, он мне там много чего обещала, но в итоге в последний момент она меня подставила. Вот. Эм... И вот мне снилось, что я была в школе опять, и что мы находились

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

у неё в кабинете, и она мне... У нас с ней были хорошие отношения, и она мне подарила игрушку, она мне подарила Чебурашку. Я помню, что это был Чебурашка. Она мне его подарила, ну, как бы в знак... Ну, что, вот, просто как подарок. И после этого за этого Чебурашку на меня ополчилась вся школа. То есть, например там, на меня орали, на меня злились. На меня там... подножки там подставляли. То есть из меня сделали такого козла отпущения именно из-за этой игрушки. Было очень неприятно, обидно. То есть как только моя учительница подарила мне эту игрушку, по сути, она подставила моё доверие, доверие моих одноклассников со всей школы там, со всей параллели. То есть они на меня там все ополчились, это было не очень приятно.

Информант: Кралик Кристина Фёдоровна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

18

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Так... Насчёт... Насчёт.... Так, снова. Ну, первый кошмар мне снился, что там была такая ситуация. Я находилась в аэропорту со своей подругой и её старшим братом. И-и-и, мы получается с моей подругой куда-то собирались поехать, полететь. По-моему, вот это, вот, наши планы были, вот, на Москву. И... Всё было как бы нормально, всё было хорошо, и просто в какой-то момент вроде как началась какая-то паника в аэропорту. То есть... Как будто бы террористический акт начал проходить. И просто из неоткуда начали появляться эти чёрные пантеры. Типа как нападать на нас. Это было вообще не очень.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Информант: Кралик Кристина Фёдоровна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

19

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Далее сон был тоже из разряда кошмаров, но уже таких личных кошмаров. Мне приснилось, что мой отец, он снова начал пить. И-и-и, это было... Мы с ним находились в парке, и он лежал на снегу, вот, в этом, вот, пьяном состоянии. Я на него смотрю. И, вот, знаешь, я испытываю вот это, вот, чувство, которое я с детства не люблю. Вот это, вот, чувство... Я не знаю, как его объяснить словами, но это чувство, которое у меня всегда возникало, когда я вижу своего отца пьяного, и понимаю, что мне нужно позвонить своей матери и сообщить ей об этом, что, вот, отец дома и что он пьяный. Писец, мне так страшно было.

Информант: Кралик Кристина Фёдоровна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

20

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Мои сны... Мои страшные сны. Они, скорее, не как жанр хоррор, а как жанр триллер, где я – не главный герой. Ну, как бы я играю за себя, но я не главный герой. Первый знаю, оно с самого детства тянется, не знаю, с какого времени. А-а-а-а, что, вот, я в своём подъезде. Я очень люблю спускаться с девятого этажа на первый по лестнице, потому что это быстрее и это...

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

круче. Ну, так как я люблю это делать, в детстве у меня иногда были такие сны, что появлялся какой-то страшный-страшный топот, а-а-а-а, страшнящий просто. Как будто... я не знаю, великан появляется где-то сверху на десятом этаже, хотя его даже нет. Вот, я бегу по лестнице и почему-то... Ну, то есть я спускаюсь, топот всё нарастает-нарастает, и почему-то именно к третьему этажу он меня как бы догоняет и поглощает. Вот. Естественно, я просыпаюсь, и вот, у меня этим топотом стучит сердце. Такое тун-тун-тун-тун. Как-то так.

Информант: Пешков Константин Григорьевич, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

21

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Я в деревне. Деревня, ну типа дорога, по краям от неё домики, и, вот, дальше за деревней, небольшая деревенька такая, она, ну после нее есть такой как бы, ну, большая достаточно площадка как фестивалей. И, ну вот, есть этот музей типа и перед ним площадь. И вот там собираются люди. М-м-м.

Я провожу время с семьёй на этом фестивале, потом резко перемещаюсь, а-а-а, ну, причём как, а-а-а, то есть если деревня идёт, из, ну, из города идет в деревню дорога, то заканчивается деревня, э-э-э, слева получается от неё – это здание с площадью, а справа – дорога по нашему Миру. Ну, не по Миру, по Маркса. Примерно от, ну, короче, от Перенсона, а-а-а, короче, не суть важно, просто дорога по Карла Маркса. Вот, я беру пульт управления радио-, эм, -машинкой, которая на бензине, и участвую в каких-то там гонках.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Побеждаю, возвращаюсь, и уже, ну, резко наступила ночь. И на этих, на этой площади началась, м-м-м, начались какие-то боевые действия, то есть пришла армия с танками там, с вооруженными людьми, всех начали стрелять, а-а-а. Мы, понятно, ну, там, вне этих людей, просто отдельно сами по себе стоим, смотрим на эти боевые действия, а-а-а, на нас оборачиваются, говорят:

— Вы че офигели типа так близко стоять?! – а-а-а. – Отойдите подальше!

Вот. Ну, и указывают куда. Отходим через леса, через поля на всякие, через, ну, небольшие кустарники. Отходим и, ну, то есть, ну, уже достаточно далеко, по пути ничего нет.

Отошли, смотрим все еще на эти действия издалека, вот, а-а-а, потом резко вокруг нас появляются палатки, трейлера, ну, вот, как на фестивали собираются люди: в палатках живут там, в тендах, в трейлерах каких-то больших, микроавтобусах. Вот такие все просто. И вот эти вот все пятьсот метров, которые мы шли, всё это так, наверное, распределено трейлерами.

И, короче, мы потом уходим в какой-то кустарник, и-и-и, начинаем есть, ну, я начинаю есть его. Он такой, ну типа зелененький колючий, то есть небольшие иголочки, прям совсем небольшие, а-а-а, и начинаю его есть, ну, стебель только. А, ну, вот. Пожалуй, это всё. Потом я проснулся и понял, что, а-а-а, черт, кажется, моя первая пара начнется через пять минут.

Информант: Пешков Константин Григорьевич, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

22

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Обычно, когда мне снятся сны, где моя жизнь находится в смертельной опасности, где я буквально вешу на волоске от смерти. Мне чаще всего снятся сны, где, допустим, я вешу над каким-то обрывом или наподобие. И вот такие сны я как-то контролирую их. И стоит мне сильно-сильно зажмуриться – я наяву просыпаюсь.

Информант: Карташова Алёна Дмитриевна, род. в 1999 г. в г. Минусинске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

23

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

В общем, сон. Создавалось впечатление, что снится на протяжении всей ночи. Но, скорее всего, это не так, потому что... ну, не знаю, было ощущение, что какой-то обман. В общем, переходим ко сну. Что же: разгар супергеройской или какой-то суперзлодейской войны. Я, естественно, за хороших. Ничем таким... Никакой такой... знаешь, ну, необычной силой не обладаю. Как бы... Ну, не складывается впечатление, что я – супергерой или что-то такое, просто человек, но в разгар войны. И, вот, мы... Хорошие проигрывают. Всё плохо: злодеи выигрывают. И в какой-то момент мы все запираемся в кубе. Комната это или куб был. И по идее он там был какой-то суперупорный, защитный {СМЕХ}. Вокруг нас вода, там, море, океан. И, по всей видимости, у меня чё-то создавалось ощущение, что там акулы плавают. Вот. И там, вот, в этом кубе мы что-то обсуждаем: то, что, вот, всё, пришёл наш конец. А кто-то, по всей видимости, вдруг говорит, что нет, мы ещё сможем победить. А! Вот почему показалось, что супергеройская война, потому что к нам пришли супергерои. И какой-то индивидун такой говорит:

— Всё! Это – наши. Это – хорошие. Открываем!

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

И что ты думаешь? Нифига это не хорошие были. В итоге оказалось, что... это суперзлодеи. Пацан, который открыл им люк вот этот суперзащитный, ему открутили голову. А сами они, ну, так, знаешь, типа молчаливо... Я точно помню, что один из суперзлодеев был одет в костюм супермэна, но только чёрный. И не такое трико обтягивающее было. Вот. И, вот, заходит этот... эти все делегации суперзлодеев и безмолвно... Ну, он ничего не говорит, но я понимаю, что всё – нам всем каюк. Указывает на девушку, по всей видимости, мою подругу, не знаю, кто она. Что, мол, оставьте только её в живых. Вот... Там что-то происходит сражение, ла-ла-ла-ла. Эта девочка делает вид... попирает меня под себя и делает вид, что мы умерли. Чувствую, как её с меня поднимают и всё. И заходит этот... а-а-а-а, это, наверное, было самое кошмарное. Заходит медведь, но он – непростой медведь, человекоподобный медведь. Вот. Вот эти суперзлодеи берут огромную деревянную ложку для мёда, черпают мёд {СМEX}. А-а-а-а, и обливают их нас. И когда передо мной начинают поедать какого-то чувака. Вот этот мишка-переросток-человеколюдоед, человекообразный мишка-людоед. Ну, не мишка, а уже медведь. Я понимаю, что надо проснуться. И я просто... главное во сне – это истерички проснуться: «Это – сон! Это – сон! Это – сон!». Ну, я успела проснуться до того, как меня съели. Но это было типа очень страшно. Вот.

Собиратель: Ты интерпретируешь как-то свои сны такие? Ну, считаешь, что они тебе там снятся по какой-то причине или просто так? Ну, кошмар и кошмар?

Обычно это отражение моих внутренних переживаний. Так и интерпретирую.

Информант: Карташова Алёна Дмитриевна, род. в 1999 г. в г. Минусинске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

24

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Какой-то всратый сон был. Короче, снится мне, что мы приезжаем ночью в какой-то тёмный лес с такими искарёженными деревьями. Там стоит, э-э-э-э, дом. Э-э-э-э, там... Ну, я захожу, там моя каповская тусовка. Все там играют в какие-то настолки, вся фигня. И чё-то... потом кто-то кричит типа:

— Смотрите в окно!

И там, знаешь, как типа дементоры из Гарри Поттера на какой-то там, я не знаю, на такой же дементорской лошади летают по небу. И всё, мы начинаем все шкериться, прятаться под кровати, кто-то бежит к машине, уезжает. Я больше ничего не помню. А нет, помню. Потом меня кидает.... А я? А я побежала на гору через... На Бадалык. Короче, из этого леса я сразу перенеслась в Северный, просто там черезЖД пути перебежала в... на этот холм. Потом меня кидает в какой-то глубокий бассейн без воды. Было очень страшно и непонятно.

Информант: Пешкова Анна Григорьевна, род. в 2001 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

25

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Про бабушку? В общем, выхожу я из школы, и стоит бабка за забором. И-и-и, я пошла в... Чё-то она начинает меня догонять, что ли, чё-то не помню. Я бегу в библиотеку Маршака, которая выглядит как абсолютно

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

прекрасный деревянный дом высокий, внутри тоже всё из дерева. Вот и там начинаю убегать от бабки по всяким узким... узким коридорам и узким лестницам, а там просто бесконечные лабиринты внутри этого дома. В итоге я нахожу какую-то уютную комнату с окном, всякие шкафчики. Прикольно, как каюта капитана. А-а-а-а. Всё. Бабка меня теряет. Я выхожу из библиотеки. И тут она меня замечает, бежит дальше за мной. Я убегаю. Добегаю до взрослой поликлиники, там мы встречаемся с тобой. Вот, и начинаем уже вместе от неё убегать. Видимо, в жизни хрень происходит, вот и сны идиотские снятся.

Информант: Пешкова Анна Григорьевна, род. в 2001 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

26

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Второй сон про бабуку. Чё-то тоже около школы я стояла за забором. Вот, убегала от неё. Там причём были какие-то песочные часы постоянно, что в первом, что во втором сне. Ну, в итоге я её задушила. Ну, это тоже было максимально страшно. Я очень много бегала в этом сне. Постоянно, и это было очень стрессово.

Информант: Пешкова Анна Григорьевна, род. в 2001 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

27

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Мне приснился сон. Сорри за голос, но я все еще не могу отойти. Я стою посреди какой-то поляны. Оборачиваюсь. Там стоит дом. Типичный раздолбанный дом из деревни. Рядом с ним стоит дерево. На нем что-то висит. Небо все темное. Поляна в форме идеального круга, окружена гребанной кучей деревьев. Весь этот круг поляны истоптан босыми ногами. Сука.

Я медленно подхожу ближе к дому и вижу, что на дереве висят два трупа. Два, сука, трупа. Два трупа детей, мать твою. Они в ярких шапках с помпонами и в яркой одежде. И у них отрублены ноги. Ниже колена, твою мать, ноги отрублены.

Сука. Я стою посреди этой бл...кой поляны. Я чувствую, как от пота холоднееет спина. Трясутся коленки, но я иду дальше в дом, а он убит в хлам: сыпется штукатурка, видно гнилые доски. Я делаю пару шагов. Там комнатный перекресток. Я смотрю налево, и там просто бл...ая куча отрубленных ног. Что-то сгнило до костей, что-то гниёт. Я делаю резкий полушаг назад. От резкого звука мухи и прочий гнус, сидевший на костях, взлетают и летят мне в лицо. Вот... Я уже на грани потери сознания. Я слышу скрип половицы за спиной, но и... прежде, чем я смог повернуть голову, меня ударили по затылку. Это. Просто. Жесть. Я не смог уснуть минут двадцать-тридцать. Просто сидел со включённым светом. Голова ужасно болела, но я не мог выйти за таблетками. Просто не мог.

Информант: Коротков Федор Андреевич, род. в 1999 г. в г. Лесосибирске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

28

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Пи...ц. Сейчас такая дичь снилась. Это просто епанумба. Короче, я какого-то хрена, живу в здании школы. Ну, я и мать с отцом. Весь первый этаж школы – это огромный гараж с крутыми тачками. То есть первый этаж. Во сне даже спортзал разделен на этажи, поэтому вся школа превращена в торт трехэтажный. На втором этаже жилые помещения и так далее. На третьем хз чё.

Мы с батей вышли на обход территории. Пошарились по гаражам. Чутка поностальгировали по старым и не очень машинам. И тут здание школы начинает потряхивать. И я как бы, я говорю это бате, и мы выбегаем из гаража. Батя начинает кричать маме, чтобы она прыгала из окна, но она не откликается. Здание рушится, и маму давит бетонными плитами. Мы оба стоим в растерянности.

Спустя какое-то время мы решаем уйти от руин школы-дома. Возле ворот видим, как на земле лежит наш охранник, а рядом с ним стоит чувак лет, примерно, тридцати и говорит по рации. Я подкрадываюсь к нему сзади и херачу ему по затылку. Он падает, но продолжает говорить по рации и начинает смотреть на меня. Он человек, но ведет себя как робот, причём не самый умный. Я херачу его дальше, пока он не вырубается. Батя ошалело смотрит на всё это. Спустя секунд пять-десять он говорит, что это началось. Я уж было хотел спросить, что это такое. Но он резко перебивает меня и говорит, что из-за того, что я сделал, сюда сейчас приедут. Я кричу ему:

— Так почему мы не бежим?

Он говорит:

— Бесполезно.

Я слышу приближающийся звук сирен. Я последний раз посмотрел на отца. Весь его вид говорил о том, что он знает, что произошло, но он не расскажет, по крайней мере, не сейчас. Я оставил его и побежал. Я бежал и думал типа: «В чем мы так провинились? Кто начал это?».

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Я был просто в шоке. После этого как бы землетрясения все дома, кроме моего, исказились. Они все были в трещинах, некоторые плиты сломались и часть одной квартиры заходила в другую, некоторые дома упали, но не разрушились... И все они наклонились. Я забежал в один из них и открыл чью-то квартиру. Там так тихо готовила старушка. Я поздоровался с ней и попросил нож. После этого короткого с ней разговора я услышал, что по коридору идут и говорят люди. Голос нескольких из них показался знакомым. Они говорили про Игоря и Яну. Их отправили в концентрационный лагерь. Ну, короче. Я понимаю, что Игоря надо выручать. Пробираюсь в аэропорт и забираюсь на самолёт, который летит к этому лагерю. Долетаю до него. Прыгаю с парашютом. Все. Сон кончился из-за того, что мне грёбанный Сбер в четыре утра стикер отправил.

Собиратель: Ого, а чего это тебе сон такой приснился? Волновался, что ли, накануне?

Ну, было такое.

Собиратель: А ты, кстати, вообще какие-то причины своим снам-кошмарам придаёшь?

А, честно говоря, не знаю. Мне кажется, что они становятся каким-то итогом.

Собиратель: А итогом чего?

То есть я накапливаю какие-то ситуации и людей, которые с ним связаны... или вызывают их, что ли. ... И это всё компилируется в один кошмар.

Собиратель: Типа как отражение твоих переживаний и эмоций?

Думаю, да. Потому что люди, которые там появляются... Я они них думаю на протяжении какого-то времени. Ну, а после кошмаров, скорее всего, забываю их. То есть закидываю их из активной памяти в архив с бесполезной хренью.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Информант: Коваленко Егор Дмитриевич, род. в 1999 г. в г. Лесосибирске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

29

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Так, кароче, сон. Мне снилось, что я хожу с какой-то группой людей небольшой. Помимо меня там было буквально, наверное, два или максимум три человека. И я запомнил хорошо, что одна из них была моя бабушка по отцовской линии. И... Э-э-э. Мы ходили по комнатам, словно был какой-то лабиринт огромный из комнат, потому что открываешь дверь из одной комнаты – там другая комната. И ты вот так вот проходишь. Там в какой-то момент стало очень темно и пришлось зажечь фонарики на телефонах. И вокруг себя мы увидели... Э-э-э. Кладбище. То есть оно, ну, получается в комнате со стенами, с крышей, но было кладбище: там стояли эти могильные плиты повсюду, и все чёрные были. А-а-а-а. И помнится: я просто к некоторым могилам подходил, чтобы посмотреть кто там. И там были разные люди, и самое интересное, что у всех этих людей один... Э-э-э-э. Одного глаза как бы не было. Как сказать?.. Он как был как будто... Вот, понимаешь, есть, вот, грим какой-то вот такой для фильмов, когда делают так, чтобы типа одного глаза как бы не было, налепляют вот эту вот херню. И вот там были вот примерно также. И везде было вот так. И между этими могильными плитами была вот именно такая тропинка проложена, практически как... как нарисованная линия. В том плане, что, ну, как будто как алгоритм какой-то для робота, чтобы он там ходил. Э-э, вот, в общем-то так.

Ну, и маленькое уточнение. То есть, а когда я подходил к могилам, то есть я смотрел, кто там лежит, то есть, ну, именно смотрел на плитах; там фотографии были везде, а-а-а-а, чёрно-белые, знаешь такие, вот, щас делают

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

хорошие такие плиты. Типа глянцевые типа, как бы, да, м-м-м, отражающие. И там, вот, как бы фотография прям, ну, не наклеена прям там, вот, в самой плите. И, вот, там, вот, были постоянно вот эти вот чёрно-белые люди, и у всех вот такая вот фигня была с глазом.

Собиратель: А как ты относишься к своим снам? Ну, придаёшь какое-то им значение? Причину, почему они тебе снятся?

Хз, обычно это отражение моих переживаний типа.

Информант: Князев Дмитрий Андреевич, род. в 1996 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

30

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Сегодня мне снилось следующее: я был в какой-то непонятной квартире, но она какая-то была старая, там была вроде бы две комнаты. Эх. И какой-то там старый сервант. В общем, комнаты такие длинные были, но это не суть. А-а-а. Короче, пришли за мной два человека, одного из них я знаю. И типа хотели меня на Енисей увезти, побазарить, всё такое за косяк. Косяк типа в том, что я нос сломал Андрею: у неё там и одной норки во сне кровь шла. Эм. Ну, э-э-э. Ну, я типа, это, яйцами постукивал, что типа, блин, чё они там со мной сделают. И почему-то ещё на протяжении всего сна фигурировали наушники эпполовские эти беспроводные. Ну, ладно. Ещё я в какой-то момент со страха и со злости одного вырубил – того, которого я знаю, – а второго, которого не знаю, я потом удушающим приёмом задушил и потом ещё шею ему свернул. И потом спрятанные вот эти наушники что-то взял и начал слушать. Ну, и всё.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Информант: Князев Дмитрий Андреевич, род. в 1996 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

31

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Я проснулся и понял несколько фактов. Факт первый, я нахожусь в мире после какого-то катаклизма, из-за которого почти все живое погибло. Факт второй, я жил в этом мире со своим отцом, но по какой-то причине я отключился, а когда проснулся – сейчас – моего отца нигде рядом нет. Факт третий, я нахожусь в полуразрушенном многоэтажном здании, а рядом находятся мои знакомые, которые так же, как и я выжили. Из разговора я понимаю, что я валялся в постели долгое время, и что после моей отключки отец куда-то отправился. Я сразу пошел в его лабораторию... Я не знаю почему у моего отца есть лаборатория. Ну, она, короче, находится в этом же здании. После исследования лаборатории мы поняли, что он тут был, но давно. Все разбросано, полный беспорядок. Я решил, что мы пойдем его искать. Там великое переселение. С этажа на этаж мы постепенно передвигались с нижних этажей до самого верхнего, обследую каждый угол и каждый камень. Нам не улыбнулась удача, мы так и не смогли найти его. Значит, он не в этом доме, а в другом. Мы отправляемся изучать другие места, где он мог бы быть, но это уже будет в другом сне, потому что будильник считает, что мне нужно вставать.

Забыл упомянуть, что во время поисков отца на этажах одна девушка поранилась. Не помню, что конкретно с ней произошло, то ли камнем придавило, то ли еще что-то. Но я побежал, э-э-э-э, на нижние этажи, на нашу базу за лекарствами. Пару раз чуть не свалился вниз, но в итоге все закончилось хорошо.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Информант: Гринч Егор Романович, род. в 1996 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

32

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Обычно если что-то снится, то снятся многоуровневые кошмары. Как правило, связанные с огнём. Начало обычное, ничего не отличается от реальности: я лежу на кровати, как вокруг начинает всё гореть, я лежу и не могу пошевелиться... У меня обгорает тело, вижу, как кожа обгорает и слезает. Потом мясо прогорает до костей. Вроде просыпаюсь и всё хорошо, но потом оно начинается опять. Так несколько циклов, затем просыпаюсь от удара о кровать, как будто парил над ней на высоте около метра. Всё, как правило, является вариацией данного сна с некоторыми изменениями.

Информант: Осипов Артём Антонович, род. в 1999 г. в г. Ачинске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

33

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

А ещё часто снятся сражения на мечах, вот там и умирал в основном от удара в горло, обычно происходит это в местности похожей на летающие острова из «Аватара». Я дерусь с человеком, очень похожим на меня, но как бы гнилым всем, что ли, как будто это тот же я, но вот как будто в могиле неделю полежал, ну, и если проигрываю и умираю, то мне рубят горло, и я падаю вниз и просыпаюсь.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Информант: Осипов Артём Антонович, род. в 1999 г. в г. Ачинске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

34

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2018

Это было с девушкой, то есть я с ней гулял и, получается, по во сне у меня был образ её дома. Ну, то есть пятиэтажные у нас вот этот обычный дом в Красноярске, но только он получает был как бы, так сказать, из монстров, то есть там каждая комната отвечала, ну... В каждой комнате, получается, был монстр определённый. И-и-и, и да, я это как-то отношу к кошмару, потому что там, получается, в этом доме где-то, например. Вот представь то, что, например, там один дом. Это просто была какая-то тёмная такая штукавина, я не знаю... Наподобие венома, наверное. Ну, только это было не в виде симбиоза, а как мышца человеческая. И самое главное, что мне там запомнилось, – это то, что там одна комната. То есть это всё тот же монстр, он, короче, был абсолютно прозрачный. Ну, вот только там были немного видны его как бы сосуды.

Представь, что вот там угловатая комната, которая насквозь видна. И при этом там не монстры в виде таких человекоподобных существ, это, вот, именно монстры комнаты. Это, вот, стены, именно стены в виде монстров. Это мне очень запомнилось.

Информант: Овчинников Ярослав Витальевич, род. в 1999 г. в г. Ангарске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

35

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Год записи: 2018

Примерно таков сюжет: я просто жил и, так сказать, был в городе, ну, один убийца, который просто ко мне пришёл и сказал:

— Я убью всех, кто тебя знает и потом убью тебя.

Ну и, получается, в течение определённых дней каждый день он убивал по одному человеку. То есть это были те люди, которые знали вообще хотя бы моё имя. И это, получается, было по нарастающей: от тех, кого я знал меньше всего, и до самого близкого окружения. Это всё вот так, вот, было-было-было. А потом он пришёл с пистолетом и, в общем, пуля в лоб, и вот на этом сон у меня закончился.

Информант: Овчинников Ярослав Витальевич, род. в 1999 г. в г. Ангарске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

36

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Короче, стою в комнате, смотрю в окошко. Ранняя весна, начало заката. На горизонте облака пи...ц необычные, я залип. Во дворе дети кричат:

— Это же ракеты! Облака в форме ракет!

Думаю, что капец здорово выглядит, сниму на телефон. Включаю камеру, прислоняю к стеклу. Стою и залипаю. Похоже на лавовую лампочку в небе. Потом небо начинает будто бурлить, цвета меняются с приветливых жёлто-розовых на холодные синие, начинает свистеть ветер. М-м-м-м. Потом я слышу резкий звук вроде бы грома, я шугаюсь, но успеваю заметить, что над двором дома небо как будто взорвалось. Облака повторяли форму движения воздуха. Прямо очень похоже было... Потом такой же звук над

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

противоположной стороной дома. Слетает крыша, бьются окна. А-а-а-а, на улице визги. Я пытаюсь отбежать от окна, в этот момент проламывает крышу на надо мной, в комнату сваливается снег через чердак, я лежу на полу. Вскрикиваю так сдавленно. Потом резко подрываюсь, выбегаю в коридор. И мне навстречу батя. Я повторяю только:

— Помогите, помогите.

Отец меня обнимает, я начинаю рыдать. Он спрашивает, видела ли я это. Ну, я киваю. Потом говорит:

— Пойдём посмотрим, что с твоей комнатой.

Я начинаю в голос рыдать, потом сорванным голосом говорю в истерике:

— Не хочу туда, не хочу, пожалуйста.

Отец просит успокоиться, оставляет меня одну на кухне, дает плед. Я сижу, трясусь. Потом опять резкий звук, ощущение падения, и сон обрывается.

Собиратель: Интерпретируешь как-то этот свой сон? Причину его там? Особо значения не придаю. Ну, крыша, может, поехала, а может хз что.

Информант: Музыка Алиса Максимовна, род. в 1999 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

37

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Мне четыре раза приснилось, что я выхожу на балкон в своей комнате, слышу грохот, а там летит огромный самолёт на уровне моего дома. И он, короче, он залетает за дом и врывается в дом, следующий за моим.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Информант: Юдин Иван Кириллович, род. в 1998 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

38

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Мне сегодня кошмар приснился. В общем, я в меде. Приехала Аня, мы с ней чё-то разговаривали в машине, потом мне или звонят, или зовут, что нужно срочно идти. Я оставляю Аню в машине и ухожу.

Меня приводит какой-то мой знакомый в актовый зал в меде и говорит:

— Тебе нужно спеть, ну, ту эту песню, ты ей сильно поддержишь меня.

Ну, я спрашиваю, а какую именно. Он отвечает, что надо будет спеть ту, что я пел на посвящении. А я слов не помню, мой знакомый говорит, чтобы я не парился, типа вспомню.

В общем, я куда-то пошёл. Пришёл обратно, концерт уже начался, я жду своей очереди. Так... И тут понимаю, что я забыл про Аню, возвращаюсь к машине. Её там уже не было. А-а-а-а, бегу обратно на концерт, а он уже почти закончился. А мой знакомый смотрит на меня типа предатель, разворачивается и уходит. За мной стоит какой-то мужчина. Вот.

Я возвращаюсь к машине, Ани там нет. Приехал домой, я стою на коленях к зале рядом с балконом... Слева от меня стоит мужчина, который стоял за мной на концерте. Он, такой, берёт пистолет, я думаю, что он выстрелит в меня, но выстрелил он себе в висок и упал на новый диван в зале. Я час нахожусь в каком-то трансе как бы и не знаю, что делать, а у него уже синее лицо. Заходит мама, у неё округляются глаза, она не понимает ничего. Мы ложимся на пол и рыдаем. Позвонили в полицию, они так и не

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

приехали до конца сна. Мы начали какое-то своё расследование, даже что-то выяснили, уже не помню.

Потом я думаю, что нужно извиниться перед Аней, что я её так кинул. Мы встретились, а она плачет и говорит:

— Я тебе так благодарна.

Я такой:

— За что?

Оказывается, когда я куда-то ушёл из актового зала, то я пошёл в туалет, в кабинке которого сидела Аня и хотела утопиться, потому что кабинка была герметичная. Ну, я выволил её оттуда. Но почему-то всего этого не помнил.

В итоге это ничем не закончилось, и я проснулся в поту. Ну, короче, шиза продолжается.

Информант: Юдин Иван Кириллович, род. в 1998 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

39

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2021

Короче, это было типа фильма «Хэллоуин: Возвращение». Я была с какой-то компанией людей. Нас завели в дом, где мы должны были проходить типа хоррор-квеста. Фигня была в том, что мы вроде как должны были исследовать дом и выбраться из него, но при этом, когда мы заходили в какую-то комнату, то один из... он, короче, начинал сходить с ума и всех убивать. И неизвестно, кто именно это будет, это будет случайно. И тут я захожу со всеми в какую-то комнату, и одна девка начинает превращаться в этого убийцу. Все разбегаются. Я бегу куда-то, а дом такой ещё деревянный,

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

скрипит всё. Я слышу, что она бежит за мной и моей подругой. Мы спускаемся в подвал. И там как бы есть выход на улицу, но я понимаю, что нам от той девахи-убийце не сбежать. А в этом подвале стояли большие шкафы с одеждой. Ну, мы с подругой быстро в них и залезли. Я смотрю через щёлку, что убийца здесь. Она ещё такие звуки неприятные издаёт. А-а-а, и тут вдруг она резко поворачивается к моей шкафу, открывает его, ну, одну только дверцу, меня не видно. Вот, и она протягивает руку, и вот эта её рука прям в паре сантиметров от меня была. Но она меня не задела. Прорычала там что-то и ушла. Я, бл...ть, чуть не померла от страха. Вот. На этом сон закончился. Аж поворачиваться потом, ну, когда я проснулась и попыталась опять заснуть ... лечь лицом к стене было страшно, потому что было ощущение, что кто-то смотрит.

Информант: Лапшина Маргарита Юрьевна, род. в 1998 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

40

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2021

Я уже этот сон сильно не помню, если честно... Там было типа Великой Отечественной войны. Что была я, моя мама. И нас фашисты держали в каком-то заброшенном доме, в комнате, в которую время от времени подавали газ ядовитый, но не сразу смертельный. Вроде даже как и радиацию тоже. И вот нас там держали год точно, пока нас не освободили. Это было ужасно, потому что я помню, что все мы были грязные, нам было больно, есть хотелось. И ещё я помню, что потом мы, когда война уже закончилась, мы приезжали к этому месту типа как экскурсией, и вот женщина показывала на этот дом, где нас держали, рассказывала всё про нас.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

А я помню, что стояла и плакала, потому что... А! Потому что моя мама тогда там погибла.

Собиратель: Жесть, чего это тебе такое в сон взбрело?

Да хрен знает, приснилось и всё.

Информант: Лапшина Маргарита Юрьевна, род. в 1998 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске

Устные рассказы о вещих снах

1

Место записи: Красноярский край, г. Лесосибирск

Год записи: 2019

Ох... Что же там такое было... А! Есть у меня одна такая штука. Мне, вот, когда зубы снятся. И они... Вот... Они выпадают у меня. Это, вот, обычно, что-то нехорошее потом случается. Они, как бы, выпадывают во сне, а потом я узнаю что-то плохое. А-а-а-а... У меня сын давно-о-о-о-давно-о-о-о попал в больницу с... Этим. Аппендицитом. Во-о-о-о-т. А до этого мне приснилось, что зубы выпали. Вот так.

Информант: Сержнева Галина Павловна, род. в 1951 г. в с. Айтат, Красноярский край, в н. вр. проживет в г. Лесосибирске.

2

Место записи: Красноярский край, п. Большая Мурта

Год записи: 2019

Уу-у-у-ух. Сяйчас-то уже давно-о-о-о ничего не снится. Я не помню, не запоминается. Ты же как бы просыпаешь и уже ничего не запомнишь. Хотя, вот, знаешь, было у меня такое. Уж не знаю, вещей ли это сон. Вот, куры мои. Вот, сплю я, сплю. И вижу курей своих, цыплята ещё. И, вот, они у меня мёртвые лежат. На спинках. Все умерли. Беленькие все такие. И-и-и-и-и... Ой. И раз, знаешь. Цыплёнок маленький такой выходит. Жёлтенький. И один живой. И-и-и-и, как бы. А потом. Через. Месяц, что ли. У меня у брата, ну, дядь Володи, знаешь, у него сын с дочкой его в аварию попали. Машинную,

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

ну, столкнулись. Сын, как ты знаешь, разбился, а дочка живая осталась. Ой, хороший был парень... Во-о-о-т так. Вот, одно такое помню.

Информант: Клиняк Ольга Петровна, род. в 1953 г. в с. Айтат, в н. вр. проживает в п. Большая Мурта.

3

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2019

Ой, Танечка. Мне уже совсем ничего не снится. Старенькая я уже. Но было такое, было. Когда молодая была. Мне приснилось, что ко мне во двор собака прибежала. Такая лохматая, чёрная, грязная. Я ей и говорю:

— Ты чей? Потерялся? Давай отсюда домой.

А не уходит. Сидит такой весь, сидит. Ну, я думаю, пусть сидит. Вынесла ему попить, мясо там. А я же тогда студенткой была, ещё училась. И вот потом я познакомилась с парнем молодым из другого института, медицинского. И вот, тридцать три года уже в браке, два ребёнка и внуки уже взрослые.

Собиратель: Вы считаете, что эта собака была вашим будущим во сне?

Ну, конечно. Я же ведь его тоже не сразу приняла. А Колька всё бегал за мной, всё ухаживал.

Информант: Солдатова Алия Владимировна, род. в 1959 г. в г. Красноярске, в н. вр. проживает в г. Красноярске.

4

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2019

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Тогда ещё молодая была и жили мы в однокомнатной квартире. У нас была соседка, бабушка уже такая в возрасте. И в общем, это было, я ещё жила с первым мужем тогда со своим. Ну, в общем, это был шейсят первый год, кризис как раз. И, вот, увидела такой сон: она умерла и где-то, уже, наверное, лет десять прошло, она у меня просила прощения. Ты представляешь? Мы тогда на третьем этаже, и я поднимаюсь к себе на третий этаж, а она жила... Ну, рядом квартиры у нас были в хрущёвке. И я поднимаюсь и смотрю, она сидит под нашей дверью, голова вот так опущена, солома постелена под ней. Ну, а я, значит, думаю... И, ну, вроде как спит. И я сейчас думаю: «Тихонечко так ключ вставлю, чтобы её не беспокоить, и войду в квартиру». И только, вроде, ключ стала вставлять, и она меня за руку так РАЗ! – схватила. А у неё... Не было зубов. Вроде бы у неё два зуба, она касается руки и:

— Маша, ты меня прости, ты меня прости.

Я вся мокрая проснулась, страшный какой-то сон.

Собиратель: А почему вы считаете его вещим?

А вот так вот, Танечка. Ведь потом же соседки наши те, ну, которые меня обижали... Они же потом прощения просить приходили. Говорят:

— Ты прости нас, мы же не знали всей этой вашей истории.

Представляешь? Вот, до сих пор этот сон вспоминаю. И мне часто такое снится, когда, вот, прощения просят.

Информант: Поляковка Мария Александровна, род. в 1946 г. в с. Новая Солянка, Красноярский край, в н. вр. проживает в г. Красноярске.

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2019

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Сон перед дочкой моей, перед её смертью. Вижу такой сон. Вроде бы в нашем, это... Театре опере и балета. Вот, эти, вот, мраморные, вот, лестницы, когда поднимаешься туда, вот. Я, вот, по этим мраморные лестницы с одной стороны на ступеньки и с другой ставлю корзины с цветами. Расставляю. Ну, в общем, расставляю цветы, а муж, её отец, мне помогает, а я отгоняю. А его живого уже не было, ты представляешь? А я отгоняю, не даю ему помогать мне. И вот уже двадцать пять лет я ставлю цветы, вожу в корзинах, понимаешь? На могилу дочери.

Информант: Поляковка Мария Александровна, род. в 1946 г. в с. Новая Солянка, Красноярский край, в н. вр. проживает в г. Красноярске.

6

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2019

Вот, про цветы-то в корзинках я тебе рассказывала. Есть ещё один, вспомнился. Тоже перед смертью доченьки. Она мне снилася. И вот вижу сон: вроде бы мы приехали к ней в гости. Вот. А дом частный. И вроде бы, вот, веранда такая небольшая, и у стенки, значит, стоит стол вот такой вот. Она по ту сторону стола, а я – по эту сторону стола. И, значит, э-э-э-э, на стене такие наделаны полки, и на полках стоят банки с салониной, как я делаю. И в каждой банке цветы, вот, неживые. Такие, вот, цветы стоят. А я стою так вот, смотрю эту веранду и говорю:

— Вера, а зачем ты цветы поставила-то в банки?

— Мама, чтоб красиво было.

Она у меня была очень талантлива. А там, вот, к стене, вроде как шкаф такой сделан. И стоят всякие банки: трёхлитровые, двухлитровые и мелкие какие-то. И я говорю:

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

— Вера, а зачем тебе банки вот такие-то? И ты бы, – говорю, – хоть бы хоть шторочку сделала, закрыла.

А она мне говорит:

— Мама, я закрою-закрою, сделаю. Я ещё не успела это сделать.

Это, вот, когда она только вселилась. А в самом доме слышу: мужики, вроде как, столы собирают, гремят чем-то. Ну, то есть, вот, пришли как на новоселье. И это всё было как наяву.

Собиратель: То есть, вот, эти цветы в банках. Это как бы те цветы, что вы на могилу приносите сейчас?

Да, Танечка. Вот, предупреждал меня Бог как будто. И, вот, вожу я эти цветы ей сейчас.

Информант: Поляковка Мария Александровна, род. в 1946 г. в с. Новая Солянка, Красноярский край, в н. вр. проживает в г. Красноярске.

7

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2019

Вот, замуж когда выходила. Вижу я голубя. Он... Белый такой, Танечка, очень красивый. И он, представляешь, сидит на ветке и... И он привязывает к ветке этой ленточку голубую. Привязывает-привязывает. Вот. А потом я, вот, замуж вышла. Ну, второй раз когда.

Собиратель: То есть вам этот сон снился до самой свадьбы? Или перед предложением?

Нет, перед предложением. Ну, что-то пару месяцев прошло, и он мне предложение сделал. Ну, как предложение... Позвал и спросил:

— Замуж пойдёшь за меня?

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Собиратель: А, вот, вы сказали, что ленточка была голубая. Ну, которую голубь привязывал. Может, это тоже что-то значило?

Не знаю, Танечка, может быть, но помню, что голубенькая была.

Собиратель: А ваш первый сын. Вы же вроде бы родили его после свадьбы, нет? Может, голубая было как, что мальчик у вас будет в будущем?

А может быть, Танечка. Может быть. Видишь, как интересно-то, оказывается. Вот, не знаешь, не знаешь, а потом вот как случается.

Информант: Поляковка Мария Александровна, род. в 1946 г. в с. Новая Солянка, Красноярский край, в н. вр. проживает в г. Красноярске.

8

Место записи: Красноярский край, п. Большая Мурта

Год записи: 2020

Сон такой: поляну я вижу. Вот. И, знаешь, всё красивое такое. Очень похоже, вот, на ту, что у нас за деревней с прудом. И вижу я детей своих и мужа. Ой, гуляют, те младшенькие веселятся, с Витькой бегают. И сынок-то мой, Ваня. Подходит ко мне и говорит:

— Мама, мы пойдём. С папкой.

Я говорю:

— Куда же вы пойдёте. Домой давайте, поздно уже.

— Нет, – говорит, – мы пойдём. А ты здесь останься. Мы скоро придём.

А там мостик был на тот берег. И, вот, муж мой, покойный уже, берёт Ваню за руку, а он – маленьких других двух детей. И, вот, они начинают переходить мостик этот в том порядке, как я их всех похоронила.

Собиратель: Прямо друг за другом? Так и произошло?

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Да-да. Как будто Бог подсказывал, или ещё что-то. Сначала мой муж, потом Ваня. А потом двое детей, которые умерли у меня сразу после родов. Мальчик и девочка.

Собиратель: А эти двое детей? Они там уже более взрослые были?

Да, лет пять. Может быть. Так всё и случилось.

Информант: Клиняк Ольга Петровна, род. в 1953 г. в селе Айтат, в н. вр. проживает в п. Большая Мурта.

9

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2019

А когда, вот, дочки моей не стало. Сын её, Вовка, он тогда в первом классе учился. И пропадать часто начал: не встречу я его после школы, и нету его, всё. И один раз я нашла его на берегу Енисея с каким-то взрослыми парнями. И я, естественно, плакала. И вот снится мне, что я поехала на кладбище к дочке и мужу её. Я прям, вот так вот, к небу встала, руки подняла. А тогда у меня отца не стало, я говорю:

— Папа, Вера, помогайте! Он ускользает и ничё не могу сделать.

Я тебе дословно говорю. И тут я поворачиваюсь, и он сзади стоит, Вовка-то. Я плачу, и он стоит плачет. Не знаю. Или это помогло или ещё что-то, но с тех пор никаких... Как тебе сказать... Вот, он после этого, когда сон-то мне этот приснился... Ой... Вовка стал хорошо учиться. Вообще потом одиннадцатый класс заканчивал был самый первый в классе. На выпускном такой активный. И нам дали письмо от исполкома. Вот так, Танечка.

Собиратель: Баба Маша, то есть вы считаете, что когда Вова во сне пришёл на кладбище к своей маме и деду, то это было вроде сообщения, что

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

всё потом с ним будет хорошо? Учёба у него будет хорошая, и убегать он перестанет?

Да, как будто Верочка с папой мне об этом во сне сказали. Вот, могилы их. Я же их видела во сне. И он потом приходит туда. Плачет, и я плачу. И после этого сна всё у нас хорошо стало.

Информант: Поляковка Мария Александровна, род. в 1946 г. в с. Новая Солянка, Красноярский край, в н. вр. проживает в г. Красноярске.

10

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2019

Вот есть у меня про аварии. Накануне мне снится, что звонят в дверь. Это ночью проснусь и кажется, что кто-то позвонил. Подойду – никого нет. Дверь открою – никого нету. И слышу на кухне: вроде крышками кто-то хлопает. Я подумала, что бабушка встала, поесть хочет. Прихожу – и опять никого нету. А потом сын мой, Федя, с отцом его отправляются в деревню. Вдвоём. Они должны были там с ночевой остаться. А на следующий день я, вот, просыпаюсь. Дверь открываю, и стоит Федя. С какой-то сеткой. И-и-и-и... На меня смотрит, я – на него. Я говорю:

— А где отец? Почему приехали?

А он боится сказать, он уже был в аварии перед этим. И говорит мне:

— Мы попали в аварию.

Стал объяснять, что попали в аварию, отец в больнице: ноги ему переломало. Такие дела.

Информант: Поляковка Мария Александровна, род. в 1946 г. в с. Новая Солянка, Красноярский край, в н. вр. проживает в г. Красноярске.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

11

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2019

Ну-у-у-у. В общем, как-то... Снится мне сон: как будто я захожу в какую-то комнату, а там, короче... Ну! Э-э-э-э, гроб стоит. И вокруг этого гроба... Ну... Народ. стоит как будто. Провожают. А я не могу подойти и посмотреть, кто лежит в гробу. И-и-и-и... Вот такие дела, короче. И прабабка моя, царство ей Небесное, подходит ко мне и говорит:

— Иди, Коля, ставь свечку в церковь.

Ну, я-то чё. Не придал этому значения. Ну, через две недели у меня умер отчим. Такие дела.

Информант: Петров Николай Максимович, род. в 1957 г. в с. Айтат, в н. вр. проживает в г. Лесосибирске.

12

Место записи: Красноярский край, г. Лесосибирск.

Год записи: 2020

Снится сон. А я тогда болела очень сильно. У меня же инсульт был. Твой папа меня лечил. Я очень ему благодарна за это. Вот, сон я вижу после инсульта. Вот, земля такая... Чёрная-чёрная. И ничего на ней нету. Травы нет, цветов нет. Голая земля и прям, вот... Чёрная-чёрная. И вижу я, как начинают цветы расти на ней. Вот... Не было, не было. И бац! Растут. Красивые такие. Разноцветные всякие. А потом где-то потом твой папа приезжает ко мне знакомится. И, представляешь, он как только меня увидел. А я же тогда больная совсем была. И он мне вместо «Здравствуйте», сразу:

— Можно я ваш пульс пощупаю?

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

И потом в больницу меня ложит, лечил меня. Таблетки давал. И я выздоровела. Вот, не знаю, хоть верь, а хоть нет. Но всё равно я считаю, что тот сон прямо показал мне, что, вот, придёт твой папа и вылечит меня.

Информант: Малюч Светлана Николаевна, род. в 1952 г. в с. Айтат, Красноярский край, в н. вр. проживет в г. Лесосибирске.

13

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Знаете, мне один сон ещё по молодости. Значит, приезжаю я на каникулы в Недокуру. А училась я в Енисейске. А дядя мне говорит тогда:

— С тринадцатого и четырнадцатое надо загадывать. Ну, загадывай. Кто приснится – за того и замуж выйдешь.

И, вот, представляете... Снится мне сон. Значит... По ту сторону высокий парень стоит. По другую сторону – пополнее, тоже парень. И я, вот, встала к тому, кто пополнее. И, вот, потом, когда я стала выходить замуж, я уже закончила училище. И, вот, я встретила того парня из сна. Полного, который. И я вышла за него замуж. И через год мы с ним развелись. А потом я поехала в Недокуру работать. И там встречаю парня высокого. И, вот, мы с ним... Выхожу за него замуж. И мы с ним пятьдесят лет.

Собиратель: То есть, вот, то, что Вам два парня приснились, Вы считаете как вещий сон?

Да-да. Как вещий сон.

Информант: Саламатова Дарья Ивановна, род. в 1940 г. в п. Недокура, Кежемский район, Красноярский край, в н. вр. проживет в г. Красноярске.

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Когда, вот, от первого мужа я уехала. Прошло время, и он мне пишет: «Я еду к тебе». А перед этим известием я вижу сон. Вот, представляете: иду я по улице, и бежит собака. И на меня. Ластится, и лапу. Это... Потом я рассказываю сестре:

— Сон такой приснился.

Она говорит:

— Ну, Вася, наверное, за тобой приедет.

И, вот, и правда пишет он мне.

Информант: Саламатова Дарья Ивановна, род. в 1940 г. в п. Недокура, Кежемский район, Красноярский край, в н. вр. проживет в г. Красноярске.

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Вот, с уходом мужа. Ну, болел он у меня, конечно. Только я не ожидала, что вот так вот. Думала, что он проживет месяца ещё три-четыре. Вижу во сне я, как вроде он, вот, стоит. Я говорю:

— Ну, чё? Садись.

Он говорит:

— Да нет. Я уже пошёл.

И всё. Говорит:

— Я, вот, пойду туда.

И уходит. И, вот, летом девятнадцатого он ушёл из жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Информант: Саламатова Дарья Ивановна, род. в 1940 г. в п. Недокура, Кежемский район, Красноярский край, в н. вр. проживет в г. Красноярске.

16

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Сон. Он мне приснился незадолго до смерти моего мужа. Незадолго до гибели моего мужа мне приснился сон, как будто бы я иду по какому-то настилу, проложенному через болото. Я вижу цветное прямо сон: я вижу тёмную воду и такие тонкие жордочки, по которым я иду. Я иду, и вроде прогибается подо мной этот настил. И я осторожно стараюсь, чтобы я не упала никуда. И вдруг у меня с шеи падает крестик. Крестик падает... между этими жордочками. Мне хочется его поднять, достать. Я наклоняюсь, а он дальше уходит. Так он в болото, и утонул этот крестик. И буквально через несколько дней у меня погибает муж. Конечно, можно, я уже потом как-то это толковала этот сон. Я очень редко вижу сны. Я их вообще не запоминаю, а этот прям запомнился.

Информант: Гаврилова Любовь Яковлевна, род. в 1955 г. в г. Красноярске, Красноярский край, в н. вр. проживет в г. Красноярске.

17

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Когда мне, вот, было родить Сашку, я всё время ловила рыбу. Если я ловлю рыбу – это значит, я забеременела. И я всегда ловила. Рыба в сетях у меня была или в руках была. Вся серебрится такая, знаешь, здоровая. Вот и

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Сашка такой родился. А, вот, когда мне родить Вовку, я ловила рыбу с язвинками, с болезнями. Рыбка какая-то не такая была живая. И Вовка, вот, у меня пожалуйста: то и дело у меня болеет.

Собиратель: То есть ты связываешь это всё-таки как вещий сон?

Да, как вещий. Я думаю, что это... Это, вот, он мне, вот, что-то всё равно подсказывал.

Информант: Правитель Тамара Михайловна, род. в 1968 г. в п. Таежный, Красноярский край, в н. вр. проживет в п. Таежный.

18

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Когда я собралась второй раз замуж, я без конца видела своего покойного мужа. Во сне. Но у меня, знаешь, вот, всё время или ударить хочет, или, вот, он меня всё время, вот, он запугивал. И я потом в последствии стала понимать, что он ведь, наверное, меня предупреждал, чтобы я замуж не выходила. Я от него убегаю, а он за мной на мотоцикле как будто. Что ударить колесом меня, вот, хочет. Наехать на меня хочет, обидеть меня всё время пытался. И вот эти, вот, я сны связываю, что, вот, как бы они, вот, что-то как предсказывают. Я думаю, это всё-таки что-то значит.

Надо к таким вещам всё-таки прислушиваться.

Информант: Правитель Тамара Михайловна, род. в 1968 г. в п. Таежный, Красноярский край, в н. вр. проживет в п. Таежный.

19

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Если я вижу, допустим, покойника во сне. Это уже, знаешь, что, это уже сложено из жизненного опыта. Непременно будет перемена погоды.

Собиратель: А можете, ну, из своей жизни прям пример привести? Когда было такое в последний раз.

Ой, да, вот, совсем недавно. Морозы тут сильно ударили, а мне перед этим снилось.

Ещё если я вижу человека просто. Ну, просто. И думаю, что, будто давно не видела или чё. Обязательно столкнусь. Опять же из жизни, то снился мне один такой. И встретились прямо сразу же.

Информант: Правитель Тамара Михайловна, род. в 1968 г. в п. Таежный, Красноярский край, в н. вр. проживет в п. Таежный.

20

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Вот, моя любовь к речной рыбе в ту пору, когда она ещё совсем не посалённая, то есть свежая. Я заболела опистархозом. Очень крепко заболела, надо было в больницу уже ложиться. Я всё время видела, что ставят сруб. Ставят сруб. И часто я вижу, что рубят стены у избы. Вот, тогда, а сруб – это к смерти. И когда я приехала в больницу, и мне сказали:

— У вас ещё оставалось. Вы бы пожили года бы четыре-пять, ну, не больше. Если бы не обратили бы вовремя на себя внимание.

То есть это всё равно что-то такие вещи на подсознании, или как-то что-то, дают какой-то сигнал. Ну, потом, видим-видим сны, а потом что-то

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

происходит, и начинаешь думать: «Ага, а ведь правда. Было же ведь, ведь наталкивало же меня. Надо прислушаться». Видимо, это всё на подсознании.

Информант: Правитель Тамара Михайловна, род. в 1968 г. в п. Таежный, Красноярский край, в н. вр. проживет в п. Таежный.

21

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

И Андрея. Когда мне потерять первого мужа. Я-то сидела в огороде картошку копала. Говорят, что картошку копаешь – это к слезам. Я думаю: «Да ну. Какие слёзы». А нет. Вот, и докопала картошки сильно себе. Когда оно всё время одно и то же повторяется, я думаю, надо задумываться.

Собиратель: Ты часто этот сон про картошку видела?

Когда я. Андрея мне похоронить. Допустим, за полгода мне начали сниться такие сны.

Собиратель: Как предвестники, да? Предупреждали тебя?

Да-да. Как бы, ничего. А оно ведь ударит там, где не ожидаешь. Оно не то, что мне подсказало, что я увидела, и вот, кто-то умрёт. Всё равно не постелишь где соломы. Видать, судьба такая. Видимо, что-то мне подсказывало. Потом начинаешь сопоставлять это всё.

Собиратель: То есть какие-то символы?

Ну, да-да. Мне кажется, что всё равно что-то есть.

Информант: Правитель Тамара Михайловна, род. в 1968 г. в п. Таежный, Красноярский край, в н. вр. проживет в п. Таежный.

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

22

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Год записи: 2020

Перед смертью мужа. Вижу, короче, коридор такой. Вроде он как идёт по коридору. Потом этот коридор обрывается, и знаешь, вроде как открытое поле. И вижу просто-напросто такое... как сказать... яркое-яркое солнце. Потом лес такой, прямо крупный, знаешь такой, смешенный. И вместо этого леса вижу кладбище. Ну, как оно у нас есть, вот, на пригорке, вот точно также я его и видела. Ну, и потом, значит, смотрю, вроде как он выходит и говорит мне:

— А ты чё здесь делаешь?

Я говорю:

— А ты чё здесь делаешь?

Я говорю:

— Ну, я просто пришла как бы попроведовать, скажем, родных.

А он говорит:

— А я здесь буду жить.

Вот, так вот.

Собиратель: И ты поняла когда, что это сон – вещий? До того, как он погиб, или после?

Нет, это было до того, как он погиб. Я перед ним видела.

Собиратель: И ты уже для себя, вот как, поняла, что это сон – плохой, да?

Ну, да. Знаешь, я наутро поняла, чувствую, что что-то и некомфортно было. Как-то вот. Когда он пришёл с работы. И я ему такая, раз, на шею. У меня слёзы покатались.

Собиратель: А его убили скоро после твоего сна?

Читай на второй день.

Собиратель: То есть у тебя просто такой, вот, предвестник прямо было?

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Да-да.

Информант: Герасимова Екатерина Евгеньевна, род. в 1969 г. в п. Таежный, Красноярский край, в н. вр. проживет в п. Таежный.

23

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Когда у меня умер сын. Тут я видела сон. У меня дети ещё небольшие были. И, знаешь, вроде как они пошли в школе. Да и Витька у меня был в школе. А я была беременна в этот момент. И у меня половица меж, скажем, дверей вроде как обвалилась или сломалась, что-то такое, что дыра была в подполье. И я так наклоняюсь в эту, в дыру-то, и говорю:

— О, господи. Чё вода-то какая-то тёмная?

Ну, и вроде Витька заходит, ставит две досточки. Надо закрыть это дело. И они, вот, знаешь, как выстроились друг за другом. И я на утро, а мне как раз через два дня роды начались. И я когда уходила из дома мужа, я все-все уголки своих стен обсмотрела. И у меня было такое состояние, что, знаешь, вроде как я не приду домой. А тут получилось наоборот. У меня родился больной ребёнок. И, вот, после всего этого. Десять месяцев всего, два дня не дожил до десяти. И он у меня умер.

Собиратель: Что предвещало в этом сне? Что ты видишь воду чёрную в подполье?

Ну, вообще, вода чёрная – это плохое. Грязная вода. Если видишь, когда светлая вода. Например, вот, просто по ней плывёшь и светлая такая водичка. То здесь ничего такого нету. А когда видишь грязную воду – это сто процентов что-то будет не очень приятное.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Собиратель: А, вот, почему... Как ты объясняешь, что ты видела и других детей своих?

Да, ну, я видела и других своих детей. Тех, которых я уже сделала и тех, которых у меня не было.

Информант: Герасимова Екатерина Евгеньевна, род. в 1969 г. в п. Таежный, Красноярский край, в н. вр. проживет в п. Таежный.

24

Место записи: Красноярский край, п. Большая Мурта

Год записи: 2020

Ой, когда Филька умер. Вот, перед смертью его. Я ещё тогда почувствовала, что, вот, прихожу к нему покормить вечером. И смотрю на него, а он лежит весь такой. И смотрит на меня, вот, знаешь, как будто, вот прощается. И вижу я сон: приходит дед домой и приносит ошейник Фильки. А он весь порванный какой-то, грязный. Вроде как срывали с него этот ошейник. Прямо сильно. Я ещё такая удивилась, говорю:

— А Филька-то где?

А дед молчит, только на ошейник этот смотрит. Ну, и, пропал потом Филька, а потом узнали, что убили в лесу и... Господи... растерзали собаки другие.

Информант: Клиняк Ольга Петровна, род. в 1953 г. в селе Айтат, в н. вр. проживает в п. Большая Мурта.

25

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Ну, значит, стою я около колодца. И мама моя там тоже. И потягивает мне булочку. И ещё она так одета так, о-о-ой. А булочка румяная такая, как она стряпает. Такая пышная-пышная булочка. Она мне подаёт её. Я говорю:

— Ой, мама, как вкусно пахнет. Какая вкусная.

И оказалось, что это правда: говорят, когда покойник тебе что-то даёт. Я приезжаю домой сюда. Мне звонят, я в отпуске была. Коллега после работы. Она говорит:

— Маша, премию дают! {СМЕХ}

Я говорю:

— Ой, Нина, я догадываюсь, какая там премия. Рублей пятьсот.

Она:

— Ты чё! Пять тысяч!

Вот, так вот как-то.

Информант: Дитченко Мария Петровна, род. в 1951 г. в д. Хмелево, Красноярский край, в н. вр. проживает в г. Красноярске.

26

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Ещё как-то мама мне снилась. До смерти её. Мы с ней около автобуса стоим. Я ей говорю:

— Мама, я, – говорю, – куплю билет сейчас. Подожди меня.

А! Нет! Она говорит:

— Иди, – говорит, – купи билет.

А я ей:

— Да, мама, я с тобой в автобусе вместе возьму.

А она:

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

— Да ты со мной-то, подожди, не поедешь. Тебе рано ехать-то, – и говорит. – Иди купи билет.

И я такая вроде как разозлилась, побежала покупать билет. Прихожу, а она уехала.

«Вот, – думаю, – вот, специально отправила и уехала без меня».

Информант: Дитченко Мария Петровна, род. в 1951 г. в д. Хмелево, Красноярский край, в н. вр. проживает в г. Красноярске.

27

Место записи: Красноярский край, г. Красноярск

Год записи: 2020

Ой, знаешь, Танечка, когда мне было тридцать семь. И я легла в больницу на операцию. И лежала там. И, вот, перед уколом надо было поставить, я легла подремать. И снится мне сон. Мне было очень плохо. И мне снится сон. Муж у меня идёт по песку. В такой красивой рубаше, как гавайской. На море. А я себя представляю вот такой... золотой как статуеточкой. И вот ухожу, ухожу в песок. Ухожу. И думаю: «Если я уйду, я, значит, не выживу». А потом раз-раз. И всё. Значит, я буду жить. Хотя, знаешь, как говорили врач: пятьдесят на пятьдесят. Тромб во время операции может оторваться. Ну, рискнули, сделали. Ну, как видишь, живая, вот.

Информант: Дитченко Мария Петровна, род. в 1951 г. в д. Хмелево, Красноярский край, в н. вр. проживает в г. Красноярске.

28

Место записи: Красноярский край, г. Лесосибирск.

Год записи: 2020

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

Вот, вижу я монеты. Серебряные. А у нас, ну, знаешь, может: видеть серебряные монеты – это плохо будет. Вот, что-то нехорошее. И, вот, Маринка, внучка, мне звонит. И проблемы у неё там на учёбе. А монетки ещё в руке были. То есть это у кого-то плохо будет. Вот, у Маринки там беда была.

Собиратель: Вы уже после сна узнали о Марине?

Да-да, Таня. После. И ведь знала я, что что-то плохое будет. Ведь, есть же такое. И, вот, с Маринкой.

Информант: Сидоренко Тамара Львовна, род. в 1950 г. в г. Лесосибирске, Красноярский край, в н. вр. проживет в г. Лесосибирске.

29

Место записи: Красноярский край, г. Лесосибирск.

Год записи: 2020

Ой, вот, тоже мне про Маринку снилось. Переживала сильно за неё, когда она поступала в Красноярск-то. На юриста. И снится мне ребёнок. Маленький совсем. Грудничок. Он такой в пелёночке белой. И красивый-красивый такой. А, вот, видеть ребёнка маленького – это к неожиданным новостям. И, представляешь, я потом узнаю через неделю, что Маринка поступила. На заочку правда, но поступила.

Собиратель: А, вот, вы говорите, что монеты серебряные видеть – это к плохому, а маленького ребёнка – к хорошему. Вам часто такое снилось, что вы заметили эту особенность? Повторялось?

Нет, мне не часто. Мне, вот, мама ещё говорила, что если в горку поднимаешься, возвышенность такая, то это преодоление препятствий и всё получается. А если вниз наоборот с горы, то нехорошее. Ну, вот, мы же все собираемся там у нас. С остальными. Ну, и рассказываем друг другу, что и

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (продолжение)

как у нас происходит. Так и замечаем, а потом и сами... как предупреждаем.

Информант: Сидоренко Тамара Львовна, род. в 1950 г. в г. Лесосибирске, Красноярский край, в н. вр. проживет в г. Лесосибирске.

30

Место записи: Красноярский край, г. Лесосибирск.

Год записи: 2020

А ещё рыбу ловить. Это, вот, у меня было, когда я Анькой забеременела и Олегом. Вот, рыбу я видела. Блестящая она была такая. И, вот, я когда узнала, что беременна, то сразу вспомнила про этот сон с рыбой. И когда второй раз Олегом узнала забеременела – тоже. Вот, такие дела. Если видишь рыбу, и ты её ловишь, то это беременность.

Собиратель: А рыбы отличались при каждом разе? Ну, не помните, как они выглядели? Вот, рыба, которую вы видели перед тем, как узнать, что беременны Аней, отличалась от той рыбы, что вы видели перед Олегом?

Ой, знаешь, Таня, я не помню. Может, и отличалась. Такого я не запоминаю.

Собиратель: Но рыбы обе были хорошие? Не было какой-то плохой, больной как будто?

Нет. Я помню, что голубенькие такие были с брюшком белым. Но каких-то болячек не было.

Информант: Сидоренко Тамара Львовна, род. в 1950 г. в г. Лесосибирске, Красноярский край, в н. вр. проживет в г. Лесосибирске.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯиРК

 И.В. Евсева

« 15 » июня 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О СНОВИДЕНИЯХ
(ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ
АСПЕКТЫ)**

Выпускник



Т.Д. Тараденко

Научный руководитель



д-р филол. наук, проф.
О.В. Фельде

Нормоконтролер



Н.С. Севруженко

Красноярск 2021

ОТЗЫВ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

д-ра филол.наук, проф. Фельде О.В.

на выпускную квалификационную работу студента
направления 45.03.01 Филологи, ИФиЯК, СФУ Тараденко Т.Д.
на тему «Устные рассказы о сновидениях (типологический и
коммуникативный аспекты)»

№	Параметры оценивания	Уровни оценивания			
		высокий	средний	низкий	не представлен
1.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям	+			
2.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования	+			
3.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения	+			
4.	Количество языкового материала и качество его анализа / качество анализа литературного материала	+			
5.	Глубина раскрытия темы	+			
6.	Степень оригинальности работы (отсутствие неправомерных заимствований)	+			
7.	Ответственность в отношении к работе	+			
8.	Соблюдение графика выполнения ВКР	+			
9.	Отсутствие опечаток, орфографических и/или пунктуационных ошибок	+			
10.	Оформление текста и библиографии	+			
Комментарии научного руководителя					
<p>ВКР Татьяны Дмитриевны Тараденко выполнена на оригинальном текстовом материале, который ею записан на диктофон и расшифрован самостоятельно. Отмечу искренний интерес студентки к формированию эмпирической базы и теме исследования, а также инициативность в поиске научной литературы и сформированный навык ее аналитического прочтения.</p> <p>ВКР отличается актуальностью проблематики и логичностью изложения материала. Отмечу также высокую степень самостоятельности Татьяны Дмитриевны на всех этапах исследования. Результаты работы прошли необходимую апробацию на четырех международных научных конференциях в Москве и Красноярске, причем дважды доклады Т.Д.Тараденко признавались лучшими в секциях на МНК студентов, аспирантов и молодых ученых ЛОМОНОСОВ-2019 и ЛОМОНОСОВ-2021, Москва, МГУ.</p> <p>Результаты исследования изложены в трех опубликованных научных статьях и тезисах.</p> <p>Сказанное позволяет высоко оценить данную работу.</p>					
Итоговая оценка научного руководителя				ОТЛИЧНО	

Д-р филол.наук, проф. _____  Фельде О.В.

РЕФЕРАТ

Тема бакалаврской работы – «Устные рассказы о сновидениях (типологический и коммуникативный аспекты)». Выпускная квалификационная работа представлена в объеме 147 страниц, включает в себя введение, 3 главы, заключение, список использованной литературы, состоящий из 67 источников, 5 из которых на иностранном языке, а также 2 приложения.

Ключевые слова: КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, КОММУНИКАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ, УСТНЫЙ ДИСКУРС, УСТНЫЙ РАССКАЗ, ВЕЩЕЙ СОН, СОН-КОШМАР, ТИПОЛОГИЯ, ОБРАЗ СНА, ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА.

Цель: описать коммуникативные особенности устных рассказов о сновидениях.

Задачи: 1) сформировать эмпирическую базу исследований; подготовить хрестоматию рассказов о сновидениях (сны-кошмары и вещие сны); 2) рассмотреть особенности устного дискурса; 3) выявить жанровые особенности устного рассказа о сновидении; 4) представить типологию устных рассказов снов-кошмаров и вещих снов; 5) описать особенности коммуникативных сценариев устных рассказов о сновидении; 6) выявить языковые особенности экспликации устных рассказов о снах-кошмарах и о вещих снах.

Актуальность темы обусловлена обращенностью к решению дискуссионных проблем устной коммуникации, ее жанров и языковых особенностей. В работе затрагиваются фундаментальные проблемы «язык и эмоция», «язык и сознание», «язык и речь».

Основные выводы и результаты исследования:

1. Установлено, что устные рассказы о сновидениях отражают психическую деятельность человека, лежащую в основе речевой. Следовательно, они представляют лингвистическую ценность для антропоцентрического языкознания.

2. Доказано, что устный рассказ о сновидении обладает всеми признаками речевого жанра. Анализ научной литературы, посвященной исследованию устных рассказов о сновидении, показал, что необходимо более глубокое изучение данного жанра с позиции коммуникативной лингвистики.

3. Типология устных рассказов в сновидениях обнаруживает схожие и различные черты в зависимости от предмета сновидения: кошмар или вещий;

4. Установлено, что коммуникативные сценарии устных рассказов о сновидениях обладают определенной структурой, которая специфична для снов-кошмаров и вещих снов. Различия касаются кульминационной и заключительной части (коды).

5. В устном рассказе об увиденном сне информанты используют нарративную речевую стратегию, которая реализуется через тактику портретирования (сны-кошмары и вещие сны), а также тактику сопоставления (вещие сны);

6. Языковые особенности экспликации образов сна снов-кошмаров юношеской фокус-группы обнаруживает большее разнообразие. Маркирующими языковыми единицами устных рассказов о снах-кошмарах являются эмотивы и оценочная лексика, а для устных рассказов о вещих снах характерна лексика с темпоральной семантикой (темпоративы) и также оценочная лексика.

7. Образы сна эксплицируются перцептивной лексикой, колоративами, соматизмами, а также различными стилистическими средствами (эпитеты, аллюзия и т.п.).

Перспективой дальнейшего исследования является расширение эмпирической базы и анализ материала с точки зрения лингвоперсонологии, микросоциолингвистики и лингвистической эмотиологии.